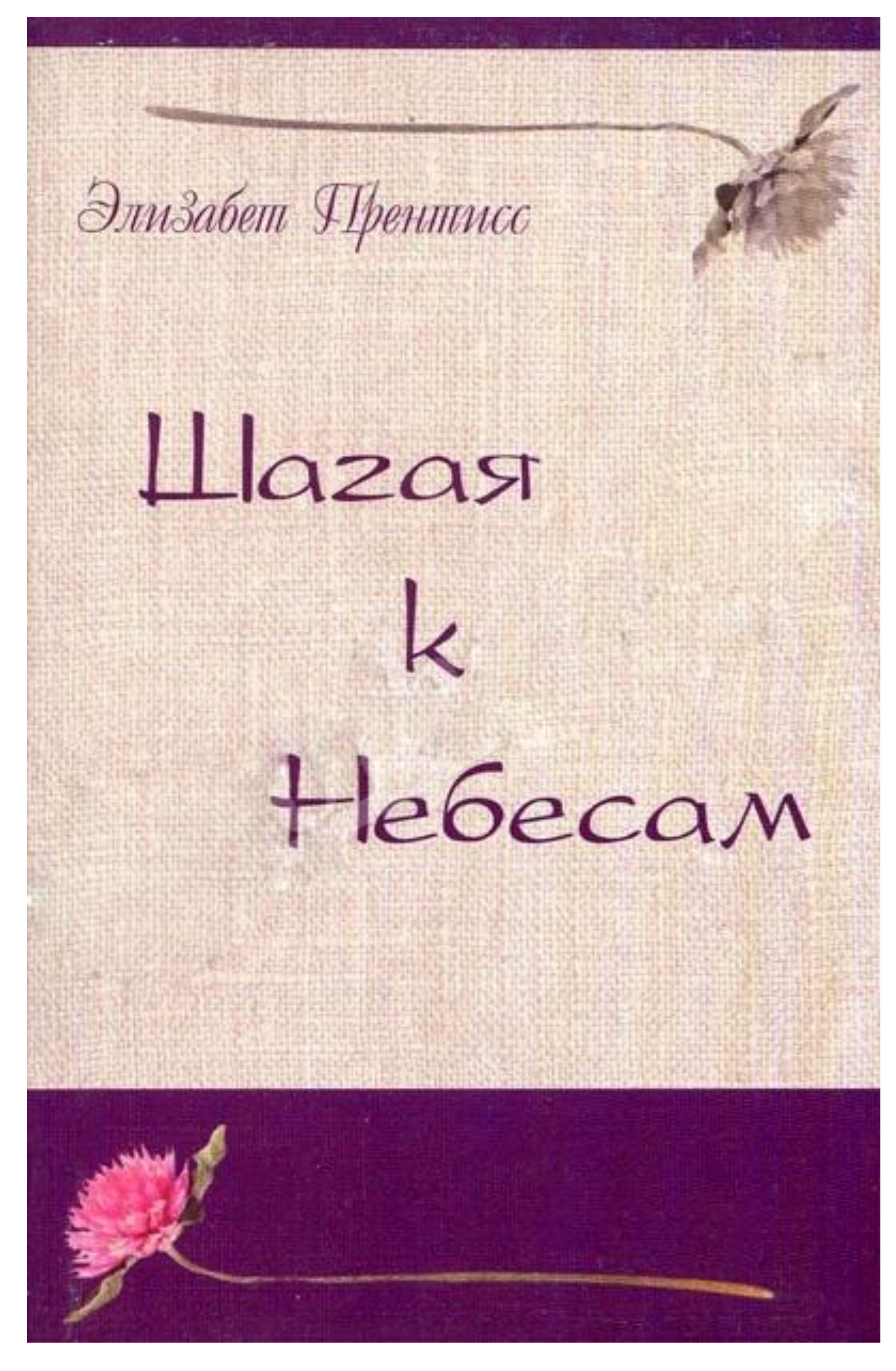

Название: Шагая к небесам
Автор: Элизабет Прентисс
Издательство: Агапе
Год: 2002
Страниц: 400
Формат: Docx
Язык: Русский

Комментарии: Элизабет Прентисс "Шагая к небесам": дневник, который начала вести девушка-подросток в середине 19 в. О надеждах и стремлениях юности. О первой любви и голосе разума. Об отношениях с мамой, потом мужем, детьми, родственниками мужа. О радостях, переживаниях, страданиях и потерях. О духовной жизни, взрослении... О постоянной борьбе: с нуждой, с болезнью... с самой собой! Заканчивает дневник уже зрелая женщина, утешенная Господом и оттого умеющая утешать, прошедшая школу Христа и имеющая богатый духовный опыт.

Глава I

15 января 1831 года

Как быстро я старею! Подумать только, мне уже шестнадцать лет! Ну что ж, ничего с этим не поделаешь. Вот, пожалуйста, в большой Библии записано папиным почерком: «Кэтрин, родилась 15 января 1815 года».
Хотела сегодня встать пораньше, но за окошком такая мерзкая стужа, а в постели так тепло и уютно. Поэтому я завернулась покрепче в одеяло и стала придумывать целую кучу благих намерений.
Во-первых, я решила начать вот этот дневник. Правда, я уже заводила, наверное, с десяток таких дневников, — начинала, но мне это быстро надоедало. То есть, мне не вести их надоедало, а просто было противно читать то, что я сама про себя там писала. Но на этот раз я и вправду намереваюсь продолжать, несмотря ни на что. Будет полезно перечитывать. Хоть посмотрю, что я за создание такое.
Ещё я решила делать побольше приятного маме, — больше, чем раньше.
Потом решила ещё раз попробовать обуздать свой порывистый характер. Ещё подумала, что этой зимой мне надо научиться быть самоотверженной, как герои в книжках. Я представила себе, как все удивятся и обрадуются, если я вдруг стану такой хорошей и положительной во всех отношениях!
В этих радужных мечтаниях время пролетело незаметно, и я вздрогнула от неожиданности, услышав наш домашний колокольчик, созывающий всех на утреннюю молитву. Я вскочила в большой спешке и как можно быстрее оделась. Но всё как нарочно пошло наперекосяк. Я никак не могла отыскать ни чистого воротничка, ни носового платка. Вот всегда так! Вечно Сьюзан рассовывает мои вещи по самым дальним углам! Когда я наконец спустилась вниз, все уже сидели за завтраком.
— Я надеялась, что хотя бы в свой день рождения ты спустишься вовремя, дорогая моя, — сказала мама.
Терпеть не могу, когда ко мне придираются. Я тут же вспылила:
— Конечно, если все мои вещи распиханы так, что ни одной не найдёшь, как же мне придти вовремя? — сказала я. И по-моему, сказала очень сердито, потому что мама потихоньку вздохнула. Лучше бы она не вздыхала так. Лучше бы накричала на меня и назвала лентяйкой или чем-нибудь похуже.
Сразу после завтрака мне надо было бежать в школу. Я уже выходила, когда мама сказала:
— Ты калоши надела?
— Мам, ну не задерживай меня! Я же опоздаю! — взмолилась я. — Да и не нужны мне калоши.
— Всю ночь шёл снег, так что, думаю, они тебе всё-таки нужны, — сказала мама.
— Я не знаю, где они. Ненавижу калоши! Мам, ну дай я уже пойду! — вскричала я. — Ну неужели хоть раз нельзя сделать по-моему?
— Хорошо, доченька, пусть сейчас будет по-твоему, — сказала мама и ушла.
И зачем это, интересно, ей было называть меня «доченькой» в таком тоне?
Я понеслась в школу и, только подскочив к двери класса, вспомнила, что так и не произнесла утренней молитвы! Вот уж, действительно, весёленькое начало для дня рождения! Ну что ж, просто времени не хватило. И, может быть, мои утренние благие намерения понравились Богу не меньше моих сумбурных, глупых молитв. Потому что, если честно, я не умею как следует молиться. Никогда не знаю, что сказать. Часто удивляюсь, о чём это может говорить с Богом мама, когда на целый час запирается у себя в комнате.
В школе всё прошло довольно мило. Учителя меня хвалили, да и Амелия так меня любит! Она принесла мне в подарок кошелёчек, который сама для меня связала, а ещё сетку для волос. Сетки сейчас как раз в моде. Теперь не надо будет тратить так много времени на причёску. Вместо того, чтобы причёсывать, и причёсывать, и причёсывать мою гриву, чтобы волосы лежали гладко, по маминому вкусу, теперь можно будет всё это махом закрутить, засунуть в сетку — и ходи себе целый день.
Ко всем подаркам Амелия написала мне ещё и очень миленькую записочку. Она и правда меня любит, я уверена. Как же это славно, когда тебя любят!
Когда я пришла домой, мама позвала меня к себе в комнату. Вид у неё был заплаканный. Она сказала, что я очень огорчаю её своим своеволием, раздражительностью и тщеславием.
— Тщеславием?! — закричала я. — Ах, мама, да если бы ты только знала, какой отвратительной я себя считаю!
Мама слегка улыбнулась. А потом снова стала перечислять мои недостатки, пока не выставила меня самым дурным созданием на свете. Я залилась слезами и выскочила из комнаты, но она заставила меня вернуться и выслушать всё до конца. Она сказала, что к двадцати годам мой характер сформируется окончательно, и спросила, хочу ли я и дальше оставаться такой, как сейчас. Я угрюмо потупилась и не стала отвечать. Мне стало жутко от мысли, что на исправление осталось всего четыре года, но, в конце концов, за этот срок можно многое успеть. Понятно, что точно такой, как сейчас, мне оставаться не годится.
Дальше мама сказала, что со всеми моими недостатками из меня всё-таки ещё может выйти толк, если только я как следует за себя возьмусь.
— Ты откровенна и правдива, — сказала она, — а кое в чём даже ответственна и совестлива. Я надеюсь, что ты и вправду дитя Божие и стараешься угодить Ему. И молюсь каждый день, чтобы ты стала милой, любящей, трудолюбивой женщиной.
Я ничего не ответила. Я хотела что-то сказать, но язык меня не слушался. Я сердилась на маму, сердилась на себя. Внутри всё так и кипело — пока не выплеснулось разом, вместе с жутким потоком слёз. Может, мамино сердце смягчится, и она возьмёт свои слова обратно?
— А вот у Амелии мама никогда ничего такого ей не говорит! — сказала я. — Зато она всё время её хвалит и называет умницей. А я? Я и так стараюсь стать хорошей, строю благие намерения и всё такое, — а ты опять ругаешься! У меня просто руки опускаются!
Мама очень тихо и мягко спросила:
— Ты считаешь, что я «ругаюсь», девочка моя?
— А мне не нравится, когда меня называют тщеславной, — продолжала я. — Я знаю, что я ужасная, и мне так плохо, так противно!
— Ты уж прости, дорогая моя, — ответила мама, — но тебе придётся меня выслушивать. Другие люди тоже будут замечать твои недостатки, но только у мамы достанет смелости сказать тебе о них. А теперь иди к себе, утри слёзы и умойся, чтобы все остальные не заметили, что ты плакала в свой день рождения.
Мама поцеловала меня, а я её нет. Я и вправду думаю, что сам сатана помешал мне это сделать.
Я пробежала по коридору к себе в комнату, захлопнула за собой дверь и крепко её заперла. Я собиралась броситься на кровать и плакать до тех пор, пока не заболею. Тогда все увидят, какая я бледная и усталая, и начнут меня жалеть. Так люблю, когда все

меня жалеют! Но тут я увидела, что на столе возле окна стоит прелестный, новенький письменный прибор вместо того старого и потёртого, который я за много лет окончательно сломала и изляпала чернилами. В маленькой записке, полной любви, говорилось, что прибор — от мамы; она просила меня каждый день прочитывать несколько стихов из красиво переплетённой Библии, которая лежала тут же рядом, — прочитывать и размышлять над ними. «Всего несколько стихов, — писала она, — только тщательно прочитай их и как следует над ними подумай. Это лучше, чем читать главу или две только ради видимости». Я осмотрела прибор, и в нём всё было так, как я люблю: множество бумаги, воск, перья и хорошенькие печатки. Я всегда запечатываю письма воском. Облатки — это вульгарно. Потом я наугад открыла Библию, и мне попались такие слова: «Итак бодрствуйте, потому что не знаете, в какой час Господь ваш придёт» *. Ничего утешительного в этом не было. Я почувствовала отвращение при мысли о том, что надо постоянно быть настороже, думать, что в любую минуту можешь умереть. Я совсем не готова умирать. Кроме того, я хочу жить весело и ни о чём не беспокоиться. Я надеюсь, что буду жить долго-долго. Может, конечно, лет через сорок или пятьдесят я устану от мира и захочу его покинуть. Надеюсь, к тому времени я стану гораздо лучше, чем сейчас, и буду достойна пойти на Небеса.
Я написала маме ответ пером из своего новенького прибора и поблагодарила её за подарок. Я писала, что она самая лучшая мама в мире, а я — самая отвратительная дочь. Потом я всё это перечитала, и мне ужасно не понравилось, так что я написала заново. Потом я спустилась к ужину, и мне стало легче. Ужин был такой чудесный! На столе тоже всё было так, как мне нравится. Мама не забыла ни одного из лакомств, которые я люблю. Амелия тоже пришла. Оказывается, её пригласила мама, чтобы сделать мне маленький сюрприз. Сейчас уже ночь, пора спать. Надо помолиться и отправляться в постель. Что-то я замёрзла, пока писала тут, сидя на холоде. Лучше помолюсь в постели, только сегодня, один раз. Мне совсем не хочется спать, но, пожалуй, сидеть ещё дольше совсем не годится.

30 января

Вот я и снова за столом. В камине развели огонь, мама сидит возле него в кресле и читает. Мне не видно, что за книга у неё в руках, но я нисколечко не сомневаюсь, что это Фома Кемпийский. * Как мама может перечитывать её год за годом, понятия не имею! Я вот люблю всё время читать что-нибудь новенькое. Но мне надо вернуться к тому, на чём я закончила в прошлый раз.
В тот вечер я положила перо и быстренько залезла в постель, потому что ужасно устала и замёрзла. Помню, как я сказала: «Ой, Боже, мне даже стыдно молиться», и сразу начала вспоминать всё, что произошло за день, — а потом вдруг прозвенел утренний колокольчик, и пора было вставать. Я и правда совсем не собиралась засыпать. Не надо было мне быть такой неженкой и во время молитвы забираться в постель из-за какого-то холода. Ведь пока я писала в дневнике, то вообще ничего не чувствовала. Ну так вот. Колокольчик зазвенел, я тут же вскочила с кровати, но вдруг у меня ужасно закололо в боку, и вдобавок поднялся страшный кашель. Сьюзан потом сказала, что я всю ночь прокашляла. Тогда я вспомнила, что когда в прошлый раз ходила по снегу без галош, у меня потом точно так же болело в боку и был такой же кашель. Я снова забралась под одеяло, чувствуя себя последним неслухом. Мама послала спросить, почему я не спустилась к завтраку, и мне пришлось признаться, что я заболела. Она тут же поднялась ко мне, и какой же у неё был встревоженный вид! Так вот я с тех пор и болею, сижу дома и даже не встаю, — сегодня в первый раз села за стол, совсем на чуть-чуть. Бедная мама совсем со мной замучилась; я знаю, что в последнее время постоянно раздражаюсь по пустякам, а ведь сама виновата в том, что заболела. В следующий раз буду делать, что говорит мама.

31 января

Да уж, мне легче пообещать, чем выполнить! Вчера, как только я всё это написала, мама в третий раз попросила меня не сидеть так долго за столом, — и как только она это сказала, я свалилась в обморок, и ей пришлось порядком со мной повозиться, потому что рядом никого не оказалось. Я не заметила, что сижу уже так долго, и не соображала, насколько я ещё слаба. Интересно, пойму я когда-нибудь, что мама и в самом деле знает больше, чем я, и лучше её слушаться?!

17 февраля

Прошло уже больше месяца с тех пор, как я простудилась, а я всё ещё не выхожу на улицу. Правда, доктор разрешил мне спускаться в столовую, но про школу он и слышать не хочет. Да-а. Так меня все девочки перегонят. Сегодня воскресенье, все ушли в церковь. Я подумала, что надо с пользой провести время, пока никого нет, взяла с полки «Воспоминания Генри Мартина» и немножко почитала.
Боюсь, я совсем на него не похожа. Потом я встала на колени и попробовала помолиться. Но в голове было такое множество всяких других мыслей, что я решила подождать подходящего настроения, чтобы легче было сосредоточиться. За обедом мы с Джеймсом поспорили, какого сорта у нас яблоки. Он ужасно меня разозлил, а потом сказал, что благодарен Богу, что у него не такой дурной характер. Я заплакала, а мама упрекнула его за то, что он меня дразнит, и добавила, что я такая нервная и раздражительная из-за болезни. Джеймс ей ответил, что, в таком случае, это у меня что-то хроническое. Я опять заплакала, и ещё долго потом плакала, лёжа на диване, пока вдруг не заснула. Не вижу, какую пользу принесло мне это воскресенье; одно только расстройство и слёзы. Ну почему я всё время прошу Бога сделать меня лучше, а Он не отвечает?

20 февраля

Сегодня на улице было так не по-зимнему тепло, что доктор разрешил мне немного покататься в коляске и побыть на свежем воздухе. Это было замечательно! Чувствую себя совсем здоровой, и мне не терпится снова в школу. Я благодарна Богу за то, что Он исцелил меня, и мне хотелось бы любить Его сильнее. Но если честно, я даже не знаю, люблю ли я Его вообще. Мне страшно даже самой себе в этом признаваться и об этом писать, но лучше так. Я не люблю молиться. Мне всегда хочется отмолиться поскорее, чтобы побольше было свободного времени на всякие другие дела. Правда, сегодня утром, стоя на коленях, я сильно плакала, и мне было ужасно стыдно за свою вспыльчивость и дурные привычки. Может быть, если бы я всегда себя так чувствовала во время молитвы, она не была бы мне в тягость. Вот бы узнать наверняка, попал ли на Небеса хоть один человек вроде меня. Я столько уже читала разных мемуаров и дневников, и там всё время говорится о людях, которые были слишком хороши для этого бренного мира и посему отошли к Господу. Или отправились куда-нибудь миссионерами. Я совсем не такая, как они.

26 марта

Что-то я так занята, что совсем почти не разговариваю с тобой, милый мой, глупый Дневник! Как-то так получилось, что последнее время я веду себя вполне прилично. Всё идёт как по маслу. Мама не сделала мне ни одного замечания, а сегодня папа похвалил

мои рисунки, и было видно, что он гордится своей дочкой. Он говорит, что не скажет мне, как отзываются обо мне учителя, чтобы я не зазналась. Пару раз он выходил из кабинета как раз тогда, когда я, напевая, крутилась по дому, — и тогда он непременно целовал меня в щёку, а однажды назвал меня своей милой маленькой вертушкой. Когда он так говорит, я знаю, что он очень мною доволен. Как хорошо нам вместе, когда всё в порядке! Долгими вечерами мы сидим вокруг стола, с книжками или шитьём, а кто-нибудь один читает вслух. Мама выбирает книгу и сама начинает читать. Она читает просто удивительно. Конечно, читать мы начинаем только после того, как выучены все уроки. Ну, мне-то выучить уроки совсем недолго. Только прочитать разок, и всё уже в голове. Поэтому остаётся много времени, чтобы просто читать, и я с жадностью поглощаю все стихи, которые попадают мне в руки. Да и вообще, я лучше буду читать «Течение времени» Поллока, чем совсем ничего.

2 апреля

Неподалёку от нас живут три мамины подруги, и у каждой уйма маленьких детей. Просто уму непостижимо, как часто болеют эти несносные создания! Стоит у кого-нибудь из них прыщику на носу вскочить, они тут же посылают за мамой. Вот когда у меня будут дети, всё будет по-другому. Я буду тщательно следить за тем, что они едят, буду беречь их от простуды, и они сами по себе вырастут здоровенькими. Миссис Джоунс только что прислала записку, чтобы мама сходила посмотреть её малыша Томми. Так всё это некстати! Только я уговорила маму, чтобы мы с ней сшили мне чёрный шёлковый передник; это сейчас самая мода, с гладкой шёлковой вышивкой. Я для своего передника нарисовала такую прелестную виноградную лозу — сама придумала весь узор! Мама уже собиралась перенести его на ткань, но тут как раз принесли записку, и ей пришлось пойти. Не верю, что Томми на самом деле болен! Он же такой толстый и щекастый!

3 апреля

Бедная миссис Джоунс! Её сынишка Томми умер. Я сегодня не пошла в школу и забрала к нам всех остальных детей, чтобы они не путались под ногами у матери. Ей, наверное, сейчас так тяжело! Мама плакала, когда рассказывала, как бедняжка мучился перед смертью. Это напомнило ей о том, как вот так же умерли два моих братика ещё перед тем, как я родилась. Мама, милая мама! Почему я так часто забываю, сколько всего ей пришлось перенести? Почему бываю с ней так груба и неласкова? Сейчас она пошла туда, куда отправляется каждый раз, когда ей грустно, — прямо к Богу. Конечно, она ничего такого не сказала, но я-то её знаю.

25 апреля

За всю неделю я ни разу не спускалась на утреннюю молитву. Я уговорила маму разрешить мне почитать романы Скотта, и теперь каждый вечер сижу за ними заполночь, а утром не могу продрать глаза. Ну почему у меня не получается ладить с мамой так же запросто, как у Джеймса?! Он опаздывает к завтраку гораздо чаще, но ему за это никогда не попадает так, как мне. Вот как всё происходит. Он спускается в столовую, когда ему заблагорассудится.

М а м а *(начинает)*: «Джеймс, я очень тобой недовольна».
Д ж е й м с: «Да, мам, я даже понимаю, почему».
М а м а *(смягчившись)*: «Мне кажется, завтрака ты не заслужил».
Д ж е й м с *(лицемерно)*: «Да, мам, ты права. Совсем не заслужил».

И тогда мама быстренько что-нибудь готовит, специально для него. А вот как всё происходит, когда опаздываю я.

М а м а: «Кэтрин (она всегда называет меня полным именем, когда сердится). Кэтрин, ты снова опоздала. Как ты можешь так огорчать отца!»
К э т р и н: «Да не собиралась я никого огорчать, ни папу, ни кого другого! Но если я проспала, что я, виновата?»
М а м а: «Я бы на твоём месте укладывалась спать в восемь вечера, но не опаздывала бы так часто к завтраку. Тебе бы понравилось, если бы ты спустилась на молитву, а меня там нет?»
К э т р и н *(бурчит себе под нос)*: «Это совсем другое дело. И вообще, я не понимаю, почему меня всегда ругают, когда я поздно просыпаюсь, а Джеймса — нет. Вечно мне достаётся больше всех».

Мама вздыхает и выходит из комнаты.
Я начинаю рыскать по кухне в поисках чего-нибудь съестного.

12 мая

Погода стоит просто чудесная! Я сижу перед открытым окном, а моя канарейка заливается пением от всей своей крохотной души. Хотелось бы и мне быть весёлой, как она!
Последние дни я стала подумывать о том, что пора бы заняться самоотречением, как я решила ещё тогда, в день рождения. Я долго думала, но не могла придумать ничего по-настоящему трудного. Наконец, мне в голову пришла одна мысль. Мне ведь полшколы завидует из-за того, что мы с Амелией такие подружки. Особенно Джейн Андерхилл; она просто с ума сходит, так ей хочется подружиться с Амелией. Но я не хотела ни с кем ею делиться. Сегодня я подошла к Амелии и сказала:
— Амелия, знаешь, Джейн Андерхилл тебя просто обожает. Я бы хотела, чтобы ты и с ней дружила так же, как со мной. Для меня это будет большой жертвой, но, по-моему, я просто обязана так поступить. Она ведь совсем недавно приехала, да и никто с ней особо не общается.
— Ты такая славная, такая душечка! — воскликнула Амелия, кинувшись ко мне с поцелуем. — Мне Джейн Адерхилл понравилась с первой секунды, как я её увидела. У неё такое прелестное личико, и она так мило держится. Но ты всегда была такая ревнивая, что я не смела и сказать, как она мне нравится. Ну, не сердись, лапочка. Ты сама виновата в том, что так сильно ревнуешь!
С этим она убежала, и через минуту я увидела, как она целует эту новенькую так же нежно, как и меня.
Это было в перемену. Я села за парту и притворилась, что читаю. Вскоре Амелия вернулась.
— Джейн просто душка, — провозгласила она, — и знаешь что? Она пишет стихи! Ты только послушай! Она написала для меня маленький стишок. Очень мило с её стороны.
Я притворилась, что не слышу. Во мне бушевали самые отвратительные, злобные чувства. Меня просто трясло от ярости при

мысли о том, что после всех своих слов о том, как она меня обожает, Амелия при первой же возможности переметнулась к новой подружке. Потом мне стало стыдно из-за своей ярости, и я готова была сквозь землю провалиться, потому что так глупо себя вела, а Амелия всё это прекрасно видела.
— Знаешь, Кэти, я тебя совсем не понимаю, — сказала она, обнимая меня. — Я чем-то тебя обидела? Ну не сердись, давай помиримся, а? Я тебе прочитаю этот миленький стишок — тот самый, что мне подарила Джейн. Тебе наверняка понравится!
И она прочитала стихи своим ясным, приятным голосом.
— Неужели ты настолько тщеславна, что можешь читать такое? — воскликнула я.
Амелия слегка покраснела.
— Но ведь ты сама и писала, и говорила мне гораздо более лестные слова, — ответила она. — Может быть, это они вскружили мне голову, и теперь я слишком быстро верю всему, что говорят другие.
Она свернула листочек и спрятала его в карман. После школы мы, как обычно, пошли домой вместе, но за всю дорогу не сказали ни слова. И вот, я сижу дома, совершенно несчастная. Все мои благие намерения идут насмарку. Но ведь я и подумать не могла, что Амелия поймает меня на слове и кинется дружить с этой чванливой ухмыляющейся гусыней!

20 мая

Опять вернулись все мои дурные привычки. Мама очень на меня сердится. Не молилась уже давным-давно. Всё равно никакого толку.

21 мая

По-видимому, эта Джейн Андерхилл приехала сюда, чтобы подлечиться, хотя на вид она здоровее нас всех. Она сирота; её удочерил старый богатый дядюшка и делает из неё сущее посмешище. Вечно разодета в пух и прах! Вчера она приглашала Амелию к себе на чай, а меня не пригласила, хотя и знает, что мы с Амелией лучшие подруги. Она подарила Амелии браслет из своих собственных волос. Интересно, как это мама Амелии разрешает ей принимать подарки от практически незнакомого человека? Мне мама такого не позволяет. И вообще, лучше мамы никого нет. Последнее время Амелия держится со мной довольно прохладно и отчуждённо; а вот мама! — что бы я ей ни сказала, моей милой, драгоценной мамочке, она всё равно такая же добрая и ласковая. Сегодня она заметила, как я уныло слоняюсь из угла в угол, и спросила, что произошло. Мне было стыдно рассказывать всё, как есть. Я ответила, что мы с Амелией немного повздорили.
— Девочка моя родная, — сказала она, — как жаль, что тебе достался мой вспыльчивый, раздражительный нрав!
— Твой?! — воскликнула я. — Мам, ты о чём?
Мама слегка улыбнулась моему изумлению.
— Да, мой, — ответила она.
— Так как же тебе удалось от него избавиться? Мам, расскажи мне скорее, что делать, чтобы я стала, как ты!
— Дорогая моя Кэти, — сказала она, — Как бы я хотела помочь тебе понять, что Бог и может, и хочет не только искупить нас, но и освятить, привести к святости. Это избавило бы тебя от многих дней ненужного, тяжкого труда. Мне Он открыл, наконец, глаза.
— Тогда пусть откроет и мои, — сказала я, — потому что сейчас я вижу только, какая я плохая, и чем больше молюсь, тем хуже становлюсь.
— Это неправда, доченька, — ответила она. — Продолжай молиться, молиться непрестанно.
Я сидела и теребила свой носовой платок, дёргала его то за один угол, то за другой, а потом скомкала его и швырнула в угол. Вот если б можно было взять все дурные чувства, скомкать их и отшвырнуть подальше!
— Как бы мне хотелось помочь тебе полюбить молиться, родная моя! — продолжала мама. — Если бы ты только знала, какую силу, какой свет, какую радость можно получить, просто попросив о них Бога. Ведь Он раздаёт Свои дары безо всяких условий. Он говорит только одно: «Просите!»
Может оно, конечно, и так, но для меня молитва — тяжкий труд. Я от неё устаю. Вот если бы можно было стать хорошей каким-нибудь другим способом, полегче! Вообще, было бы замечательно, если бы Бог просто послал мне с Неба кроткий нрав, как когда-то посылал Илии хлеб и мясо. Вот уж не думаю, что Илии приходилось часами простаивать на коленях и молиться обо всём этом!

Глава II

1 июня

В прошлое воскресенье доктор Кэбот проповедовал специально для молодёжи. Сначала он обратился к тем, кто знает, что не любит Бога. Не думаю, что принадлежу к этой категории. Потом он обратился к тем, кто уверен, что любит Бога. Наверняка я к ним тоже не отношусь. Но в конце он ласково заговорил с теми, кто просто не знает, что думать. Я испугалась и со стыдом почувствовала, как по щекам у меня текут слёзы, когда он сказал, что большинство его слушателей, находящихся как раз в таком вот подвешенном, сомневающемся состоянии, скорее всего, всё-таки любят своего Господа, — только любовь их такая же юная, хрупкая и незаметная, как крошечный зелёный росток, пробивающийся из земли, ещё не осознающий своего собственного существования, но несущий в себе обещание пышного расцвета. Наверное, я не очень удачно это всё передаю, но понимаю, что он имел в виду. Потом он пригласил людей из каждой категории по очереди встретиться с ним в три ближайшие воскресенья. Обязательно пойду!

19 июля

Я ходила на собрание, и Амелия тоже. Там было много молодёжи, и несколько ребятишек помладше. Доктор Кэбот переходил от одного человека к другому и разговаривал с каждым отдельно. Когда он подошёл к нам, я думала, что он обязательно скажет что-нибудь о моём семейном воспитании и пожурит меня за то, что я не расту, как должно, ведь у меня дома такие благоприятные условия, а перед глазами такой чудесный пример родителей. Вместо этого он весёлым голосом сказал:
— Ну что, милая моя. Я не могу заглянуть к тебе в сердце и точно сказать, есть там любовь к Богу или нет. Но, наверное, ты как раз для того и пришла, чтобы я помог тебе это узнать, да?
— Да, — ответила я. Больше я ничего не смогла из себя выдавить.
— Ну что ж, давай посмотрим, — продолжал он. — Маму свою ты любишь?
Я ещё раз сказала «Да».
— А докажи-ка мне, что ты её любишь. Откуда ты это знаешь?
Я подумала немножко и потом сказала:
— Ну, я чувствую, что люблю её. Мне нравится её любить, нравится бывать с ней. Мне нравится, когда люди её хвалят. А ещё я стараюсь, — по крайней мере, иногда, — делать то, что ей приятно. Но я не очень сильно стараюсь, совсем не так, как должна бы,

— а ещё говорю уйму всего такого, что её расстраивает.
— Да, да, — сказал он. — Я знаю.
— Вам что, мама пожаловалась? — вырвалось у меня.
— Да нет, милая, что ты! Просто я знаю, что такое человеческая натура, — ведь я уже пятьдесят лет живу со своей собственной, а в придачу у меня ещё и шестеро детей, и у каждого из них — своя такая же.
Почему-то после этих его слов я немножко приободрилась.
— Значит, во-первых, ты чувствуешь, что любишь маму? Но разве ты никогда не чувствуешь любви к своему Богу и Спасителю?
— Я всё время стараюсь почувствовать, стараюсь изо всех сил, но ничего не получается, — сказала я.
— Через силу любить нельзя, — быстро ответил он.
— Так что же мне делать?
— Во-вторых, тебе нравится быть рядом с мамой. Но неужели тебе не нравится бывать вместе с Другом, Который любит тебя гораздо сильнее, чем она?
— Не знаю. Я ни разу не бывала рядом с Ним. Иногда я вспоминаю, как Мария сидела у Его ног и слушала Его, и мне кажется, ей тогда было очень хорошо.
— Тогда попробуем ещё один способ. Тебе нравится, когда люди хвалят твою маму. А ты никогда не радуешься, когда слышишь, как возвеличивается имя Господне?
Я грустно покачала головой.
— Что ж, давай испробуем последнюю проверку. Ты знаешь, что любишь маму, потому что стараешься делать ей приятное. То есть, пытаешься делать то, чего она хочет от тебя. Так, хорошо. А ты никогда не пыталась сделать что-нибудь из того, что хочет от тебя Бог?
— Конечно, пыталась, много раз. Но не так часто, как должна.
— Конечно, нет. Ни один человек не угождает Ему так часто, как должен бы. Но тогда скажи мне: почему ты стараешься делать то, что, как тебе кажется, понравится Ему? Потому что это легко? Потому что тебе больше нравится делать то, что угодно Ему, нежели то, что приятно тебе самой?
Я попыталась ответить и запуталась.
— Ничего, — сказал доктор Кэбот. — Знаешь, к чему я всё это говорю? А вот к чему. Получается, что по чувствам нельзя судить о том, любишь ты Бога или нет. Иногда и понять-то трудно, что именно мы чувствуем, да и день на день не приходится. Но насколько ты Его слушаешься, именно настолько ты Его и любишь, — ни больше, ни меньше. Не сомневайся. Сами по себе мы — греховные и неблагодарные люди, и вряд ли станем просто так выбирать Его волю вместо своей; это нам просто несвойственно. И ничто, абсолютно ничто кроме любви к Нему не может заставить и не заставит нас повиноваться Ему.
— А разве не бывает, что люди слушаются Бога из-за страха? — спросила Амелия. Всё это время она молча слушала разговор.
— Конечно, бывает. Иногда ты и маму слушаешься из-за страха, но ведь такое послушание непрочно и недолговечно. Если бы ты не любила её по-настоящему, то постепенно перестала бы бояться её гнева и неудовольствия; однако истинная любовь по самой своей природе с каждым часом делается всё сильнее и сильнее.
— Значит, получается, что если мы хотим узнать, любим мы Бога или нет, нам нужно посмотреть, слушаемся мы Его или нет, да? — спросила Амелия.
— Именно так. «Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня» *. Но сейчас я не могу больше с вами разговаривать, девочки. Видите, сколько народу? Если у вас будут ещё вопросы, навестите меня как-нибудь на следующей неделе.
Выйдя на улицу, мы с Амелией взялись за руки. Мы молчали всю дорогу до дома, но всё равно знали, что мы снова подруги, как и раньше.
— Я поняла всё, что хотел сказать доктор Кэбот, — прошептала Амелия, когда мы прощались. Но я чувствовала себя, как будто в тумане. Не понимаю, как можно любить Бога и чувствовать себя такой дурочкой, как я, когда начинаю о Нём думать. Всё равно, я решила, что теперь буду молиться регулярно, а не когда попало (как это было в последнее время).

25 июля

Школу распустили на каникулы. Мне достался первый приз по рисованию, а в день экзаменов моё сочинение прочитали вслух, и все его хвалили. Мама не могла удержаться от радости, она прямо-таки светилась от удовольствия. Я и сама была рада. А сейчас мы собираемся в долгую поездку. Наверное, я пока не буду больше ходить к доктору Кэботу. Слишком много всего другого в голове, да и столько надо всего успеть до отъезда. Мне шьют целых четыре платья; просто ума не приложу, чем их отделать. Сейчас побегу к Амелии посоветоваться.

27 июля

Позавчера я бросила перо, выскочила в коридор и натолкнулась на маму.
— Я к Амелии, — выпалила я, проскакивая мимо.
— Подожди минутку, Кэти. Пришёл доктор Кэбот. Он говорит, что ждал тебя в гости, но поскольку ты не появилась, он пришёл к тебе сам.
— Сидел бы лучше дома и занимался своим делом, — сказала я.
— По-моему, он как раз им и занимается, — ответила мама. — Он занят Господним делом, и как раз оно привело его к нам. Пойди к нему, доченька; мне кажется, тебе всё-таки хочется в жизни чего-то большего, чем призы по рисованию, комплименты, новые платья и увеселительные поездки.
Если бы это сказал кто-то другой, а не мама, я бы непременно растаяла, тут же спустилась бы к доктору Кэботу и позволила ему лепить из меня всё, что душе угодно. Но вместо этого я прошмыгнула мимо мамы, забежала в свою комнату и заперлась на ключ. Ну почему, почему я так себя веду?! Как я себя за это ненавижу! Не хочу больше быть такой!
На прошлой неделе я ужинала в гостях у миссис Джоунс. Её умерший малыш Томми очень меня любил, наверное, поэтому она меня так часто приглашает. Люси тоже посадили за стол, но она была сильно не в духе. Сначала она капризничала из-за одного, потом из-за другого. В конце концов мать мягко, но решительно спустила её на пол. Она заныла ещё громче. А когда мама предложила ей снова сесть за стол и вести себя хорошо, она завопила ещё пронзительнее. Она хотела сесть за стол, но ни за что не хотела себе в этом признаться и ни за что не хотела садиться. Я чуть не разозлилась на неё, когда увидела, как она себя ведёт, а теперь сама веду себя в сто раз хуже, и мне так от этого мерзко, что не передать.

29 июля

Приходила Амелия. Она была в гостях у доктора Кэбота и теперь просто счастлива. Она говорит, что быть христианкой совсем легко! Может, для неё это и легко; ей вообще всё легко даётся. Она никогда не чувствует себя так ужасно, как я, и не понимает меня, когда я рассказываю ей о своих внутренних борениях. Что ж, видно мне суждено быть несчастной. Придётся терпеть.
3 октября
Лето закончилось, снова началась школа, и я так занята, что некогда ни думать, ни грустить. Поездка получилась замечательная, я чувствую себя здоровой, весёлой и счастливой. В этом году мне как никогда нравится учиться. И дома всё идёт чудесно. Правда,

Джеймс уехал учиться в университет, и мы по нему очень скучаем. Жаль, что у меня нет сестрёнки. Хотя если бы была, мы с ней наверняка бы ссорились.

29 октября

Я так рада, что учиться в этом году труднее, потому что чувствую себя счастливее всего, если постоянно что-нибудь делаю. Конечно, я не занимаюсь целые дни напролёт. Миссис Гордон всё больше и больше ко мне привязывается и частенько приглашает меня то на ужин, то на чай. Она гораздо лучшего обо мне мнения, чем моя собственная мама, и всегда говорит всякие вещи, от которых становится приятно. Она всегда говорит Амелии, чтобы та брала с меня пример и так же прилежно занималась; ещё она говорит, что больше всего на свете хочет, чтобы её дочь тоже была такой же яркой, жизнерадостной и оригинальной. Амелия в ответ только смеётся, подбегает к своей маме и что-то там мурлычет ей на ухо. Ей ничего не стоит быть милой и приятной. Это у неё врождённое. Вообще, мне сильно повезло, что у меня есть такая подруга. Она легче всех уживается с моими выходками и странностями. Когда я хвалюсь этим перед мамой, она говорит, что Амелия не умеет по-настоящему распознавать и оценивать характер человека; что она готова обожать практически любого, кто полюбит её саму; и что такая бурная любовь, как моя к ней, сама по себе заслуживает хоть какого-то ответа. Маму не поймёшь! Большинство людей гордятся своими детьми, когда видят, что их любят и ценят; но она всё время говорит какие-нибудь скучные колкости! Конечно, я знаю, что недостаточно просто иметь музыкальный слух, прилично рисовать и иметь репутацию жизнерадостной, оригинальной и остроумной девочки. Но когда мама не придирается и ничто другое не портит мне настроение, я самый счастливый человек на свете. Мне так нравится веселиться с другими девочками, особенно если они милые и красивые. Во мне веселья хватит, чтобы целый дом рассмешить. Кстати, этим я вся в маму, так что ей лучше помолчать!

Вечером.

Так я и знала. Мама зашла посмотреть, чем я тут занимаюсь, и, конечно же, высказала своё мнение. Она говорит, что ей нравится видеть меня весёлой и в хорошем настроении, как и полагается в моём возрасте; но что легкомыслие и ветреность расхолаживают и смущают ум и мешают заниматься серьёзными размышлениями.
— Но мама, — сказала я, — неужели ты сама не веселилась, когда была молодой, как я?
— Конечно же, веселилась, — улыбаясь ответила она. — Но мне всё-таки кажется, что я не была такой бездумной, как ты.
«Бездумной!» Ничего себе! Хотела бы я и в самом деле быть бездумной. Но ведь когда все разъезжаются по домам и веселье заканчивается, мне всегда бывает не по себе, и в голове появляются какие-то виноватые мысли. Нет, правда! Другие девочки, может быть, и выглядят менее легкомысленными, но на самом деле они гораздо больше занимаются пустяками и бездельничают. Они только и думают, что о нарядах, мальчиках, вечеринках и всякой такой ерунде. Интересно, а их мамы тоже так же беспокоятся, или это только моя мама втайне проливает обо мне слёзы? Ну и пусть. Всё равно я хочу быть молодой, пока я молода, и веселиться от души.

20 ноября, воскресенье

Сегодняшний день и тот день, когда я сделала здесь последнюю запись, — как небо и земля! В этом страшном мире нет места для радости.
Не знаю, достанет ли у меня силы и храбрости записать всё, что произошло за последние несколько недель. На следующей день после того, как я твёрдо решила веселиться и радоваться жизни, чего бы мне это ни стоило, мой дорогой папа позвал меня к себе, поцеловал, подёргал за ухо и дал мне денег.
— Мы почти ничего не давали тебе на расходы, — сказал он, смеясь, — но вчера мне неожиданно принесли вот это, — так, небольшой долг, который я уже и не рассчитывал вернуть, — и я могу теперь немножко тебя побаловать. Я знаю, что девочки любят тратить деньги, и на это ты можешь купить всё, что тебе захочется.
Я ужасно обрадовалась. Я и так хотела начать брать дополнительные уроки рисования, но сомневалась, сможем ли мы себе это позволить. Кроме того — мне немножко стыдно об этом писать, — я поняла, что кто-то наверняка похвалил меня перед папой, а то он не был бы так мною доволен. Я прикинула, кто бы это мог быть, и заметно возгордилась. «В конце концов, — сказала я себе самой, — некоторым людям я всё-таки нравлюсь, несмотря на все недостатки». Я кинулась папе на шею и горячо его поцеловала, хотя обычно чувствую себя довольно неловко, скованно и не люблю явно показывать свои чувства. Но как же я рада сейчас, что тогда не стала сдерживаться!
Что до мамы, я знаю, что папа никогда не выходит из дома, не поцеловав её на прощанье.
В три часа мы с мамой вышли погулять. Но как только мы дошли до угла, я увидела, что по направлению к нам медленно катится карета, битком набитая матросами. И тут я увидела среди них нашего друга, мистера Фримена. Заметив нас, он выпрыгнул из кареты и поспешил к нам. Не знаю, что он сказал. Я увидела, что мама побледнела и схватилась за его руку, как будто боялась упасть. Но она не произнесла ни слова.
— Мистер Фримен, что случилось? — выкрикнула я. — Что-нибудь с папой? Что с ним? Где он?
— Папа в карете, — ответил он. — Мы везём его домой. Он сильно ушибся.
И мы молча зашагали домой. Когда мы подошли к дому, матросы уже заносили папу внутрь. Они положили его на диван, и тут мы увидели, что стало с его бедной головой...

23 ноября

Попробую написать всё остальное. Папа был жив, но не приходил в сознание. Оказывается, он упал в трюм корабля, и матросы услышали его стоны. После того, как его привезли домой, он прожил три часа. Мистер Фримен и все наши друзья очень нам помогли. Но сейчас нам лучше побыть одним, — маме, мне и Джеймсу. Бедная мама постарела на двадцать лет, но она ведёт себя так терпеливо, так заботится о нас с Джеймсом и так приветливо встречает всех гостей, что у меня просто сердце кровью обливается.

25 ноября

Сегодня мама очень серьёзно со мной поговорила о том, что надо держать себя в руках. Он сказала, что да, это моё первое настоящее горе, и она знает, как тяжело мне с ним справляться. Но она уже боится, что я сойду с ума, если буду и дальше позволять себе такие бурные излияния. А ещё она сказала, что если в дом приходят друзья, от всей души желающие утешить нас и поддержать, наш долг — принимать их как можно приветливее и сердечнее.
Я сказала, что все их слова и утешения ещё больше меня раздражают.
— Навещать скорбящих — очень нелёгкое дело, — ответила мама, — а для наших друзей оно становится вдвойне трудным, когда ты напускаешь на себя мрачный, неприступный вид и не желаешь разговаривать с ними о нашем дорогом папе, как будто печаль и

скорбь о нём принадлежат только тебе.
— Я не могу улыбаться, когда мне так плохо, — сказала я.
Сегодня к нам приходило очень много людей. Мама со всеми поговорила, хотя под конец у неё был такой вид, что она вот-вот упадёт. Миссис Бейтс сказала мне своим слабеньким, слезливым голоском:
— Твоя мама так замечательно держится, дорогуша. Я надеюсь, что и ты примирилась с Божьей волей. Ведь Господь не любит, когда Ему противятся.
Я ничего не ответила. Легко им всем читать нотации! Вот посмотрим, как они себя почувствуют, когда настанет их очередь терять родных.
Миссис Моррис сказала, что это таинственный поворот Провидения. Но она счастлива, что мама встретила этот удар с такой завидной твёрдостью.
— Я сама, — добавила она, — была совершенно разбита, когда умер мой бедный муж. Целую неделю почти ничего не ела! Но у некоторых из нас просто очень чувствительные натуры; другие же переносят всё гораздо спокойнее. Твоя мама занята разговором с миссис Марч, милочка, так что я не буду её перебивать, чтобы попрощаться. Я была готова сказать ей несколько слов утешения, но она, по-видимому, вполне способна утешиться сама.
Я уже готова была её стукнуть! «Завидная твёрдость!» Бедная мамочка.
Когда все ушли, я заставила маму прилечь; она выглядела такой измученной и уставшей.
Потом я не удержалась и рассказала ей о словах миссис Моррис.
Мама только слегка улыбнулась и ничего не сказала.
— Мам, как бы мне хотелось, чтобы ты хоть раз возмутилась! — сказала я.
Мама снова улыбнулась и сказала, что не видит повода возмущаться.
— Тогда я возмущусь вместо тебя! — выкрикнула я. — Подумать только, эта жеманная кошка, которая вообще не способна тебя понять, рассуждает о том, как ты тверда и спокойна! Видишь, что получается, когда ты ведёшь себя тихо и терпеливо? Людям гораздо больше понравилось бы, если бы ты отказывалась утешиться в своей скорби и ходила с печальным лицом.
— Дорогая моя Кэти, — сказала мама. — Нравиться людям — это совсем не главное в моей жизни.
К тому времени она была уже настолько бледной, что я испугалась. Хоть она всё время держится так приветливо и дома всё идёт почти так же, как всегда, мне кажется, что она вряд ли оправится от такого удара. Если она умрёт, я тоже не хочу жить. Но я совсем ещё не готова к смерти. Жаль, что я не готова, и жаль, что я не могу взять и умереть! Мой интерес к жизни погас навсегда, и мне всё равно, что со мной будет.

28 ноября

Я, наверное, всё-таки умру, если люди не перестанут приходить в гости и прямо-таки забрасывать нас библейскими изречениями. Когда солдат ранен в бою, его бережно подымают и уносят «в тыл», подальше от шума, гама и суеты. Неужели кто-то всерьёз считает, что надо немедленно набрасываться на него с проповедями и цитатами из Библии, когда ему ещё не успели даже остановить кровотечение из открытой раны?
Когда я обо всём этом рассуждаю, мама мягко соглашается и говорит:
— Да, да, мы действительно ранены, лежим на поле боя и неспособны пока слушать ничего, кроме слов сочувствия и утешения. Но, милая моя Кэти, мы должны правильно истолковывать благие намерения своих друзей. Ведь они желают нас утешить, хотя это и получается у них довольно неуклюже.
Она замолчала и вдруг вздохнула — таким долгим, глубоким вздохом, что я поняла, как всё это её утомляет.

14 декабря

Мама говорит, что я слишком много времени провожу в размышлениях над своей скорбью. Она сама живёт, как будто на Небесах. Нет, она не пускается в длинные прозаические рассуждения о небесной жизни, но по случайным словечкам понятно, о чём она думает и куда стремится. По-моему, ей кажется, что всем так же не терпится попасть на Небеса, как ей самой. Мне так вот совсем туда не хочется. Да, я люблю петь, но никак не могу заставить себя поверить, что это будет приятно, — сидеть чинными рядами и целый день распевать гимны. Потом я говорю себе: «Да конечно же, мы не будем всё время сидеть рядами и петь!», — и тут же представляю целое множество этаких смутных, призрачных существ в белом; они расхаживают туда-сюда по золотым улицам, а поскольку делать особо нечего, им смертельно скучно, и впереди абсолютно ничего не светит.
Так я маме и сказала. Она ответила мне с глубокой, серьёзной убеждённостью, но самым нежным и ласковым голосом:
— Милая, родная моя Кэти! Тебе нужно одно: такая живая, такая личная любовь к Христу, из-за которой даже простая мысль о том, чтобы оказаться рядом с Ним, станет для тебя радостью и сможет наполнить всю тебя до конца.
Что же это за «живая, личная любовь к Христу»?
Как же, как же мне быть? Ну почему нашего папу вырвали у нас из рук, а у других девочек папы живы-здоровёхоньки? Он так любил меня! Так меня баловал! Так мною гордился! Чем я заслужила такое страшное наказание? Я больше никогда не смогу быть счастлива, как раньше. Теперь я всегда буду жить в ожидании нового удара. Да, наверное, мама тоже скоро уйдёт от нас. Почему я не могу предаваться своей скорби, если мне это нравится? Мне нравится думать о том, как я несчастна. Мне нравится безутешно рыдать, часами лёжа в постели и уткнувшись носом в подушку.

1 января 1832 года

Люди часто говорят о благотворном влиянии скорби. Но я что-то не замечаю, чтобы потеря отца изменила меня к лучшему. А мама... — она и так хорошая.
Мы покидаем наш милый, старый дом и переезжаем на какую-то дальнюю, никому не известную улицу. Мама говорит, что если мы продадим старый дом, снимем домик поменьше и будем жить экономно, то нам всё-таки удастся заплатить за обучение Джеймса в колледже. А ещё я должна буду перейти в школу миссис Хиггинс, потому что она обойдётся гораздо дешевле, чем школа миссис Стоун. Вот уж никак не ожидала! Да я всегда терпеть не могла миссис Хиггинс. Пару месяцев назад даже при мысли об этой школе я, наверное, закатила бы настоящую истерику. Но большая печаль затмевает мелкие неприятности.
Поскольку сегодня наступил Новый год, утром я ещё раз попробовала заставить себя полюбить Бога.
Я и правда хочу Его любить. Я знаю, что должна Его любить, но не могу. Сейчас я стараюсь каждый день обязательно произносить нечто вроде молитвы. Но это не приносит мне никакой радости, хотя все хорошие люди вокруг рассказывают, что обретают в молитве радость, — а уж мама-то наверняка! Невозможно жить с ней в одном доме и сомневаться, что так оно и есть.

10 января

Мы устроились в новом доме, и здесь стало довольно уютно и хорошо. Джеймс приехал домой на все каникулы, и когда я не в школе, мы всё время проводим вместе. Мы вместе читаем и поём, а иногда даже забываем, что папы больше нет, потому что нам

весело, как и прежде. Если даже с братом так хорошо, как, наверное, здорово иметь сестру! Милый мой Джим! Он самый лучший, самый чудесный брат на свете!

15 января

Ещё один день рождения, и мне уже семнадцать. Мама устроила всё, как всегда, хотя я понимаю, что все семейные праздники, которые раньше были такими радостными, теперь навсегда стали для неё грустными, потому что папы больше нет. Она весь день была весела и нежна и радовалась вместе со мной, как будто ничего не произошло. Почему у меня не получается разделять с ней её печали? Конечно, подчас воспоминания о нашей утрате просто переполняют меня горем, но, наверное, у меня есть естественная способность быстро оправляться от ударов судьбы, и я скоро выбираюсь из уныния и снова обо всём забываю. А ещё я погружена в школьные заботы, которые никогда не кончаются и сменяют друг друга так быстро, что я всегда тороплюсь, чтобы за ними угнаться. Пока я занята, то совершенно не помню о том, что смерть недавно шагнула к нам на порог и скоро может снова постучаться в дверь. Но сегодня вечером мне очень грустно; что угодно отдала бы, лишь бы жить в мире, где нет боли и слёз. Почему-то мамино лицо не даёт мне покоя, как немой упрёк. Пойду-ка я лучше спать и попробую заснуть поскорее, чтобы быстрее обо всём забыть.

Глава III

1 июля

Вот и всё, школа позади! Я закончила с отличием, и мама весьма довольна моими успехами. Сегодня я сказала ей, что наконец-то у меня будет достаточно времени, чтобы как следует заняться рисованием, а ещё играть и петь, сколько душе угодно.
— Вот увидишь, твоей душе всего этого покажется мало, и вряд ли она на этом успокоится, — ответила мама.
— Мам, ну чего ты опять! — воскликнула я. — Я думала, тебе нравится, когда я весела и довольна.
— Конечно, нравится, — тихо проговорила она. — Но в жизни есть много занятий, которые гораздо лучше всего, что ты пока для себя нашла.
— Я и сама очень на это надеюсь, — ответила я. — Пока, в общем-то, я ничего особенного для себя не открыла и совсем не много успела сделать и увидеть.
Амелия сейчас так подружилась с Дженни Андерхилл, что их почти и не увидишь порознь. Тяжело на это смотреть, особенно после того, как мы с Амелией дружили и как я её любила. Иногда я сержусь на неё из-за этого, а иногда мне просто грустно. Правда, Дженни тоже ничего, приятная. Она всё время покупает новые книжки и даёт мне почитать. Наверное, было бы лучше читать что-то более серьёзное, но мне не хочется. Ну почему мне так нравятся романы? Я бы даже хотела быть к ним равнодушной, но меня так и тянет почитать ещё. Если бы не мама, я читала бы одни романы. Вообще, если роман по-настоящему хорошо написан, я часто погружаюсь в него целиком, сердце моё трепещет, я начинаю восхищаться каждым благородным героем и хочу ему подражать.
У Дженни есть миниатюрный портрет её брата «Чарли», вставленный в кулончик. Она никогда его не снимает и часто мне показывает. Послушать её, так Чарли точь-в-точь похож на моих самых любимых героев. Она утверждает, что стоит нам с ним только познакомиться, я ему непременно понравлюсь. Вряд ли. Я мало кому нравлюсь. Амелия говорит, это потому, что я всегда высказываю всё, что думаю.

1 августа, среда

Сегодня вечером мама показала мне несколько строк в книге, которую она сейчас читает, и с многозначительной улыбкой сказала, что они хорошо описывают меня:

Неукрощённое и пылкое созданье
Являет миру в дерзновенном упованьи
Грехи и добродетели свои...

— Надо же! — сказала я. — так значит, у меня всё-таки есть хоть какие-то добродетели.
Наверное, и правда есть, потому что брату Дженни, который приехал навестить сестру, я, похоже, очень даже понравилась. Так сильно я ещё никому не нравилась, даже Амелии. Какая же я глупышка, что пишу об этом!

2 августа, четверг

Брат Дженни провёл с нами целый вечер. У него самые непринуждённые и приятные манеры из всех, с кем я знакома. Мама наверняка будет просто очарована, ведь она всегда придаёт большое значение всяким таким вещам. Правда, сегодня её не было, потому что миссис Джоунс попросила её придти посмотреть на своего младшего. Брат Дженни рассказал, как умирала его мама и как они с сестрой ухаживали за ней и днём и ночью. Он очень чувствительный человек. Я хотела было рассказать ему о смерти папы, — общая печаль так сближает людей! — но не смогла. Ну почему папа просто не заболел, чтобы мы тоже могли со всей нежностью и вниманием ухаживать за ним! Почему он ушёл от нас так внезапно?!

5 августа, воскресенье

Брат Дженни целый день сегодня провёл в нашей церкви. После служения он проводил меня домой. Мама не смогла никуда пойти, потому что отдыхала после целой ночи, проведённой с миссис Джоунс и её малышом.
Доктор Кэбот проповедует так, как будто мы все скоро умрём или с нами непременно случится что-нибудь ужасное. Ну почему пожилые люди всегда заставляют тех, кто помоложе, чувствовать себя так неуютно, как будто всё на земле не прочно и не вечно?

25 августа

Дженни говорит, что её брат прямо-таки без ума от меня и я просто обязана постараться хоть чуть-чуть ответить ему взаимностью. Мама, наверное, сказала бы, что от такого внезапного успеха у меня голова пошла кругом, — но это не так. Я становлюсь весьма серьёзной и трезвомыслящей девушкой. Как же это замечательно, когда ты кому-то... ну,.. нравишься! Сегодня я видела кое-какие его стихи, и там сплошное сердце и чувства, и видно что он готов пожертвовать чем угодно ради любимого человека. Мне нравятся только такие люди, именно с такими убеждениями и душевными порывами.

Наверное, мама не одобрила бы подобных записей в моём дневнике.
Дженни пришла в голову прямо-таки великолепная мысль! Какая же она всё-таки лапочка! Она так похожа на брата! Мысль такая: чтобы мы втроём — Дженни, Амелия и я — собирались вместе, как будто в школу, чтобы вместе заниматься и читать. Дженни говорит, что её «Чарли» будет помогать нам заниматься и выбирать книги для совместного чтения. Как же это замечательно и чудесно!

1 сентября

Почему-то у меня совершено вылетело из головы рассказать маме, что мы учимся под руководством мистера Андерхилла, и сегодня, когда настала очередь проводить занятие у нас дома, мама была не слишком-то довольна. Я ей сказала, что она может остаться в комнате и присматривать за нами, — пусть сама увидит, что мы все ведём себя пристойно и прилично.

19 сентября

Сегодня занимались у Амелии. Мама настояла, чтобы за мной пришёл кто-то из домашних, хотя мистер Андерхилл сам предлагал меня проводить. Поэтому, когда я уходила, он ещё оставался у Амелии. Мне кажется, зря он это сделал, — ведь он наверняка прекрасно видит, что Амелия по уши в него влюблена.

28 сентября

Сегодня мы должны были заниматься дома у Дженни. У Амелии жутко разболелась голова, и она не пришла. Дженни сначала пыталась что-то там учить, но вяло и безразлично, а вскоре и вовсе взяла книжку и принялась читать. Я какое-то время повторяла урок с мистером Андерхиллом. Наконец он нацарапал что-то на листе бумаги, пододвинул его ко мне и сказал:
— Наверное, Вы сможете перевести вот это предложение.
Я взяла листочек и прочитала:

«Вы — самое прелестное, умное и доброе созданье в мире! И я люблю Вас так, что не в силах и сказать об этом. Вы тоже должны полюбить меня так же сильно».

Мне вдруг стало жарко, а потом холодно, а потом радостно, а потом грустно. Я попыталась рассмеяться и сказала, что не умею переводить с греческого. Придётся рассказать обо всём маме, — что-то она скажет, а?

29 сентября

Сегодня утром мама начала так:
— Кэти, мне не нравятся эти твои занятия. Ты совсем ещё юная, не умеешь верно судить о людях, и поэтому негоже, чтобы ты так много времени проводила с молодым человеком.
— Но Дженни же всегда там, и Амелия, — возразила я.
— Это неважно. Я желаю, чтобы все эти занятия прекратились. Не знаю, о чём я думала до сих пор и почему так долго позволяла тебе туда ходить. Миссис Гордон говорит...
— Миссис Гордон! Ха! — выпалила я. — Так я и знала, что это Амелия во всём виновата! Да она по уши в него влюблена, и потому что мистер Андерхилл обращает на меня внимание, она наплела что-то свое мамочке, чтобы та пришла, напела тебе в уши всякой ерунды и вмешалась не в своё дело...
— Если то, что ты говоришь об Амелии, правда, то сплетничать об этом очень некрасиво с твоей стороны. Но я этому не верю. У Амелии Гордон слишком много здравого смысла, чтобы увлечься одним лишь красивым лицом и приятными манерами.
Я заплакала.
— Я ему нравлюсь, — сквозь слёзы проговорила я. — Очень! Так хорошо ко мне ещё никто не относился! Мне ещё никто не говорил столько всего приятного. И я не хочу, чтобы ты так дурно о нём отзывалась.
— Неужели это так далеко зашло? — мама была просто сражена. — Бедная, бедная моя девочка! Конечно, я думала только о себе и своей печали и не заботилась о тебе, как должно!
Я продолжала плакать.
— Неужели, — снова заговорила мама, — несмотря на весь свой здравый смысл и на всё своё образование, ты смогла увлечься этим мальчиком?
— Он не мальчик, — ответила я, — он мужчина. Ему уже двадцать лет. Вернее, будет двадцать лет пятнадцатого октября в будущем году.
— Подумать только! Она уже помнит о его днях рождения! — вскричала мама. — А всё это моя преступная, постыдная неосторожность.
— Поздно об этом жалеть, — сказала я в отчаянии. — Что сделано, то сделано, назад не вернёшь.
— Неужели он осмелился что-то сказать тебе о своих чувствах, не спросив моего разрешения? — спросила мама. — И ты позволила ему заговорить об этом? Ох, Кэтрин!
Тут я плотно сжала губы, и никакая земная сила не смола бы заставить меня вымолвить ещё хоть словечко. Я перестала плакать и сидела молча, упрямо скрестив руки. Мама высказала всё, что хотела, а потом я отправилась на свидание с тобой, милый мой старый Дневник.
Да, я ему нравлюсь, и он мне нравится.
Да ладно, чего уж там, напишем всю правду раз и навсегда:
Он любит меня, и я люблю его.
А ты, мамочка, на сей раз опоздала.

1 октября

Как мне описать всё, что произошло? В тот же самый день, когда я написала Дженни, что мама запретила мне приходить на занятия, Чарльз явился к нам, чтобы с ней поговорить, и они с мамой крупно поссорились. Он мне уже потом об этом рассказал. Тогда, поскольку самому Чарльзу не удалось уговорить маму, ей написал его дядя. В письме он сказал, что Чарли станет совсем другим человеком, если остановится, наконец, на одной девушке вместо того, чтобы, как сейчас, порхать с одного цветка на другой. Потом явилась Дженни, вся такая милая и скромная, и со слезами начала говорить маме, какой Чарли чудесный, замечательный брат. Ещё она рассказала целую историю о том, как он потерял и отца, и мать. Мама заперлась в своей комнате и — не

сомневаюсь! — помолилась обо всём этом. По-моему, она молится чуть ли не о каждом новом платье, которое себе покупает! Потом она позвала меня к себе и произнесла прекрасную речь, а я вела себя совершенно по-свински.
Наконец она сказала, что даст нам испытательный срок в течение ближайшего года. Всё это время Чарли будет проводить с нами один вечер раз в две недели, и мама всегда должна быть в комнате. Мы не должны появляться вместе на людях, и она не разрешает нам переписываться. Если в конце года мы оба будем желать помолвки так же, как сейчас, то она даст своё согласие. Конечно же, будем, — так что я уже сейчас почти что считаю себя помолвленной. Ну и ну! Как это забавно!

2 октября

Чарли ужасно недоволен мамиными условиями, но если посмотреть, как он с ней себя ведёт, нипочём об этом не догадаешься. Как только он приходит, мама, как по сигналу, тут же семенит вниз; он же спешит ей навстречу и предлагает стул, как будто безмерно счастлив её видеть. Мы с ним продолжаем заниматься, и это даёт нам возможность сидеть совсем близко; а когда я пишу свои упражнения и он их проверяет, на бумаге оказывается множество всяких вещей, которые радуют нас обоих, но наверняка не обрадовали бы маму. Например, вчера Чарли написал:
«Неужели твоя мама никогда не болеет? Небольшая мигрень совсем бы нам не помешала».
А я написала ему в ответ:
«Мой милый, славный, ужасный эгоист! Ну как ты можешь такое говорить?»

15 января, 1833 года

Можно ли сказать, что сегодня я счастливее, чем была ровно год назад? Если нет, то, наверное, это из-за того мучительного положения, в котором находимся мы с Чарли. Нам хочется сказать друг другу много такого, что при маме не скажешь, и написать тоже нельзя, потому что переписка запрещена. Правда, Чарли говорит, что он сам не давал никаких обещаний не переписываться, и постоянно засовывает мне в руку маленькие записочки; но я думаю, это не очень честно. Мама слышит, как мы спорим и ссоримся на этот счёт, хотя и не знает, о чём именно идёт речь. Сегодня она сказала мне:
— На твоём месте я бы не стала с ним спорить. Он ни за что не уступит.
— Но ведь это вопрос совести, — ответила я, — и он просто должен уступить.
— Упрямство — верный признак глу,.. — начала мама и вдруг остановилась.
— Да ладно, договаривай уж до конца! — вскричала я. — Я знаю, ты считаешь его глупым!
— Девочка моя, — сказала мама, — пока не поздно, пожалуйста, послушай меня и откажись от этой затеи. Я ни в коем случае не хочу обижать тебя и причинять тебе боль, но как мать я просто обязана предупредить тебя, что такое замужество не принесёт тебе счастья.
— Замужество? — почти истерически вырвалось у меня. Я вообще ни о чём таком не думала. По всему телу у меня пробежал неприятный холодок. Я-то просто хотела, чтобы Чарли приходил к нам каждый день, иногда вывозил меня погулять и покататься и любил бы только меня одну.
— Да, замужество! — повторила мама. — А зачем же тогда помолвка, если за ней не следует замужество? Неужели ты не видишь так же ясно, как я, что Чарли Андерхилл никогда, никогда не сможет дать тебе того, что требует твоя душа? Ты увлечена тем, что девочки в твоём возрасте называют красотой: приятными чертами, здоровым цветом лица и бархатным взглядом. Его лесть обманывает тебя, а уверения в любви кружат тебе голову. Ты не видишь, что он поверхностный, себялюбивый, тщеславный и...
— Ну мама! Как ты можешь быть такой несправедливой! Мне так кажется, что все его помыслы направлены только на то, чтобы угодить всем вокруг!
— Вот именно, кажется, — ответила она. — Всеми его поступками движет желание нравиться и вызывать восхищение; милые манеры и маленькие приятности, которые так кружат тебе голову, — это всего лишь способы привлечь к себе внимание и создать у окружающих благоприятное впечатление. В нём нет ни одного честного стремления угодить людям или из любви уступить их желаниям. Милое, драгоценное моё дитя! Какую страшную ошибку ты совершаешь, отказываясь от совета и полагаясь только на своё суждение в этом самом важном решении своей земной жизни!
Я ужасно рассердилась.
— А мне казалось, Библия запрещает говорить гадости у человека за спиной! — сказала я.
Мама ничего не ответила, только посмотрела на меня, но её взгляд выразил, наверное, сто сорок самых разных вещей. Тогда я пошла к себе наверх и написала кое-какие стихи, которые получились очень даже ничего (на мой взгляд), хотя мама, скорее всего, со мной бы не согласилась.

1 октября

Испытательный год кончился, и теперь можно, наконец, быть безумно счастливой. Правда, оказывается, помолвка — это совсем не так здорово и весело, как я думала. Наверное, это из-за того, что я не стала слушать маму, а сделала по-своему. Про неё говорят, что она очень проницательный человек и с первого взгляда распознаёт в характере людей то, что другие способны увидеть только после долгого знакомства.

10 октября

Я сильно простудилась. Как жаль! Наверное, прокашляю теперь всю зиму и буду сидеть дома взаперти вместо того, чтобы кататься и гулять с Чарли.

12 октября

Чарли говорит, что не знал о моей подверженности кашлю и простудам и надеется, что это не начало чахотки, потому что его папа с мамой оба умерли как раз от чахотки, и он сам начинает нервничать, когда слышит, как кто-то кашляет. Я сегодня чуть не задохнулась, потому что весь вечер пыталась сдерживаться и не докучать кашлем моему бедному мальчику.

Глава IV

2 ноября

Я и вправду серьёзно больна и, наверное, умру. Вчера вместе с кашлем впервые показалась кровь. Боюсь говорить об этом маме, она так расстроится, но я уверена, что это из лёгких. На прошлой неделе Чарльз сказал, что лучше не будет приходить, пока я не

поправлюсь, потому что мой кашель совсем такой же, как у его матери. Мне стало очень одиноко, и сначала я поплакала, но всю остальную неделю мне было так грустно, что даже плакать не получается. Интересно, если бы мы были уже женаты, и я вдруг начала кашлять, — он что, вот так же взял и бросил бы меня?

18 ноября, воскресенье

Бедная мама очень встревожена моим состоянием. Не понимаю, как она может так же сильно любить меня после того, как я себя вела. Наверное, в конечном счёте, лучше мамы друзей на земле просто не бывает. Я своим кашлем всю ночь не даю ей уснуть, а потом целый день хнычу и раздражаюсь по пустякам, но она остаётся всё такой же доброй и ласковой.

25 ноября

Последнюю запись я сделала в воскресенье. В церковь пойти я не смогла и почувствовала себя брошенной и одинокой. Я хотела найти утешение в молитве, но как только встала на колени, тут же залилась слезами и не могла произнести ни одного слова. Ведь я не видела Чарли уже десять дней! Стоя на коленях, я увидела, какое я чудовище, какая жуткая эгоистка — потому что хочу, чтобы он приходил ко мне каждый день и проводил со мной вечера, а ведь я сейчас нездорова, и мой кашель только действовал бы ему на нервы. Тогда я подумала, не лучше ли будет просто разорвать помолвку, если уж у меня и в самом деле чахотка — как раз та болезнь, которой Чарли боится больше всего на свете. Мне показалось, что именно такая жертва и требуется от меня сейчас. Тогда я помолилась — да, я уверена, что по-настоящему помолилась, как не молилась уже, наверное, год, — и с каждой минутой мысль о самопожертвовании казалась мне всё более прекрасной. Наконец, я с радостным торжеством написала бедняжке Чарли о своём решении.
Вот это письмо:

Мой милый, милый Чарли,

Не осмеливаюсь сказать тебе, чего мне стоило то решение, о котором я сейчас хочу тебе сообщить. Но я уверена, что ты уже достаточно хорошо меня знаешь и поверишь, что я пишу это письмо только потому, что твоё счастье для меня гораздо важнее, чем моё собственное. Когда ты впервые признался, что любишь меня, то сказал (и потом говорил ещё не раз), что именно моя «яркая прелесть и жизнерадостность» привлекли тебя ко мне. Я знала, что кроме жизнерадостности во мне есть много другого, ещё более достойного твоей любви, и радовалась, что смогу дать тебе больше, чем ты просишь. Я знала, что Кэти — это не просто легкомысленная хохотушка, и была готова отдать тебе всё своё сердце, широкое, как океан — и такое же глубокое.
Но теперь у меня не осталось ни «яркой прелести», ни «жизнерадостности». Я больна и, может быть, скоро умру. Если мне и вправду суждено умереть, мне было бы радостно и покойно думать, что твоя любовь будет поддерживать меня до самых врат смерти и благодаря ей мой последний путь будет полон красоты и славы. Но какой трудной ношей это было бы для тебя, мой бедный Чарли! И поэтому, если ты тоже сочтёшь это наилучшим решением и оно хоть сколько-то облегчит твои тяготы и страдания, я готова разорвать нашу помолвку и предоставить тебе свободу.

Твоя маленькая Кэти

Той ночью я не сомкнула глаз. Рано утром в понедельник я отправила письмо, и весь день сердце моё колотилось так, что к вечеру я измучилась и совсем ослабла. Его ответ принесли, когда уже стемнело. Я могу записать его по памяти.

Милая Кэти,

Ты самая щедрая и жертвенная малышка на свете! Я всегда так думал, но сегодня ты доказала это по-настоящему. Признаюсь, я был жестоко разочарован, узнав, что ты подвержена простудам и болезням, и мне было очень тоскливо сидеть и слушать, как ты кашляешь, — особенно потому, что это напомнило мне о долгой и утомительной болезни матери, во время которой нам с Дженни пришлось за ней ухаживать. Уже тогда я поклялся, что ни за что не женюсь на женщине, предрасположенной к чахотке, и поэтому сейчас благодарен тебе за то, что ты так облегчила мне неизбежный разрыв нашей помолвки. Мои радужные надежды померкли, и пройдёт немало времени, прежде чем я отыщу другую, способную занять твоё место. Ты и без слов знаешь, как я сочувствую тебе в этом жестоком несчастии. Надеюсь, ты обретёшь подлинное утешение в вере и религии. Вместе с этим письмом я возвращаю твои записки, локон волос и другие мелочи. Я не стану упрекать тебя за то страдание, которое ты мне причиняешь. Я знаю, ты не виновата во внезапном ухудшении своего здоровья.
Остаюсь твоим искренним другом,

Чарльз Андерхилл

1 января 1834

Попробую закончить рассказ о том, что произошло тогда.
Когда я прочитала это письмо, моим первым побуждением было полететь к маме и спрятаться в её добрых, любящих объятиях. Однако я сдержалась и, хотя сердце моё ухало так, что я едва могла удерживать в руках перо, села и написала следующее:

«Мистеру Андерхиллу

Сэр,
Пелена упала с моих глаз и я, наконец, увидела Вас таким, какой Вы есть на самом деле. После того, как я написала Вам в прошлое воскресенье, у нас дома состоялся консилиум врачей, и они пришли к заключению, что моя болезнь не представляет серьёзной угрозы и я скоро пойду на поправку. Но я благодарю Бога, что, пока не совершилось непоправимое, Вы успели предстать предо мной во всей своей красе — бессердечным, себялюбивым и поверхностным существом, недостойным любви искренней и преданной женщины, недостойным даже своего собственного самоуважения. Я действительно желала дать Вам возможность отменить нашу помолвку и любила Вас так сильно, что готова была с трепетом идти к могиле одна, если Вы не захотите поддержать меня своей любовью. Однако теперь мне ясно, что я ни на минуту и помыслить не могла, что Вы примете моё предложение и бросите меня одну перед лицом жестокой судьбы. Я думала, что люблю настоящего мужчину и

могу положиться на него, когда силы мои иссякнут. Теперь я вижу, что любила лишь плод своего воображения. Возьмите назад свои письма; они мне ненавистны. Возьмите и кольцо; я желаю Вам найти такую женщину, которая никогда не будет болеть, всегда будет весела и никогда не умрёт. Слава Богу, этой женщиной не будет...

Кэтрин Мортимер»

В ответ пришли вот эти строчки:

«Слава Богу, что этой женщиной не будет Кэти Мортимер. Я хочу, чтобы моя жена была ангелом, а не ведьмой.

Ч.А.»

15 января

Нынешний день рождения застал меня посреди бурь и метаний. Но мне надо закончить, наконец, эту противную, постыдную историю, пока я ещё отдаю себе отчёт в том, что происходит.
Я показала маме оба письма. Она залилась слезами, протянула ко мне руки, и я полетела к ней в объятия, как раненая птичка летит в спасительное убежище. Мы поплакали вдвоём. Мама ни словом, ни жестом, ни взглядом не сказала ничего типа «Я же тебе говорила!». Она сказала только одно:
— Господь услышал мои молитвы! Он приготовил моей любимой девочке лучшую долю.
На этот раз я нашла утешение не только в маминых объятиях. Вообще-то Бог совершенно не обязан принимать и утешать меня в беде, — я же не приходила к Нему, когда искала радости в других местах! Однако даже в самые счастливые моменты внутри у меня смутно ворочалось великое множество опасений и дурных предчувствий; так часто совесть упрекала меня в том, что я упрямлюсь наперекор маме, и вся моя душа жаждала чего-то ещё более высокого и прекрасного, чем даже любовь Чарли, какой бы драгоценной она ни была.

26 января

Сегодня я закрылась у себя в комнате, чтобы хорошенько всё обдумать. В результате мне стало так стыдно за себя саму, что страшно смотреть людям в глаза. Если бы я доверилась тогда маминым словам, то ни за что не связала бы себя этой глупой помолвкой. Теперь-то я понимаю, что Чарли никогда не смог бы сделать меня счастливой, и вижу, что в моём сердце есть много такого, что он не смог бы разглядеть и разбудить. Жаль только, что я написала ему в порыве ярости и обиды. Понятно, почему он благодарит Бога за то, что сумел избавиться от такой ведьмы, как я. Но всё-таки, то его письмо окончательно вывело меня из себя. Я решила, что больше ни одной живой душе не расскажу о том, что произошло. Будет благороднее и возвышеннее защитить его от всеобщего презрения, которого он заслуживает. У меня, конечно, уйма недостатков, но на низость и мелочность я, пожалуй, всё-таки не способна!

27 января

Стыдно писать о том, что случилось, но я всё-таки напишу. Вчера даже чернила не успели высохнуть на словах, написанных мной в порыве самолюбования, как пришла Амелия. До этого она уезжала и только что услышала о нашем разрыве. Конечно же, ей было ужасно любопытно поподробнее обо всём разузнать.
И я всё ей рассказала, всё до последнего слова! Ох, Кэти Мортимер, какая же ты возвышенная и благородная девица! Как не способна на «низость и мелочность»! С досады я готова выдрать себе все волосы, только ведь этим горю не поможешь!
Амелия стала защищать Чарли, и в результате я распалилась и наговорила про него целую кучу резкостей. Она сказала, что человек с такой чувствительной натурой, как Чарли, по самой своей природе должен испытывать такое отвращение к зрелищу страданий, что лично она его нисколечко не винит.
— Жалко, что врач не осмотрел тебя ещё до того, как ты написала своё первое письмо! — продолжала она. — Но ведь ты такая порывистая! Подожди ты хоть чуть-чуть, вы с Чарли и сейчас были бы помолвлены.
— Я рада, что не стала ждать, — сердито воскликнула я. — Знаешь, Амелия, давай больше не будем об этом. На этот счёт мы с тобой никогда не согласимся. А всё дело в том, что ты сама на две трети в него влюблена, — и всё время была влюблена!
Она вспыхнула, засмеялась, но вид у неё был довольный. Скажи мне кто что-нибудь подобное, я бы подскочила от ярости!
— Наверное, ты уже знаешь, — сказала она, — что старый мистер Андерхилл так полюбил Чарли, что сделал его своим наследником, и теперь он ужасно богат.
— Неужели? — сухо ответила я.
Интересно, знала ли об этом мама, когда так упорно противилась нашей помолвке?

31 января

Я спросила об этом маму, и она говорит, что знала. Мистер Андерхилл рассказал ей о своих намерениях, когда уговаривал её дать согласие на помолвку. Милая мама! Что за удивительно бескорыстный, блаженный человек!

4 февраля

Имя Чарльза Андерхилла никогда больше не появится на этих страницах. Они с Амелией помолвлены! С той минуты она потеряна для меня навсегда. Какой несчастной, одинокой и униженной я себя чувствую! И кто бы мог подумать, что Амелия способна на такое! Она пришла ко мне, сияющая от радости. Я скрывала своё отвращение, пока она не сказала, что теперь Чарли понимает, что никогда не любил меня, а всё это время на самом деле предпочитал её. Тут меня прорвало. Не знаю, что именно я говорила, и честно говоря, мне всё равно. Всё это так противно, что только тупая деревяшка или бесчувственный камень способны были бы не разозлиться.

5 февраля

После вчерашних бурных излияний печали, стыда и гнева чувствую себя совершенно отупевшей и измученной. Ах, если бы я была уже готова уйти в лучший мир, если бы можно было уже сейчас улететь туда и наконец успокоиться!

6 февраля

Теперь, когда всё кончилось, мне стыдно за свою бешеную ярость, которая дала Амелии такое преимущество надо мной! Я-то уже было думала, что начинаю жить настоящей христианской жизнью — пусть даже слабой и спотыкающейся, но настоящей, — и начинаю этой жизни радоваться. Но всё кончено. Я обречена до конца своих дней оставаться жертвой моей собственной шаткой, импульсивной, своенравной натуры, и чем раньше я примирюсь с этой мыслью, тем лучше. И всё-таки душа моя жаждет какого-то высшего счастья и не хочет утешиться, пока счастья этого нет.

7 февраля

После того, как я закончила писать, что-то побудило меня пойти к доктору Кэботу, — не знаю, что именно. Он принял меня так радостно, что мне, как всегда, показалось, что сам его вид обещает освобождение от всех печалей и всякого бремени.
— Рад видеть тебя, дорогая моя девочка, — сказал он.
Я намеревалась вести себя с холодным достоинством. Ещё не хватало, чтобы доктор Кэбот начал меня жалеть — меня! Но эти несколько добрых слов выбили меня из колеи, и я заплакала.
— Вы не стали бы говорить со мной так ласково, если бы знали, какая я ужасная! — наконец выдавила я из себя. — Я сержусь на себя, сержусь на всех вокруг, сержусь на Бога. Я и двух минут не способна быть хорошей! Всё время делаю то, чего не хочу, и у меня не получается делать то, что я стараюсь делать и о чём молюсь. Все только и делают, что раздражают и искушают меня. А Бог не отвечает ни на одну из моих молитв, и я просто в отчаянии.
— Бедный ребёнок, — сказал он тихо, как будто сам себе. — Бедный, уставший, измученный ребёнок, который никак не может увидеть то, что вижу я: как руки Отца обнимают его со всех сторон.
Я вытерла слёзы и начала прислушиваться. Он продолжал.
— Кэти, может быть, всё, что ты говоришь, и в самом деле так. Наверное, так оно и есть. Но Бог любит тебя! Он тебя любит.
— Он любит меня, — повторила я про себя. — Он любит меня! Ах, доктор Кэбот, если бы я только могла в это поверить! Если бы я могла поверить, что после всех нарушенных обещаний, после всех глупых и нехороших поступков, которые я уже совершила и ещё совершу, Бог, может быть, всё равно любит меня!
— Можешь в этом не сомневаться, — торжественно и серьёзно произнёс он.— Я, Божий служитель, возвещаю тебе сегодня Его благую весть. Иди домой и повторяй себе ещё и ещё раз: «Я своенравный и глупый ребёнок. Но Он любит меня! Я уже десятки тысяч раз нарушила Его повеления и огорчила Его. Но Он любит меня! Я разочаровалась в самых близких друзьях, и мне очень одиноко. Но Он любит меня! Я не люблю Его, я злюсь на Него! Но Он любит меня!»
Я пошла домой и всю дорогу боролась сама с собой, повторяя: «Он любит меня!» Дома я встала на колени, чтобы помолиться, и вся моя жизнь — глупая, детская, бесцельно потраченная жизнь, — казалось, смотрела мне в лицо. Я взглянула на неё и проговорила со слезами радости: «Но Он любит меня!» Никогда раньше я не чувствовала себя такой успокоенной, такой утешенной; никогда не знала раньше такой печали, но, в то же самое время, такого спокойного блаженства.

10 февраля

Как прекрасен этот мир, как полон по-настоящему добрых, хороших людей! Сегодня утром к нам заходила миссис Моррис, и одно лишь пожатие её длинной, желтоватой старческой ладони проговорило к моему сердцу столько, что не опишешь в целой книге. Интересно, почему я так не любила её раньше, ведь она просто замечательная женщина! Я крепко поцеловала её в благодарность за то, что у неё хватило здравого смысла не выражать мне соболезнование в набожных речах, и — поверишь ли, милый мой, добрый Дневник? — на глаза у неё навернулись слёзы, и она сказала:
— Ты одна из тех, кто особенно любим Господом, хотя, может, и не знаешь об этом.
Я повторила про себя эти таинственные, ласковые слова, а потом начала думать, что бы такое мне сделать для Бога, но так и не придумала ничего по-настоящему большого и прекрасного. Тогда я отправилась к маме в комнату, обхватила её руками и сказала ей, как сильно я её люблю. Она удивилась и обрадовалась:
— Я знала, что он обязательно придёт! — сказала она, кладя руку на свою Библию.
— Кто придёт, мам?
— Покой, — ответила она.
Я вернулась к себе и написала Амелии записочку, где повинилась в своей позавчерашней несдержанности и попросила прощения. Потом я написала длинное письмо Джеймсу. Что-то я последнее время совсем мало ему пишу.
Потом я села подрубать носовые платки, которые мама поручила мне доделать ещё месяц назад. Но я так и не придумала, что бы такое совершить ради Бога. Вот бы придумать что-нибудь получше. Мне так хорошо при мысли о том, что даже когда я думала только о себе и считала, что Бог, скорее всего, ненавидит меня, на самом деле Он всё это время жалел и любил меня.

15 февраля

Сегодня я опять отправилась к доктору Кэботу. Он вышел из кабинета с пером в руках.
— Разве можно приходить ко мне в субботу и портить воскресную проповедь? — добродушно спросил он.
И хотя он всё равно говорил со мной ласково и по-доброму, мне стало стыдно за своё легкомыслие. Правда, я не знала, что он как-то особенно занят по субботам. Если бы я была священником, то непременно готовила бы свои проповеди заранее, в начале недели.
— Я хотела спросить только об одном, — сказала я. — Я хочу сделать что-нибудь для Бога. И ничего не могу придумать, разве что стать миссионеркой. Но мама мне никогда этого не разрешит. Она считает, что девушки с хрупким здоровьем не годятся для такой работы.
— Ну, сегодня всё равно уже поздно отправляться в дальние страны, — ответил он. — Пока что попробуй всё, что ты делаешь, делать для Него — Того, Кто полюбил тебя и отдал Себя ради тебя.
Я не решилась задерживать его дольше и пошла домой озадаченная. Обед был уже готов, и, усаживаясь за стол, я подумала: «Ведь вот сейчас я буду есть для себя, а не для Бога. Что же доктор Кэбот имел в виду?» Потом я вспомнила, что есть в Библии стих, говорящий, что всё нужно делать ради славы Христа, даже есть и пить, но я его совершенно не понимаю.

19 февраля

Последние несколько дней мне казалось, что я всё-таки люблю Бога, пусть даже совсем чуть-чуть. Но сегодня меня, как ножом, полоснула мысль о том, что любовь моя, даже в своём лучшем виде, такая жалкая и эгоистичная, что она не стоит того, чтобы

предлагать её Богу, и, уж конечно, не стоит того, чтобы Бог её принимал. Вся прежняя печаль снова вернулась и привела с собой новые горькие мысли, ещё горше, чем раньше. Лучше бы мне не родиться! Лучше бы мне быть беззаботной и легкомысленной, как другие девочки моего возраста, у которых всё просто замечательно и которым живётся гораздо лучше и веселее, чем мне.

21 февраля

Сегодня меня навестил доктор Кэбот. Я всё ему рассказала. Он не удержался от улыбки:
— Когда я вижу, как грудной малыш гладит ручкой щёку своей мамы, неужели я говорю ему: «Ах ты маленький эгоист! Зачем ты притворяешься, что любишь свою маму? Ты ведь совершенно не способен оценить её характер; ты любишь её просто потому, что она тебя любит и ласково с тобой обращается». А?
Теперь уже я улыбнулась своей собственной глупости.
— Ты ведь ещё совсем младенец во Христе, — продолжал доктор Кэбот, — и любишь своего Бога и Спасителя потому, что Он первым возлюбил тебя. Наступит время, когда характер твоей любви переменится; ты научишься видеть и чувствовать красоту и безупречность Того, Кого полюбила; и даже если будешь совершенно уверена в том, что Он перестал относиться к тебе с благосклонностью, то всё равно будешь льнуть к Нему всё теснее, с преданной нежностью и любовью.
— Меня ещё вот что беспокоит, — сказала я. — Большинство людей точно знают тот момент, когда они начали жить по-христиански. Но я ничего такого не помню. И поэтому часто сомневаюсь.
— На самом деле ты не права, считая, что у большинства людей есть такое преимущество. Мне кажется, что если родители-христиане мудро воспитывают своих детей, то эти дети редко когда могут указать на конкретный день или час, когда для них началась эта новая жизнь. Но ведь вопрос не в том, помнишь ли ты, как и когда появилась на свет. Важно одно: жива ли ты сейчас и существуешь ли в этом мире. А теперь позволь и мне кое о чём тебя спросить: почему ты, дочь матери-христианки, женщины с таким богатым и разнообразным духовным опытом, позволяешь подобным мелким беспокойствам досаждать тебе?
— Не знаю, — ответила я. — Но мы, девочки, просто не можем разговаривать со своими мамами о подобных переживаниях, и нам не нравится, когда они сами начинают с нами об этом разговаривать.
Доктор Кэбот покачал головой.
— Что-то тут не так, — произнёс он. — К кому ещё, как не к матери, молоденькая девушка может пойти с любой своей трудностью и заботой? Я надеялся, что уж ты-то поможешь мне понять, в чём здесь загвоздка, — ведь у тебя здравого смысла больше, чем у многих девочек твоего возраста.
Стыдно признаться, но когда он ушёл, я была совершенно счастлива из-за его слов о том, что у меня больше здравого смысла, чем у других. Пребывая в таком вот возвышенном состоянии, я встретила на лестнице маму и так резко ответила на её спокойную просьбу, что расстроила и её, и себя.
Сегодня ровно год с того дня, когда я испугалась своего пылкого увлечения романами и решила не брать их в руки целых двенадцать месяцев. Мне перестали нравиться все другие книги, каждый вечер я засиживалась допоздна, поглощая всё интересное, что удавалось найти. Однажды в субботу я просидела до полуночи, спеша закончить книгу, а на следующее утро была такая сонная, что пришлось остаться дома и не ходить в церковь. Надеюсь, что теперь мне наконец-то удалось сломить эту опасную привычку, и я никогда больше не стану погружаться в романы до такой степени. Вообще, вряд ли я когда-нибудь снова увлекусь книгами такого сорта.

24 февраля

Сегодня утром мама опять (наверное, уже в пятидесятый раз) указала мне на мою неорганизованность и рассеянность. Мне кажется, я такая легкомысленная не потому, что мне нравится жить в беспорядке. Вся беда в том, что я всё время на бегу и постоянно куда-то спешу. И если мне вдруг что-то понадобилось, то я всегда ну просто очень хочу это что-то найти — и найти как можно скорее. Поэтому, когда я ищу книжку, или ноты, или рисунок на ткань, то расшвыриваю всё на своём пути, а потом просто не могу заставить себя остановиться, чтобы распихать вещи по местам. Ну почему я такая порывистая и нетерпеливая?! Но я твёрдо решила поддерживать порядок в своей комнате и во всех своих шкафах и ящиках, чтобы мама была довольна.
А ещё она говорит, что я стала неряшливо относиться к своей причёске и одежде. Но ведь это всё потому, что голова моя занята более серьёзными, более важными вещами! Я думала, человек должен быть полностью поглощён исполнением своего долга перед Богом. Но мама утверждает, что долг перед Богом подразумевает и обязанности перед ближними. А если у человека неаккуратная, наспех сделанная причёска, с выбившимися тут и там прядями, мятые воротнички и манжеты, и так далее, то он вызывает исключительно неприятные чувства у каждого, с кем общается в течение дня. Жаль, что мама так считает, потому что мне очень даже удобно: взял, быстренько завернул волосы наверх — и дело с концом; а чтобы стирать и гладить воротнички и манжеты, нужна уйма времени.

14 марта

Одно сплошное разочарование, просто руки опускаются. Я-то думала, что если уж Бог любит меня, а я люблю Его, значит, я буду каждый день становиться всё лучше и лучше. Но никаких улучшений не видно. Большую часть времени, проведённого на коленях, я либо сижу, тупо уставившись в пол, и вообще ничего не чувствую, либо голова моя полна мыслями о том, чем я занималась до того, как принялась молиться, — или о том, чем займусь, когда уже помолюсь. Мне кажется, ни у кого другого в мире нет таких проблем. Но иногда я иду молиться в другом настроении, молитва идёт бойко и гладко, и по щекам катятся потоки слёз, — тогда я надуваюсь от гордости и раздумываю о том, как Богу, должно быть, приятно видеть такую духовную ревностность. В таком вот состоянии я спускаюсь вниз, тут же начинаю ругаться со Сьюзан из-за того, что она куда-то спрятала мои ноты, — вдруг ловлю себя на этом и останавливаюсь, поникшая и смущённая. Это происходит так часто, что я ощущаю себя младенцем, который только-только учится ходить и так боится падать, что иногда даже подумывает о том, чтобы однажды сесть и больше никогда не вставать.
И ещё: видя, как мама любит Фому Кемпийского, я тоже начала периодически его почитывать, и мне он совершенно не нравится. От начала до конца он призывает к самоотречению в самых различных и всевозможных его формах. Так что же мне теперь, совсем отказаться от всякой надежды на земное счастье и изменить все свои естественные вкусы и желания? Но ведь мне так нравится быть счастливой! И я терпеть не могу страданий! Меня приводит в дрожь одна мысль о том, чтобы болеть самой или ухаживать за больными, которые всегда такие сердитые, — или о том, чтобы терять друзей и жить рядом с неприятными людьми. Я хочу угождать Богу и быть похожей на Него. Конечно, хочу. Но я ведь ещё так молода, и мне, естественно, хочется как следует повеселиться! Ладно, если уж начала откровенничать, напишу всё, как думаю. Во всех книжках о жизни по-настоящему хороших людей, которые умерли и пошли на Небеса, говорится, что эти люди любили сидеть и размышлять о Боге и о Христе. А я не люблю. Я стараюсь, но мысли мои всё время уплывают куда-то в сторону. Я в таком отчаянии, что и не знаю, что делать!

17 марта

Сегодня пошла к доктору Кэботу, но его не оказалось дома, и тогда я подумала, не поговорить ли мне с миссис Кэбот, хотя вовсе не собиралась посвящать её в свои проблемы. Но она каким-то образом заставила меня всё ей рассказать. Я думала, она придёт в

ужас, но вместо этого она звонко рассмеялась! Правда, она тут же взяла себя в руки и сказала:
— Прости, что смеюсь над тобой, милая, милая моя девочка! Просто я хорошо помню те годы, когда сама барахталась среди этих ненужных беспокойств, — теперь я уже смотрю на жизнь иначе, совершенно иначе, чем тогда. Что бы ты подумала, увидев, как человек, только вчера засеявший своё поле, уже сегодня сетует на то, что семена до сих пор не проросли и не дали урожай, — только потому что его сосед, после долгих месяцев ожидания, наконец-то начал у себя жатву?
— Вы что, хотите сказать, что со временем и я буду ощущать то же самое, что и другие благочестивые люди? — спросила я.
— Конечно. Сейчас ты должна как можно лучше использовать те начала христианской жизни, которые у тебя есть. Благодари Бога за то, что Он уже так много тебе дал. Цени то, что у тебя есть, молись об этом и охраняй, как зеницу ока. И тогда эта новая жизнь будет всё время расти, расти незаметно, но постоянно, — ибо такова её природа.
— Но я не хочу ждать, — в отчаянии сказала я. — Вот только недавно я читала одну чудесную книжку, о всяких героических подвигах, — и всё это были не басни, не мифы, а рассказы о настоящих подвигах и настоящих людях. Эта книжка так меня потрясла, мне сразу захотелось тоже стать героем-подвижником, и если бы я была мужчиной, то у меня была бы возможность совершать подлинно благородные, самоотверженные деяния.
— Не сомневайся, такая возможность у тебя обязательно будет, — ответила миссис Кэбот, — хоть ты и не мужчина. Я думаю, все мы получаем приблизительно то, к чему стремимся.
— Вы правда так считаете? Тогда надо посмотреть, чего же мне хочется больше всего. Но я, наверное, Вас задерживаю. Вы были очень заняты, когда я пришла?
— Нет, — с улыбкой ответила она. — Я как раз начинаю понимать, что «мне нужен тот человек, которому нужна я».
— Какая вы добрая!.. Та-ак... значит, прежде всего, я на самом деле и совершенно серьёзно хочу стать хорошим человеком. Понимаете, даже не просто хорошим, как обыкновенные люди, а...
— Необыкновенно хорошим, — вставила она.
— Ну, то есть, я хочу стать очень, очень хорошей. Ещё я хотела бы получить приличное образование и уметь прекрасно петь, играть, рисовать, шить и всё такое. Ещё я хочу быть совершенно здоровой и совершенно счастливой. Ну, и, конечно, мне нужен приятный дом, и чтобы вокруг были друзья, которые меня любят и уважают. И я не смогу жить без красивой, уютной обстановки. Ну вот, Вы опять смеётесь! Я что, сказала какую-нибудь глупость?
— Если я и смеюсь, то не над тобой, а над бедной, глупой человеческой природой, которая упрямо жаждет ухватить всё сразу. Ну, представь себе, что всё это у тебя есть. А как же тогда быть с героическими подвигами, которыми ты только что восхищалась? Разве в таком полном блаженстве у тебя будет возможность заниматься самоотречением?
— Но я ведь как раз об этом и говорю! Именно это меня и беспокоит!
— Ну конечно, если у тебя будет безупречное здоровье и безоблачное счастье, уютный дом и друзья, которые любят тебя и восхищаются тобой...
— Я не говорила, что они должны восхищаться, — перебила я.
— Но ведь ты именно это имела в виду, дорогуша.
Если подумать, наверное, так оно и было.
— Так вот, если ты будешь жить в окружении целой кучи друзей, прослывёшь необыкновенно хорошим человеком, научишься прекрасно петь, играть, рисовать, вышивать и так далее, а вокруг тебя будет красивая, со вкусом подобранная обстановка, то, боюсь, твоя жизнь никогда не будет особо возвышенной.
— Очень жаль,— задумчиво произнесла я.
— Но если сейчас ты удовольствуешься тем, что будешь тихо, аккуратно и постоянно выполнять все домашние дела, которые надо делать снова и снова, изо дня в день, — и будешь делать их так, как для Господа, то, может быть, со временем накопишь силы для более героических поступков.
— Но я не знаю, как.
— У тебя же наверняка есть какие-то домашние обязанности.
— Есть. Я должна содержать в порядке свою комнату, а ещё мама хочет поручить мне гостиную. Вы ведь знаете, у нас теперь всего одна гостиная.
— И всё? Больше у тебя нет никаких дел?
— Ну, я довольно много времени посвящаю музыке и рисованию; потом я ещё читаю и занимаюсь, иногда выхожу, и к нам домой приходит много гостей.
— Значит, у себя в комнате ты наверняка поддерживаешь чистоту и порядок, как и подобает девушке. А в гостиной, наверное, пыль всегда вытерта, ноты сложены аккуратной стопочкой, а не разбросаны где попало, и книги стоят на своих местах...
— Теперь я вижу, что мама на меня жаловалась.
— Твоя мама ни слова мне не говорила.
— Тогда, — сказала я, смеясь, но чувствуя себя ужасно неловко, — я скажу правду: у меня в комнате не всегда чисто, и пыль в гостиной вытирает чаще мама, хоть я и говорю, что это моя обязанность.
— И мама никогда не сердится на тебя за это?
— Ещё как сердится!
— Тогда, милая Кэти, пусть твоим первым героическим поступком будет решение постоянно, изо дня в день, тихо и аккуратно выполнять свои маленькие обязанности, какими бы пустяковыми они ни были, — и радовать этим маму. Несомненно, после послушания Богу твой первый долг заключается в том, чтобы угождать матери и всеми возможными способами делать её жизнь приятнее и лучше. Можешь не сомневаться: жизнь подлинного героизма и самоотречения всегда начинается и укрепляется в подобных мелочах; именно тут она делает свои первые шажки и получает свои первые уроки.
— Вы и вправду думаете, что Бог замечает такие пустяки?
— Девочка моя милая, что за вопрос! Если бы я могла вложить одну истину в сознание каждого молодого христианина, то непременно сказала бы им вот что: Бог замечает самый незначительный поступок, принимает самую жалкую, самую банальную попытку услужить, выслушивает самую холодную и вялую молитву и с нежной отцовской заботой собирает все наши несвязные, растрёпанные желания и попытки совершить благое дело. Ах, если бы мы только могли себе представить, как Он любит нас, то были бы совершенно иными людьми!
Её пылкость вдохновила меня, хоть я не вполне понимаю, что она имеет в виду. Я не решилась задерживать её дольше, потому что с такой уймой детишек у неё, наверное, хлопот полон рот.

25 марта

Мама просто изумлена тем, какой у нас царит порядок. Сегодня, когда я носилась по гостиной, распевая и вытирая пыль с мебели, она вошла и начала было: «Тот, кто верен в малом...» Но я налетела на неё с метёлкой в руках и не дала ей закончить. Я и правда совсем, совсем не заслуживаю похвалы. Потому что последние дни думаю вот о чём: если Бог замечает каждый пустяк, который мы делаем ради Него, то Он замечает также и каждое сердитое слово, каждый недовольный жест, каждый немилостивый взгляд, — и всё это огорчает Его. А если записать все мои прегрешения, на всём белом свете бумаги не хватит!

29 марта

Вчера в первый раз после этого ужасного удара я почувствовала, что снова становлюсь самой собой и ко мне возвращается прежняя весёлость и жизнерадостность. Такое впечатление, что это произошло сразу же после того, как я впервые начала изо всех сил стараться радовать маму своим послушанием и прилежностью.
Но сегодня мне снова грустно. Во-первых, я скучаю по Амелии и её дружбе. Правда, я всё время спрашиваю себя, как я могла так преданно любить такое поверхностное создание; но мне просто необходимо кого-то любить. Наверное, я просто придумала себе прелестный образ, назвала его Амелией, а потом преклонилась перед ним и стала его обожать. Ведь так же было и с тем, чья бессердечная жестокость принесла мне столько боли и одиночества.

Вечером

Весь день мама разговаривала со мной очень терпеливо и спокойно. Вечером же после чая она сказала самым мягким и нежным голосом:
— Кэти, дорогая, мне очень жаль тебя. Есть один путь, который может вывести тебя из печали и уныния, но ты ещё не пробовала на него вступить. Ты знаешь, что такое жить для себя. Ты живёшь для себя уже много лет, и это привело только к тому, что душа твоя измучена и отягощена. Попробуй теперь пожить для других. Займись с детьми в воскресной школе. Пойдём сходим вместе в несколько бедных семей. Ты будешь поражена, когда увидишь, как много в мире страдания и болезней, и как это чудесно — сострадать несчастным и пытаться облегчить их скорби.
Сама мысль об этом вызвала у меня брезгливое отвращение. Я и так постоянно занята чтением, музыкой и рисованием. И уж чего я терпеть не могу, так это навещать больных. Но в общем, я решила всё-таки попробовать заняться воскресной школой.

Глава V

6 апреля

Наконец-то я начала преподавать в воскресной школе. Раньше я не хотела брать на себя эту обязанность, потому что знала, что не смогу научить ребятишек любить Бога, если сама Его не люблю. Мои детишки — просто прелесть! Двенадцать очаровательных малышей восьми-девяти лет. Одиннадцать девочек и мальчик, который один доставляет мне больше хлопот, чем они все, вместе взятые. Когда они садятся вокруг меня и поднимают ко мне свои милые, невинные мордашки, я так счастлива, что не могу удержаться и то и дело наклоняюсь к ним, чтобы поцеловать то одного, то другого. Подумать только, какие странные вопросы они задают! Я собираюсь тщательно готовиться к каждому занятию и выискивать всякие истории, чтобы получше объяснить им то, о чём мы будем разговаривать. Ах, как я рада, что родилась и живу в этом прекрасном мире, где так много славных ребятишек, которых можно любить!

12 апреля

Снова воскресенье, и снова мои любимые дети! Доктор Кэбот так чудесно проповедовал, и я чувствую благотворное влияние его слов. Я жажду, по-настоящему жажду угождать Богу; я хочу иметь те же чувствования, что и самые лучшие христиане, и жить так, как живут они.

20 апреля

Теперь, когда у меня под крылом двенадцать птенчиков, которых нужно учить, я ещё более усердно стараюсь быть для них хорошим примером в течение всей недели. Конечно, большинство из них не знает, как именно я провожу время и как себя веду. Но я знаю, как мне горько и стыдно всякий раз, когда сама я не придерживаюсь тех принципов, которые стараюсь передать им. Сколько же плохо и наспех сделанной работы мне приходится сейчас переделывать! Начни я усердно служить Богу уже в таком юном возрасте, как мои детишки, — скольких дурных привычек можно было бы избежать! А эти привычки так связывают, так опутывают меня. Я хочу взять каждую из этих маленьких кротких девчушек за руку и привести к Христу. Боюсь, с малышом Джонни всё будет не так просто; он постоянно испытывает моё терпение и, по-моему, оно почти на пределе.

27 апреля

Сегодня утром моя крохотная паства собралась вокруг меня, и я горячо, от всего сердца говорила им об Иисусе. Они даже слезли со своих стульчиков, подползли ко мне поближе, облепили меня со всех сторон и ловили буквально каждое слово. И вдруг, как будто из-за какого-то магнетического воздействия, я заметила, что неподалёку сидит огромный, неуклюжего вида мужчина, смотрит на меня самыми жуткими чёрными глазищами, какие только можно себе представить, и по-видимому, прислушивается к каждому моему слову. Сначала я смутилась, а потом рассердилась. Какая дерзость! Настоящий грубиян! Наверное, он прочитал на моём лице неудовольствие, потому что тут же встал — и, кажется, покраснел, потому что лицо его просто стало в несколько раз темнее, чем было до того; можно подумать, что кровь у него не красного, а чёрного цвета. Наверное, я не придала бы этому (то есть, его грубому поведению) особого значения, но через несколько минут он вышел к кафедре и обратился к детям с отличной проповедью. Правда, может быть, то, что он говорил, было несколько выше их понимания, но было видно, что он человек серьёзный и вдумчивый. Я хотела спросить, кто это, но забыла.
Замечательное получилось воскресенье. Я прямо-таки наслаждалась проповедями доктора Кэбота. И всё-таки в религии есть что-то такое, что мне ещё не доступно. Хотела бы я точно знать, что Бог простил и принял меня.

6 мая

Вчера у Клары Рэй была маленькая вечеринка, и я тоже пошла. У неё так чудесно получается собрать как раз тех людей, что нужно, и сделать так, чтобы они хорошенько повеселились.
Я спела несколько романсов, и Клара тоже, но все сказали, что у меня голос красивее и поставлен лучше. Так приятно побывать среди воспитанных и образованных людей! Я хотела посидеть с ними подольше, — ведь когда мама послала за мной, никто ещё не собирался уходить, — но мне пришлось попрощаться и отправиться домой.

7 мая

Сегодня мы с Кларой Рэй и её друзьями восхитительно провели время на прогулке. Я порядком приустала, но вечером меня пригласили на концерт, и я не смогла удержаться.

21 июля

Столько всего происходит, что на дневник практически не остаётся времени. Сплошные пикники, прогулки, вечеринки — всё лето напролёт! Боюсь, моя христианская жизнь почти совсем заглохла. Молитвы стали скучными, короткими и рассеянными. В компании из меня просто брызжут жизнерадостность и веселье; но стоит мне вернуться домой, как я сразу становлюсь бестолковой и брюзгливой. Наверное, так будет всегда, потому что и раньше всегда так было; но уж лучше быть такой, чем бесцветной и плоской, как эта несчастная Мэри Джоунс, или тупой и тяжёлой на подъём, как толстушка Люси Меррилл.

24 июля

Клара Рэй говорит, что девочки считают меня безрассудной и дерзкой на язык. Наверное, лучше мне больше не водиться с этой их компанией. Боюсь, последнее время всеобщее внимание порядком вскружило мне голову; и вот пожалуйста, — удар по моему раздутому тщеславию.
Вообще, сегодня мне очень и очень не по себе.

28 июля

Многие говорят о том, сколько счастья им приносит христианская жизнь. Почему же я не чувствую себя счастливее? По воскресеньям я веду себя прекрасно и всегда как бы начинаю жизнь заново. Но в будни меня как-то незаметно увлекает вслед за остальными. Все мои развлечения сами по себе вполне невинны; ведь нет ничего плохого в том, чтобы ходить на концерты, выезжать покататься, петь романсы и навещать друзей! Но всё это отвлекает, поглощает меня, и духовные упражнения начинают казаться утомительными. Запереться бы в келью и укрыться от всех этих искушений!
А дело в том, что дорога к Небесам всё время идёт в гору. Мне надо постоянно заставлять себя идти вперёд. Удивляюсь, как это некоторым людям удаётся всё-таки доходить до конца, когда вокруг столько всяческих препятствий, а помощи почти никакой нет!

29 июля

Пора остановиться и задуматься. Последнее время я живу, как будто в бешеной гонке, и сейчас мне надо остановиться и перевести дыхание. Не нравится мне всё это. И на душе неспокойно, смутно. Я понимаю: для того чтобы обрести счастье с Богом, надо отдать Ему всё. Но внутри себя чувствую, как в ответ на эту мысль подымается упрямое, порочное нежелание и сопротивление. Я хочу быть с Ним, — но так же хочу жить по своему усмотрению. Я хочу ходить перед Богом в смирении и кротости, но одновременно люблю бывать там, где люди восхищаются мною и хвалят меня. Кому я, в конце концов, покорюсь? Богу? Или себе? Надо решить этот вопрос раз и навсегда.

30 июля

Повстречала сегодня доктора Кэбота, не удержалась и спросила:
— Разве можно мне петь и играть в обществе, если я делаю это только для того, чтобы все мною восхищались?
— А ты уверена, что поёшь только для этого? — спросил он в свою очередь.
— Ну-у,.. — замялась я, — наверное, кроме стремления покрасоваться, в этом есть и капелька желания просто порадовать друзей...
— И ты считаешь, что если просто начать отказываться петь в обществе, это стремление покрасоваться (если оно в тебе действительно есть) навсегда умрёт?
— Ну, если не умрёт, то получит хороший, крепкий удар, — ответила я.
— А между тем, наказывая себя, ты наказываешь и своих бедных, ни в чём не повинных друзей! — сказал он смеясь. — Нет, девочка, пой себе на здоровье. Бог даровал тебе чудесную способность доставлять людям радость и удовольствие. Но при этом не переставай молиться о том, чтобы петь не из чистого себялюбия, а из искреннего желания угодить другим.
— Что, люди и вправду молятся о таких вещах? — удивлённо воскликнула я.
— Конечно! Да я бы стал молиться даже о своём мизинце, если бы увидел, что он собирается совратиться с истинного пути!
Я посмотрела на его мизинец, но тот не проявлял ни малейших признаков ереси или раскольничества.

3 августа

Сегодня утром я с великой радостью помолилась за своих маленьких учеников и, как на крыльях, полетела в воскресную школу. Но, подойдя к своему месту, я с ужасом увидела, что на нём восседает Мария Перри.
— Ах, да, тебя пересадили, — заявила она. — Мне отдали половину твоих учеников, а это место мне нравится больше, чем те другие, наверху. Тебе ведь, наверное, всё равно?
— Нет, совсем не всё равно! — вскричала я. — И ты забрала себе самых лучших моих девочек, самых послушных и самых хорошеньких! Я пойду и немедленно пожалуюсь мистеру Уильямсу.
— В любом случае, незачем так выходить из себя, — сказала она. — Между прочим, мне не меньше, чем тебе, нравится учить послушных и симпатичных детей. Кстати, мистер Уильямс сам сказал, что ты с радостью разделишь свой класс на два и отдашь половину мне, потому что у тебя слишком много учеников, так что разговор с ним вряд ли поможет.
Урок уже начинался, и говорить дальше не было времени. Я с отвращением направилась к своему новому месту, и оно, конечно же, оказалось крайне неудобным. Дети уже не могли собраться кружком возле меня, и весь урок прошёл из рук вон плохо. Я совершенно уверена, что у Марии Перри вообще нет дара учить маленьких детей, и чувствую себя донельзя обозлённой и раздражённой. Это воскресенье не принесло мне никакой пользы, и я отправляюсь спать печальная и неудовлетворённая.

9 августа

Заходил мистер Уильямс и сказал, что меня пересадили на старое место и снова отдали мне всех моих ребятишек. Оказывается, их мамы либо подошли к нему, либо прислали записки, где просили его, чтобы я и дальше была их учительницей. Мистер Уильямс говорит, что надеется видеть меня учителем воскресной школы ещё лет двадцать, и как только его дочки подрастут, непременно

запишет их ко мне в класс. Наверное, я была бы в восторге от такой похвалы, если бы в воскресенье не вела себя так отвратительно с Марией Перри! Когда же я, наконец, научусь обуздывать свой несносный язык?!

15 января 1835 года

Сегодня мне двадцать лет. Звучит солидно, но я чувствую себя так же, как и раньше. Я начала ходить по бедным семьям вместе с мамой и просто поражаюсь, как сильно они её любят и как спокойно позволяют ей говорить с ними про Бога. Но вообще, мне кажется, что бедняки совсем неинтересные люди, — и, к тому же, ужасно неблагодарные.
Сперва мы ходили к старому Джейкобу Стоуну. Я уже и раньше заносила к ним корзинки, полные всяческих вкусностей, которые мама любит им посылать, — но ещё ни разу не могла заставить себя войти. Я глазам своим не поверила, так он исхудал и постарел. К тому же, у него было тяжело на душе, и он попросил маму помолиться за него. Не знаю, как она это выдерживает. Я абсолютно уверена, что никакая земная сила не сможет заставить меня вставать на колени на голом дощатом полу, и чтобы вокруг сидели, стояли и качались незнакомые люди, которые ещё и таращатся на тебя во все глаза, как две тамошние девочки таращились на маму. С какой нежностью она молилась за него!
Потом мы отправились к Сьюзан Грин. Она сшила для своей комнаты ковёр из лоскутков, которые, по-видимому, перепадают ей от тех людей, у кого она работает (она мастерит ковры в домах побогаче). Её собственный ковер получился ярким и весёлым. В углу у неё стояла очень милая кроватка с белым стёганым покрывалом, и по всей комнате были расставлены и развешаны всякие хорошенькие вещицы и украшения. Мама похвалила Сьюзан за аккуратность и сказала, что такая кровать годится даже для царицы, ведь она, наверное, не только красивая, но и удобная.
— Да что вы, помилуй Боже! — воскликнула Сьюзан. — Неужто это для спанья? Сплю-то я на чердаке. Приставляю лестницу, залезаю наверх — и вся недолга.
По-моему, маме это показалось забавным, и она терпеливо выслушала долгую историю о том, как и куда бедняга Сьюзан вложила свои денежки; о том, как мистер Джоунс не выплачивает вовремя проценты и как мистер Стивенс торговался с ней из-за этих самых процентов. Когда мы ушли, я спросила маму, как она могла с таким терпением выслушивать эту пустую болтовню и что хорошего, по её мнению, она сделала своим визитом для Сьюзан Грин.
— Бедняжка любит похвалиться своим ярким ковром и аккуратной постелью, стульями и вазочками и поговорить о своих любимых деньгах и банковских сбережениях. Может быть, я не сделала ей никакого добра, но мне удалось хотя бы сделать ей приятное. У тебя это, кстати, тоже получилось.
— Но я же вообще ни слова не сказала!
— Ей было приятно само твоё присутствие. А если она когда-нибудь окажется в беде, то к тому времени уже будет к нам расположена благодаря тому, что мы делили с ней её радость, — и, быть может, позволит нам разделить с ней и горе.
Откровенно говоря, я подумала, что вполне обойдусь без подобной чести. Она пренеприятнейшая особа и даже нюхает табак.
Дальше мы пошли к Бриджет Шэннон. Несколько лет назад мама потеряла её из виду и только недавно узнала, что та больна и нуждается. Мы застали её в постели; в комнате вообще не было мебели, трое полураздетых ребятишек сидели у камина, где недавно, по-видимому, был огонь, и грели голые ноги в тёплом ещё пепле. Таких жалких и голодных детей я ещё не видела. Мама отослала меня в ближайшую булочную за хлебом, и я бежала почти всю дорогу туда и обратно. Не знаю, что мне больше понравилось: то, с какой радостной готовностью мама раздавала им хлеб, или то, как они хватали и поглощали его огромными кусками. Я собираюсь распороть одно из своих платьев и сшить этим малышам хоть какую-то одежду. У одной из них такие чудные волосы, что если их хорошенько вычесать, то они будут виться прелестными кудрями. Она такая хорошенькая, что я велела ей придти завтра ко мне домой.
На эти походы по бедным ушло всё то время, которое я обычно провожу за рисованием. Но в целом я рада, что сходила с мамой, потому что ей это было приятно. Кроме того, люди либо вообще должны прекратить читать Библию, либо должны перестать тратить своё время на легкомысленные развлечения.

20 января

Маленькая девчушка Шэннон всё-таки пришла. Я вымыла ей лицо и руки, как следует вычесала ей волосы, закрутила их очаровательными золотыми колечками вокруг её хорошенькой мордашки и с торжествующим видом понесла её показать маме.
— Мам, ты только посмотри на эту прелесть! — воскликнула я. — Правда, она подобна дивным строкам возвышенной поэзии?
— Ах ты моя восторженная глупышка! — ответила мама. — Мне она напоминает самую что ни на есть земную прозу. Кусок хлеба с маслом и пара пряников понравятся ей гораздо больше, чем самые изящные локоны на свете. Посмотри, они лезут ей в глаза; да с них до сих пор капает вода, прямо ей за шиворот, и бедняжка вся дрожит!
С этими словами мама закутала малышку в полотенце, чтобы с волос не капало, отправилась за хлебом с маслом, и этот ребёнок поглотил совершенно ужасающее количество бутербродов. В довершение всего, это неблагодарное существо вообще больше не взглянуло на меня, а всё время прижималось к маме, с великим презрением повернувшись ко мне спиной.
Мораль: иногда мамы знают больше, чем их дочери.

Глава VI

24 января

Вчера утром Сьюзан Грин послала сказать нам, что она сильно упала и расшиблась до полусмерти. Мама тут же засобиралась к ней, но я её не пустила, потому что она жутко простужена. Тогда она попросила меня сходить вместо неё. Я оскорблённо вздёрнула нос от одной этой мысли, хотя, пожалуй, нос у меня и так чересчур задирается.
— Ну мам, — с упрёком протянула я. — К этой противной старухе?
Мама ничего не ответила, а я села за пианино и попыталась поиграть, но у меня получались только разлаженные, нестройные аккорды.
— Ты что, считаешь, что это мой долг, бегать за такими вот ужасными старушенциями?
— Я думаю, дочка, каждый сам решает, в чём заключается его долг, — мягко сказала она. — Пожалуй, в твоём возрасте я тоже больше думала бы о том, как мне противно находиться с такими женщинами, как Сьюзан Грин, и меньше обращала бы внимания на их страдания.
Наверное, человека брезгливее меня не найдёшь на всём белом свете. Дома у больных людей всегда невыносимо воняет камфарой, уксусом и горчичным пластырем, и я вся содрогаюсь, когда вижу их вечное уныние и слышу их стоны и причитания. Но ведь именно из-за подобной брезгливости Ча... — нет, не стану больше упоминать его имени — пренебрёг мною! Неужели этот тяжкий урок ничему меня не научил?

26 января

Написав предыдущие строки, я тут же накинула на себя пальто, нахлобучила шляпу и на крыльях праведного гнева понеслась к Сьюзан. Негодование толкало меня вперёд с такой силой, что я даже слегка запыхалась. Я застала Сьюзан лежащей в своей царской постели, разодетой в нарядный чепец и ночную рубашку с рюшами. Оказалось, карабкаясь на свой унылый чердак, где она всегда спала, бедняга упала с приставной лестницы и всю ночь пролежала на полу, не в силах сдвинуться и ужасно страдая от боли, потому что, по всей видимости, она серьёзно повредила что-то внутри. Когда я пришла, она страшно стонала и горько жаловалась.
— Вам так больно? — спросила я как можно приветливее.
— Да боль-то бы ничего, — проговорила она, — боль-то бы ничего! Но ведь теперь кроватке моей конец, и рюши все сомнутся, а ведь я их собственными ручками крахмалила. А ещё доктору надо заплатить, да лекарства,.. О-хо-хо, мочи моей нет... как же я теперь, а?..
Тут как раз вошёл доктор. Осмотрев Сьюзан, он повернулся к женщине, которая, по-видимому, за ней ухаживала.
— Вы сиделка?
— Да нет, соседка. Я просто забежала на минутку посмотреть, может, чем помочь.
— Кто же тогда останется с ней на ночь?
Мы не знали.
— Я пришлю свою сиделку. — решил доктор. — Но нужно, чтобы с ней был кто-нибудь ещё, — добавил он, смотря на меня.
— Хорошо, я останусь, — сказала я. Но внутри у меня всё опустилось.
Доктор отвёл меня в сторонку.
— Повреждения очень серьёзные, — прошептал он. — Если у неё есть близкие, их нужно немедленно вызвать.
— Вы что, хотите сказать, что она умрёт?
— Боюсь, что да. Но, наверное, не сразу.
Он ушёл, а я вернулась к постели больной. Теперь я видела в ней не противную чванливую старуху, а человеческую душу, которая вот-вот должна начать таинственное путешествие в далёкую страну, откуда не возвращаются. Как бы я хотела, чтобы мама была здесь со мной!
— Сьюзан, — отважилась я. — А у Вас есть родственники?
— Нет, — отрезала она. — А если бы и были, нечего им шастать вокруг меня. И вообще мне никого не нужно.
— Может, позвать к Вам доктора Кэбота?
— А этот-то мне зачем? Что ты мелешь всякую ерунду?
Прежней уважительной манеры, с которой она ко мне обращалась, не было и в помине.
Я села и попыталась помолиться за неё про себя, в сердце. Кто же поддержит её в этом долгом, последнем путешествии и чем оно закончится?
К тому времени соседка ушла, и на улице стемнело. Я сидела тихо и слушала своё собственное сердце, которое колотилось так, что у меня перехватывало дыхание.
— Чего это вы там шептались с доктором? — внезапно поинтересовалась Сьюзан.
— Он спрашивал, есть ли у Вас близкие или друзья, чтобы за ними можно было послать.
— Я сама себе лучше всех подруга, — сказала она. — Неужто кто стал бы мести да грести, собирать да складывать, да денежки считать ради Сьюзан Грин, кабы она сама об этом не позаботилась? Теперь-то мне и на прожитьё хватит, и на похороны останется.
— Но ведь деньги не унесёшь с собой в могилу, — робко вставила я. В высшей степени оригинальное высказывание.
— Да кабы можно было, я бы унесла! — воскликнула она. — Что, ужасные вещи я говорю, да? Говорят, ты в матушку пошла, такая же блаженная. В святые-то кто народится, а кто не сгодится. Поди-ка зажги свечку. Тоскливо в темноте, да и холодно.
Я была рада хоть как-то оживить мрачную комнату ярким огоньком. Но теперь мне стало видно печальную перемену, сошедшую на это тощее, жёлтое, резко очерченное лицо. Она устремила на меня свои маленькие чёрные глазки и тут, по-видимому, заметила выражение моего лица — и отшатнулась.
— Послушай-ка, девушка, мне ведь нечего бояться, да?
— Доктор говорит, у Вас очень серьёзные повреждения.
Должно быть, мой тон выразил больше, чем слова, потому что она схватила меня за руку и до боли её сжала.
— Он ведь не сказал, что я... что это опасно? Ведь со мной ничего страшного нет, да?
Я готова была упасть в обморок.
— Ах, Сьюзан! — выдохнула я. — У вас совсем не осталось времени! Вы скоро... Вы скоро уйдёте от нас...
— Уйду? — выкрикнула она. — Куда я уйду? Ты что же, хочешь сказать, что я умираю? Но как же, я ведь всё рассчитала по-другому! Я ведь хотела ещё жить да жить, подкопить денежек побольше, а время придёт, — надеть свою лучшую рубашку с рюшами и новый чепец, голову на мягкую подушку, покрывало подоткнуть, прямо как ангел небесный, и так и помереть, чинно-благородно, как полагается. А что получается? Кровать неприбранная, рюши смялись, вся комната вверх дном, вместо красоты кругом какие-то склянки с лекарствами, и рядом никого, кроме тебя, простой девчонки, — и всё?
Все эти слова вырывались из неё, как будто приступами, с перерывами.
— Не говорите так! — почти что закричала я. — Молитесь, молитесь Господу, чтобы он помиловал Вас!
Она посмотрела на меня в смятении, но так, как будто истинность моих слов всё-таки дошла до неё.
— Молись ты! — горячечно проговорила она. — Я не умею. Голова кругом. Ох, время моё пришло, время моё пришло! А я не готова! Не готова! Вставай же скорей на колени и молись изо всех сил!
Так я и сделала; она же жёсткими пальцами цепко держала меня за руку. И вдруг я почувствовала, что её хватка ослабла... Когда я пришла в себя, то обнаружила, что лежу на полу, а кто-то брызгает водой мне в лицо.
Это была сиделка. Она, наконец, пришла и увидела меня лежащей возле постели, прямо там, где я упала, и всё это время пыталась привести меня в чувство. Я быстро села и оглянулась. Сиделка опытным жестом закрыла Сьюзан глаза и начала прибирать её тело. В комнате царил мрачный беспорядок. Одежда, которая была на Сьюзан в момент падения, никому не нужной кучей валялась на стуле. Её чулки и башмаки были разбросаны как попало; комод из красного дерева, которым она так гордилась, был заставлен склянками, а все стоявшие на нём вазочки и другие миленькие штучки были поспешно отодвинуты в сторону. Я с содроганием вспомнила, как говорила недавно с миссис Кэбот о том, что хочу иметь вокруг себя множество красивых вещиц. Какой зловещей насмешкой они казались мне теперь в жутком присутствии смерти!
Когда я вернулась домой, мама встретила меня с распростёртыми объятиями. Она просто ахнула при вести обо всём происшедшем и о том, что мне пришлось пережить это в одиночку. От её слов я, наверное, почувствовала бы себя настоящей героиней, если бы не терзалась горькими угрызениями совести из-за того, что не смогла с твёрдостью и достоинством направить последние помышления Сьюзан к её Спасителю. Мерзкая трусиха! Как я могла упустить эти драгоценные моменты!

27 января

Благодаря вчерашнему происшествию я узнала одну весьма ценную истину. Вот она: на расстоянии долг выглядит гораздо более пугающим и неприглядным, нежели в тот момент, когда просто идёшь и исполняешь его. Конечно, я и раньше слышала эти строчки:

И ничего прекрасней нет
Улыбки на лице Твоём.

Но я, наверное, из числа упрямцев-тугодумов, которые не поймут истину, пока не испытают её на собственной шкуре. Но теперь-то я сама увидела эту улыбку, и она кажется мне настолько «прекрасной», что я с радостью перенесу множество трудностей и испытаний только ради того, чтобы увидеть её снова.
Бедная Сьюзан! Может быть, Бог всё-таки услышал мою горячую молитву за её душу и открыл ей Себя, пусть даже в самый последний момент?

2 марта

Как странно! Сьюзан Грин оставила завещание, где попросила отдать все её драгоценные сбережения тому, кто произнесёт последнюю в её жизни молитву! Я ничего не хочу — и никогда не смогу даже прикоснуться ни к одной монетке из этих денег, заработанных таким тяжким трудом. Да если бы и могла, ничто на свете не заставит меня признаться в том, что последнюю молитву в жизни Сьюзан произнесла я, неопытная, дрожащая от страха девчонка и что только одно отчаяние заставило меня молиться! Поэтому деньги перешли к доктору Кэботу, и он с радостью раздаст их беднякам, постоянно осаждающим его с просьбами о помощи. По его словам, последний раз, когда он заходил к Сьюзан поговорить и помолиться за неё, она была тронута и польщена, обещала чаще приходить в церковь и даже сдержала своё обещание.

28 марта

У меня всё валится из рук. Мама говорит, это из-за напряжения, которое я перенесла у смертного одра Сьюзан Грин. Она хочет отправить меня к тётушки Марии, которая всё время зовёт меня в гости. Но мне не хочется покидать своих птенчиков из воскресной школы, — а ещё я не хочу утруждать маму и заставлять её во многом себе отказывать, чтобы оплатить такую долгую дорогу. Кроме того, для поездки пришлось бы сшить несколько новых платьев, купить шляпку и уйму всего другого.
Сегодня доктор Кэбот прислал мне кое-какие наставления, о которых я просила его уже довольно долго. Если я буду всё время перечитывать его письмо, оно быстро истреплется, и поэтому я решила переписать его сюда. Отвечая на мою жалобу, что я до сих пор «вижу проходящих людей, как деревья», он написал:

«И тем не менее, Сын Человеческий открыл глаза тому, кто первым произнёс эту жалобу, — и твои глаза тоже открыты. Однако Он никогда не оставляет работу незаконченной и постепенно даст тебе ясное и чёткое зрение, если ты позволишь Ему это сделать. Я говорю «постепенно», ибо считаю, что именно так Он поступает чаще всего, хотя и не отрицаю тех случаев, когда свет открывается человеку сразу, вдруг обрушиваясь на него, как поток. Но вернёмся к нашему слепому. Когда Иисус увидел, что полного исцеления не произошло, он снова возложил руки на его глаза, попросил его взглянуть вверх, и тогда слепой прозрел и начал видеть всё как следует. То же самое должно быть сделано и для тебя, а чтобы это произошло, тебе надо пойти к Самому Христу, а не к одному из Его служителей. Пожалуйся Ему, расскажи, каким смутным кажется тебе всё вокруг, и попроси Его полностью исцелить тебя. Возможно, Он решит испытать твою веру и терпение и отложит полное исцеление на потом; но всё равно тебе нечего бояться в Его присутствии, и, ведя тебя за руку, Он всякий раз простит твою ошибку и пожалеет тебя, когда ты упадёшь. Может быть, ты всё равно полагаешь, что лучше бы Ему уже сейчас, раз и навсегда дать тебе ясное и чёткое зрение. Если это действительно лучше для тебя, не сомневайся: именно так Он и поступит. Он никогда не ошибается. Но часто Он поступает со Своими учениками совсем иначе. Он позволяет им ощупью пробираться во тьме до тех пор, пока они полностью не осознают своей слепоты и беспомощности и не поймут, что абсолютно во всём зависят от Него.
Я не берусь предсказать, как именно Он поступит с тобой. Но можешь быть уверена, что Он никогда не действует как придётся, по минутной прихоти. У Него на всё есть веские причины. Возможно, тебе непонятно, почему какое-то время Он ведёт тебя так, а в другое время — иначе, но можешь смело верить — нет, ты должна верить! — что каждое Его деяние дышит безупречным совершенством.
Мне кажется, тебя подстерегает ошибка, которую совершают многие молодые христиане. Они признают, что в глубине души враждуют с Богом и что одним из первых шагов к покою должно быть примирение с Господом и прощение грехов ради Христа. Как только такое примирение происходит, они успокаиваются с чувством, что главное дело в жизни уже свершилось и спасение гарантировано. А если уверенности в спасении нет, они целиком погружаются в себя, изо всех сил пытаясь понять, появится она когда-нибудь или нет, и всю свою жизнь постоянно спрашивают:
Люблю ли я тебя, мой Бог?
Твоя я или нет?
Если и ты постоянно спрашиваешь себя об этом, девочка моя, то я очень прошу тебя как можно быстрее оставить это бессмысленное, бесполезное занятие. Жизнь слишком драгоценна, чтобы проводить её в таком бесцельном, механическом, однообразном труде. Если ты прощена своим Богом и Спасителем, следующий шаг с твоей стороны — это принести свою благодарность за Его невероятную милость, полностью посвятив Ему всю себя, телом, духом и душою. Это самое малое из того, что ты можешь сделать. Он приобрёл тебя великою ценой, и ты больше не принадлежишь себе. «Но, — скажешь ты, — это ведь полностью противоречит моей натуре. Мне нравится поступать по-своему. Мне хочется лёгкой и приятной жизни; конечно, было бы хорошо попасть на Небеса, но я хочу, чтобы это совершилось как-то само собой, после беззаботного, безмятежного земного существования. Нельзя ли как-нибудь отдать себя Богу так, чтобы ощущать приятное чувство покоя и мира с Ним и быть полностью уверенной в своём спасении, но всё-таки, в какой-то степени, продолжать баловать и ублажать саму себя? Допустим, я полностью посвящу себя Ему и потеряю на себя все права. Но ведь Он может отказать мне в исполнении моих самых заветных желаний! А вдруг Он сделает мою жизнь тяжкой и мучительной, отняв у меня всё, что сейчас приносит мне радость?» Но, отвечу тебе я, этот вопрос вообще не подлежит обсуждению; детям Божьим просто не дано такой возможности — уплатить Богу всего лишь часть цены, а остальное оставить себе. Он просит и имеет полное право просить отдать Ему всё, что у тебя есть, и всю себя. И если душа твоя в ужасе отшатывается от полного подчинения Богу, тебе нужно немедленно бежать к Нему и не успокаиваться до тех пор, пока Он не сломит это тайное сопротивление и нежелание отдавать Ему себя так же свободно и целиком, как Он отдал тебе Себя. Действительно, после такого решения — посвятить себя Ему — в будущем тебе, скорее всего, придётся нередко чувствовать, как Он исправляет и даже наказывает тебя. Как только ты станешь сознательно и добровольно принадлежать Богу, Он начнёт в тебе процесс освящения для того, чтобы сделать тебя такой же святой, как свят Он Сам, такой же совершенной, как совершен Он. Он становится одновременно и Врачом, и самым близким, самым лучшим Другом, и никогда не пропишет горького лекарства, если можно обойтись и без него. Помни, это Он хочет освятить тебя, и труд освящения принадлежит Ему, а не тебе. Однако это вовсе не означает, что ты должна сидеть сложа руки и просто ждать, когда с Небес сойдёт благословенная и блаженная святость. Тебе надо следить за тем, чтобы не чинить Богу препятствий в Его работе, а также упражнять свою веру в Него. Однажды Он возжелал спасти тебя от греха и смерти — и смог это сделать. Поверь же, что Он так же способен и так же горячо желает привести тебя к святости.
Может быть, сейчас ты думаешь: как же мне узнать, посвятила я себя Богу по-настоящему или нет? Отвечу тебе так: наблюдай за каждым проявлением Его воли по отношению к себе, пусть даже самым тривиальным и незначительным, и следи за тем, чтобы немедленно исполнять то, чего Он хочет, и радостно соглашаться с Его волей. Пусть этот принцип станет для тебя законом: Бог никогда не делает ничего по прихоти или пустому произволу. Например, если Он решает забрать у тебя здоровье, то у Него на это непременно есть веская причина, — то же самое можно сказать обо всём, чем ты так дорожишь, и если ты по-настоящему веришь в Него, то не станешь настаивать на том, чтобы узнать эту причину. Если в повседневной жизни твоё посвящение себя Богу вдруг оказывается несовершенным — то есть, если ты видишь, что твоя воля с отвращением отшатывается от Его воли, — не

отчаивайся, но беги скорей к Спасителю и оставайся в Его присутствии до тех пор, пока не обретёшь тот дух, который явил Иисус в час Своего страдания: «Отче! о, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! впрочем не Моя воля, но Твоя да будет». С каждым разом сделать это будет всё легче и легче. Каждый раз, добровольно соглашаясь страдать, ты подходишь к Нему всё ближе и ближе. И в этой близости ты найдёшь такой покой, такой блаженный и благоуханный покой, который сделает твою жизнь бесконечно счастливой, какими бы ни были обстоятельства извне. Только представь себе, дорогая моя Кэти, какая это честь, какая радость, когда воля твоя становится единой с волей Божьей и ты преображаешься в образ Христов от славы в славу!
Но в письме не скажешь и десятой доли того, что хотелось бы сказать. Слушай мои еженедельные проповеди и черпай из них как можно больше, помня, что я проповедую для тебя.
Ещё один совет: когда читаешь Библию, лучше читай не целую главу, а один отдельный отрывок на день, — пусть даже это всего один стих. Внимательно смотри на каждое слово, размышляй над ним и молись до тех пор, пока не извлечёшь из него всю истину, которая в нём содержится.
Что касается других духовных книг, то лучше остановиться на нескольких любимых авторах и перечитывать их книги ещё и ещё раз до тех пор, пока ты как следует не усвоишь их мысли и не сделаешь их своими.
Нередко говорят, что твёрдая, целеустремлённая воля — это великий помощник в святой жизни.
Ты можешь принять твёрдое решение выбирать себе в близкие друзья только таких людей, которые более всего отличаются святостью и посвящением Богу.
Ты можешь принять твёрдое решение читать такие книги, которые помогут тебе расти в христианской жизни, а не только книги для развлечения.
Ты можешь принять твёрдое решение использовать всю благодать, дарованную тебе Богом в церкви, в семье, в таинствах, в друзьях.
Ты можешь принять твёрдое решение придерживаться благочестивых принципов вместо того, чтобы руководствоваться лишь собственными настроениями, — иными словами, повиноваться Божьей воле и тогда, когда послушание не сопровождается приятной волной благонравных чувств.
Волевое решение не поможет тебе обрести дух Христа; его ты принимаешь как подарок. Однако ты можешь принять твёрдое решение изучать жизнь Господа и подражать Ему. Это непременно приведёт к самоотверженности и побудит тебя, например, посещать бедняков, ухаживать за больными, отдавать деньги и время неимущим — и так далее.
Если мысль о жертвенности внушает тебе отвращение, помни, что ученику довольно быть похожим на своего Господа. И ещё я хочу уверить тебя вот в чём: по мере того, как ты бредёшь по лабиринту жизни, стремясь совершать христианский долг, Господь будет то и дело удивлять и радовать тебя, вдруг появляясь среди многочисленных поворотов и путаных галерей и даря тебе Свою улыбку, от которой сердце согревается и воспаряет ввысь. Иными словами, ты непременно встретишь Его везде, куда бы ни пошла».

Я прочитала это письмо уже тысячу раз. Оно так завладело мною, что я не могу думать ни о чём другом. Раньше мне и в голову не приходила мысль о том, чтобы искать святости. Да и сейчас, произнося это священное слово, я кажусь себе ужасно самонадеянной. Я не решаюсь посвятить себя такому поиску, потому что боюсь через какое-то время снова сбиться с пути и вернуться в прежнее состояние. И во мне живёт какой-то неопределённый, неблагочестивый страх стать не такой, как все; и я с ужасом думаю о том, что придётся отречься от себя и полностью утратить свободу. Однако выбора у меня, по-видимому, нет. Теперь, когда мне чётко указали на мой долг, всё изменилось, и мне нет больше оправдания. Кроме того, я чувствую, что помимо лени и любви к беззаботным удовольствиям во мне просыпаются устремления к высшей и лучшей жизни. Я могу сделать одно: помолиться, чтобы Иисус сделал для меня то же самое, что сделал когда-то для слепого, — чтобы Он ещё раз возложил руки мне на глаза и дал мне чёткое, ясное зрение. Так я и поступлю.

20 марта

Я помолилась этой молитвой, и Он услышал меня. Я вижу, что не имею права жить для себя и просто должна жить ради Него. Я отдала себя Ему, как никогда раньше, — и как будто вошла в совершенно новый мир. Я была безмерно счастлива, когда впервые поверила, что Он любит меня и искупил меня. Это новое счастье глубже. До сих пор я просто была рада, что в конце концов окажусь на Небесах, и не желала ничего большего, а теперь радуюсь чему-то гораздо более высокому и удивительному.

31 марта

Чем больше я читаю Библию и молюсь, тем острее ощущаю собственное невежество. И чем ревностнее я стремлюсь к святости, тем яснее вижу свою греховность. Но я посвятила себя Господу и должна исполнить обет, чего бы мне это ни стоило.
Я начала читать книгу Тейлора «Святая жизнь и святая смерть». Месяц назад она показалась бы мне занудной и сухой. Но сейчас я читаю её с радостным нетерпением, как будто хочу скорее отыскать спрятанное сокровище. Мама увидела, чем я занимаюсь, и посоветовала не читать всю книгу в один присест, но перемежать её с отрывками из других книг. Она посоветовала мне взять для начала «Вечный покой святых» Бакстера, и я уже прочитала её от корки до корки. Я собираюсь перечитывать её ещё и ещё раз, как советует доктор Кэбот, до тех пор, пока полностью не вживусь в её дух. Но даже после этого первого чтения страх перед смертью куда-то пропал, и Небеса стали удивительно привлекательными и манящими. Никогда не стану больше читать мирские книжки, а музыку и рисование я бросила навсегда.

Глава VII

1 апреля

Вчера вечером мама попросила меня спеть ей что-нибудь и поиграть. Я смутилась и не знала, как отвертеться, не выдавая настоящей причины отказа. Но каким-то образом она её из меня всё-таки вытянула.
— Чтобы быть духовным человеком, совсем не обязательно становиться фанатиком, — сказала она.
— Разве это фанатизм, отказаться от всего ради Бога?
— А что значит «отказаться от всего»?
— Ну, это значит отказать себе во всех удовольствиях и развлечениях, чтобы умертвить в себе все естественные склонности и жить только ради Него.
— Тогда получается, что Бог — жестокий и суровый Хозяин, не дающий Своим детям никакой свободы, — ответила она. — Давай посмотрим, куда приведёт тебя эта теория. Во-первых, тебе придётся закрыть глаза, чтобы не видеть всей сотворённой Им красоты. Ты должна будешь захлопнуть своё сердце для всякой радости человеческой любви и привязанности. Правда, у тебя есть тело, и оно может взбунтоваться против таких жёстких рамок...
— Но ведь нам велено усмирять и порабощать своё тело, — вскричала я. — Ой, мам, не мешай мне, пожалуйста! Ты же знаешь, что музыка для меня настоящая страсть, а значит, ловушка, искушение. И как мне проводить всё время за чтением Библии и молитвой, если я снова начну рисовать? Может быть, у кого-то другого и получается служить одновременно Богу и маммоне, но у

меня нет. Я должна принадлежать целиком либо миру, либо Христу.
Мама замолчала, и я снова начала читать. Но почему-то книжка утратила для меня весь свой вкус. Кроме того, пора было идти к себе, чтобы почитать Библию и помолиться, — теперь я никогда не откладываю это на последние минуты перед сном, как раньше. Когда я снова спустилась в гостиную, мама лежала на диване, и я сразу поняла, что ей нездоровится. Как мне стало нехорошо из-за того, что я отказалась ей спеть. А ведь сколько денег она вложила в эту часть моего образования! Я подошла, поцеловала её, и тут всю меня пронзил жуткий страх. А вдруг она сильно заболеет и умрёт?
— Ничего страшного, котёнок, — сказала мама. — Со мной ничего страшного. Просто я устала, и мне стало немного нехорошо.
Я с беспокойством вглядывалась в её лицо, и сама мысль о том, что она может умереть и оставить меня совсем одну, была настолько ужасна, что я еле сдержалась от того, чтобы не вскрикнуть. И тут в мозгу у меня как будто сверкнула молния, и я вдруг увидела, что если Бог заберёт у меня маму, я не смогу, ни за что не смогу сказать: «Да будет воля Твоя».
Но ей полегчало, как только она выпила лавандовых капель, и весь румянец, который пусть изредка, но всё же появляется на её милом, родном лице, снова прилил к её щекам.

12 апреля

Письмо доктора Кэбота потеряло надо мной всю свою власть. Я стала бесчувственнее самого бесчувственного камня. Я не люблю молиться. Меня тошнит от этого тоскливого и трудного стремления к святости; все хорошие книги стали одинаково плоскими и бессмысленными. Но мне же непременно нужно что-то такое, что поглощало и отвлекало бы меня, так что я с новым рвением вернулась к музыке и рисованию. Мама была права, когда предупреждала меня и не хотела, чтобы я полностью от них отказывалась. Мария Келли учит меня писать маслом и говорит, что у меня к этому врождённый талант.

13 апреля

Вчера мама хотела пойти со мной в церковь, но я сказала, что не хочу никуда идти. Она удивилась и встревожилась.
— Тебе что, нездоровится, Кэти?
— Не знаю. Нет, по-моему, я здорова. Но в церкви мне и пяти минут не усидеть. Я вся такая нервная, — того и гляди сорвусь с места и умчусь куда-нибудь за тридевять земель.
— Ах, вот в чём дело, — сказала она. — Ты забыла о своём теле! Я и раньше тебе об этом говорила. Ты пытаешься жить так, как будто состоишь только из души и духа, напрягаешь всю себя, до кончиков нервов, чтобы достичь совершенства. А ведь совершенство — Божий дар, и Господь Сам готов отдать его тебе!
— Не хочу я больше ни к чему стремиться, ни к святости, ни к чему другому, — безнадёжно проговорила я. — А что ещё делать? Вот я и занимаюсь музыкой и всем остальным.
— Вот как раз в этом и есть причина всех твоих несчастий, — ответила мама. — Ты говоришь, что отвернулась от Бога. А на самом деле просто бросаешься из одной крайности в другую. Мы, люди, устроены таким образом, что единственный верный способ жить здесь на земле — это подчинить все наши занятия одной великой цели, единому смыслу нашего существования: делать всё так, чтобы прославлять этим Бога и радоваться Ему всю вечность. Но для этого мы должны быть мудрыми и не требовать от себя больше того, на что мы способны. Нам необходимо отдыхать. Иначе струны души натянутся до неестественной степени напряжения и в конце концов лопнут.
— Ах, как бы было здорово, — воскликнула я, — если бы Бог просто выдал нам ясные и понятные правила, чтобы невозможно было ошибиться!
— Мне кажется, Его правила и так понятны, — ответила мама. — И Он просто должен оставить нам какую-то свободу действий, ведь иначе мы станем просто машинами. Я думаю, что тот, кто любит Его и день за днём пребывает в Его присутствии, постепенно и почти незаметно учится распознавать Его волю и тогда вряд ли сойдёт с верного пути.
— Но мам, в моих руках и музыка, и рисование — это опасные игрушки! Я просто не умею быть умеренной ни в том, ни в другом. И чем больше я получаю от них удовольствия, тем меньше мне нравится бывать с Богом.
— Да, такова человеческая природа. Но её постепенно вытеснит природа Божья, если мы позволим Богу трудиться внутри нас, как Ему заблагорассудится.

16 апреля, Нью-Йорк

В конце концов мама победила, и я оказалась здесь, у тётушки. После простенького, тихого домика в нашем спокойном маленьком городишке Нью-Йорк кажется совершенно иным, новым миром. Дом у тётушки большой, но до невозможности набит людьми. У неё самой шестеро детей, да она ещё и усыновила двоих. Она говорит, что всегда хотела быть похожей на старуху из старинного детского стишка, которая с кучей ребятни жила в рваном башмаке. Тётушка напоминает мне маму, и в то же время она совсем другая. Веселье и жизнерадостность бьют из неё ключом; она как на крыльях носится по дому, и у неё для каждого находится приветливое, доброе словечко. Домашние дела у неё идут как по маслу; детки всегда аккуратно и чистенько одеты; ни у кого не бывает плохого настроения, и никто никогда не болеет. Тётушка в доме — центральная фигура, вокруг которой вращается всё остальное. О ней невозможно забыть ни на секунду, потому что она всё время что-нибудь для тебя делает, а её неослабевающее дружелюбие и приподнятое настроение делают нас всех дружелюбными и бодрыми. Понятно, почему дядя Альфред так её любит! Надеюсь, у меня будет именно такой дом. То есть, именно такой дом мне хотелось бы иметь, если я выйду замуж, чего я, по правде говоря, делать не собираюсь. Мне хотелось бы быть такой же приветливой и любящей женой, как тётушка; и чтобы мой муж так же полагался на меня, как полагается на неё дядя; и чтобы у меня было столько же детей и чтобы я воспитывала их так же мудро и по-доброму, как она. Вот тогда я чувствовала бы, что родилась не напрасно и что на земле мне дано поистине священное призвание. Но пока мне придётся приносить пользу там, где могу, а остальное оставить другим.

18 апреля

Тётушка говорит, что я слишком много читаю, пишу и думаю, и хочет, чтобы я больше бывала на улице. Я ей объясняю, что не чувствую себя в силах выходить чаще, но она отмахивается, утверждает, что всё это чепуха, и вытаскивает меня гулять и в гости. В результате я приползаю домой уставшая и голодная и по ночам сплю, как грудной ребёнок. Теперь я понимаю, как добра и мудра была мама, когда заставила меня уехать. Дома я всё время кидалась из стороны в сторону и почти что довела себя до болезни. Сейчас тётушка вытаскивает меня на улицу, не даёт мне болеть, и письмо доктора Кэбота теперь может произвести в моей душе верное действие вместо прежнего мрачного самокопания. Я очень счастлива. У нас с тётушкой бывают чудесные долгие разговоры, и она меня наставляет то в одном, то в другом. И как же это замечательно — наблюдать за её семейной жизнью и видеть, как она бессознательно и мило наполняет верой каждую повседневную мелочь. Я не сомневаюсь, что одно только пребывание в её доме принесло мне кучу пользы. Правда, если я и становлюсь лучше, то как же всё-таки медленно, страшно медленно это происходит! Кто-то сказал, что «наш путь к Небесам похож на то, как планировали свои путешествия ревностные пилигримы древности: после каждых трёх шагов вперёд они отступали на шаг назад».

30 апреля

Младший тётушкин сынишка, тёзка моего дорогого папочки и самый развесёлый карапуз на свете, вчера вечером вдруг сильно заболел. Тётушка немедленно послала за доктором, который сначала не мог точно сказать, что случилось, но сегодня утром объявил, что это скарлатина. Сегодня заболели трое младших. Если бы это были мои дети, я бы места себе не находила из-за беспокойства. Да я и так мечусь, как сумасшедшая. Но тётушка всё такая же приветливая и бодрая, как всегда. Она летает от одного больного к другому и поднимает им настроение своим задорным видом. Я с прискорбием отмечаю, что даже в такой момент думаю только о себе и мне не нравится всё время сидеть дома, ухаживая за больными ребятишками, вместо того, чтобы гулять, кататься и ходить в гости. Но, как говорит доктор Кэбот, я могу принять твёрдое решение подражать своему Господу, Который всю Свою жизнь делал другим добро. Надеюсь, что я хоть как-то помогаю тётушке особенно после того, с какой добротой она ко мне относилась.

1 мая

Врач говорит, что детишки выздоравливают и всё идёт хорошо. Сегодня он приходил совсем ненадолго, потому что воскресенье. Мне кажется, что раньше я его где-то видела и у меня с ним связаны какие-то неприятные ассоциации. Интересно, почему тётушка пригласила к себе врачом такого огромного и неуклюжего мужчину? Правда, она говорит, что он прекрасный и очень искусный доктор. Ну почему я всегда сужу о людях так опрометчиво и поверхностно и вечно кидаюсь в крайности! Ужасно хочу, чтобы вера полностью изменила меня.

2 мая

А, теперь я вспомнила! Это тот самый грубиян из воскресной школы, который потом прочитал такую чудесную проповедь для детей. Ну, на публику он, положим, говорить умеет, но в обычной обстановке от него и слова не добьёшься. Ни разу ещё не видела такого замкнутого, закрытого человека!

4 мая

Я так занята, что и продохнуть некогда. Дети так меня полюбили, что на руках у меня вечно кто-нибудь сидит. Я пою им песенки, рассказываю сказки, строю с ними домики из кубиков и тем самым пытаюсь освободить тётушке как можно больше времени. Даже скучного и колючего доктора я не боюсь, потому что он никогда не обращает внимания на то, что я делаю и говорю, и пока они с тётушкой серьёзно шепчутся в одном углу, я сижу в другом конце комнаты и могу петь своим птенчикам песенки или болтать с ними о всякой чепухе. Какие жутко чёрные у него глаза! И какая огромная копна чёрных волос!
Такая хлопотливая жизнь очень мне нравится, и я к ней уже привыкла. И любая работа становится слаще, когда я думаю, что пытаюсь всё это делать в смиренном подражании Иисусу — пусть далеко не совершенном, но всё-таки настоящем. И я вправду очень, очень счастлива.

14 мая

Прошло две недели с тех пор, как заболел маленький Реймонд, и всё это время я практически жила в детской, хотя тётушка и пыталась выгнать меня погулять или покататься. Сегодня заболела малышка Эмма, хотя мы всё время держали её на третьем этаже. Мне и самой что-то нехорошо. Но этот холодный, чёрствый тётушкин доктор так занят детьми, что меня и вовсе не замечает. Меня весь день колотит дрожь, но безжалостные малыши жадно, как всегда, требуют новых сказок. Что ж, буду хоть их радовать, если смогу! Я всё больше начинаю ненавидеть себялюбие и просто поражаюсь, когда вижу, какой была эгоисткой.

15 мая

Всю ночь у меня была температура, болела голова, страшно болело горло и сейчас тоже болит. Если бы я знала, что умру, то сначала сожгла бы этот дневник. Чтобы кто-то его увидел — ни за что!

24 мая

Неделю назад в воскресенье доктор Эллиот спросил меня, хорошо ли я себя чувствую. Вместо ответа я повела себя донельзя глупо и разревелась. Тётушка не на шутку встревожилась и стала ругать себя за то, что позволила мне оставаться с детьми. Потом она подхватила меня за правый локоть, доктор — за левый, и мы без разговоров прошагали ко мне в комнату. Там меня быстренько осмотрели и отправили в постель. Я немедленно заснула и проспала целый день. Доктор появился вечером, немножко посидел со мной в своей обычной неловкой манере, выдал мне порошок и пообещал, что скоро мне будет лучше.
На следующий день он дважды ко мне заглядывал, так же коротко. К тому времени я уже начала потихоньку оправляться и, несмотря на всю его серьёзность и деревянность, не смогла удержаться от того, чтобы пошутить и посмеяться, что, вероятно, его шокировало. Он говорит, что люди, ухаживающие за больными скарлатиной, часто заболевают вот так ненадолго, как я; оказывается, даже вся прислуга тоже какое-то время жаловалась ему на распухшее горло и головную боль.

25 мая

Сегодня утром, когда доктор прошаркал своими огромными башмаками в мою комнату, до меня вдруг дошло, как нелепо я, должно быть, выглядела в тот день, когда заболела и когда меня, как рыдающего младенца, под руки отвели в постель. Я захихикала, и никакие доводы, которые я пыталась привести сама себе, не могли меня остановить. Я щипала себя, пыталась себе представить, как мне будет плохо, если один из малышей умрёт, испробовала несколько других подобных способов успокоиться. Наконец, наш доктор — само олицетворение серьёзности! — тоже начал смеяться, хотя вообще не знал, о чём это я. Потом он сказал:
— Ну, раз пошло такое веселье, наверное, я должен признать, что Вы абсолютно здоровы.
— Ой, нет! — воскликнула я. — Я ещё совсем больна!
— Оно и видно, — вставила тётушка.
— Наверное, Вы больше не будете к нам приходить, доктор Эллиот, — продолжала я, — и я этому рада. После своего поведения в тот день, когда я заболела, мне стыдно смотреть Вам в глаза. Но в тот день мне и правда было очень, очень нехорошо.

Он ничего не ответил. Он, наверное, не способен вымолвить ни одного приятного словечка, чтобы хоть как-то расположить к себе людей!

1 июня

Все мы окончательно выздоровели, но доктор велел подержать некоторых из детей дома, чтобы не было осложнений после высокой температуры. Он навещает их два раза в день именно поэтому — или, по крайней мере, под этим предлогом, — но мне лично кажется, что он приходит, потому что уже привык к нам ходить, а ещё потому, что сильно уважает и ценит нашу тётушку. Она его тоже очень любит и постоянно спрашивает меня, нравится ли мне в нём такое-то и такое-то качество, — а я, признаться, ничего подобного не вижу. Мы снова начали выезжать. Погода совсем тёплая, и я чувствую себя отлично.

2 июня

После того как дети пообедали, я сама увела их в детскую, чтобы няня могла поесть, а тётушка пошла к себе немножко полежать, потому что страшно устала. Мы с детьми были в прекрасном настроении, и они захотели поиграть в игру собственного изобретения. Мне было велено лечь на пол, закрыть лицо платком и притвориться мёртвой. Потом они собирались вокруг меня, а я должна была внезапно ожить, вспрыгнуть и попытаться поймать кого-нибудь, а они все с визгом и топотом разбегались кто куда. Мы играли так уже довольно долго, волосы мои (которые я теперь всегда причёсываю гладко и аккуратно) до невозможности растрепались и торчали во все стороны, — как вдруг дверь распахнулась, и на пороге появился доктор. Услышав его шаги, я вздрогнула, тут же «ожила» и предстала перед ним красная, как рак, и, наверное, сердитая.
— Неужели нельзя было постучаться? — недовольно проговорила я.
— Простите, я стучал несколько раз, — извинился он. — Вижу, мне не нужно и спрашивать, как чувствуют себя мои маленькие пациенты.
— Не нужно, — ответила я, всё ещё взъерошенная, изо всех сил пытаясь хоть как-то пригладить волосы. — Все они совершенно здоровы.
— Сегодня я зашёл раньше, чем обычно, — продолжал он, — потому что мне нужно срочно уехать, чтобы помочь своему дяде, доктору Кэботу; он серьёзно болен.
— Доктор Кэбот?! — повторила я, и из глаз моих брызнули слёзы.
— Успокойтесь, — попросил доктор Эллиот. — Я надеюсь, что смогу ему помочь. В любом случае...
— В любом случае, если Вы позволите ему умереть, у меня просто сердце разорвётся от горя! — страстно закричала я. — Чего Вы ждёте? Поезжайте немедленно!
— Я не могу ехать немедленно, — ответил он. — Пароход отправляется только в четыре часа. Но позвольте мне как врачу кое о чём Вас предупредить. Я понимаю, что наше краткое знакомство вряд ли даёт мне право на подобные советы, но всё-таки, позвольте мне сказать вот что: если Вы не научитесь сдерживать свои...
— Ах, да я знаю, знаю, что я несдержанна и вспыльчива, что очень грубо с Вами разговаривала только что, —перебила я его, весьма озадаченная той серьёзностью, с которой он говорил.
— Я не имел в виду Вашу вспыльчивость, — сказал он. — Скорее, всю Вашу страстную натуру. То, как неистово Вы любите и ненавидите, как Вас швыряет то в экстаз, то в глубокое отчаяние, с какой страстью Вы погружаетесь во всё, что Вам интересно.
— Лучше уж оставаться несдержанной, — оскорблённо отрезала я, — чем вечно быть холодной, как камень, и молчать, как рыба.
У него вытянулось лицо. Было видно, что он разочарован и даже огорчён.
— Скорее всего, мне удастся увидеть Вашу матушку, — сказал он, поворачиваясь к двери. — Ваша тётушка просила к ней зайти. Передать ей что-нибудь?
— Нет, — ответила я.
Он снова поморщился, как от боли, и это вмиг отрезвило меня. Как же мне было стыдно! Как стыдно за свою грубость и недовольство! Я выбежала за ним в коридор, слёзы застилали мне глаза, я протянула к нему руки, и он сжал их обеими своими руками.
— Не уходите, пожалуйста, пока не простите меня за то, как я себя вела! — воскликнула я. — Знаете, доктор Эллиот, может, этого, конечно, и не видно, но я правда, правда всё время стараюсь быть лучше!
— Я верю Вам, — убеждённо произнёс он.
— Тогда скажите, что прощаете меня!
— Боюсь, что если я начну говорить, то не смогу устоять перед искушением и скажу кое-что ещё, — сказал он, пронизывая меня насквозь своими огромными сумрачными глазами. — Нет, всё-таки скажу, — продолжал он, сжимая мои руки всё крепче. — Прощать легко, когда любишь.
Я вырвала свои руки и снова заплакала.
— Доктор Эллиот, это же ужасно! — сквозь слёзы бормотала я. — Вы не любите меня, вы не можете любить меня! Вы же намного старше меня! Вы такой серьёзный и молчаливый! Скажите, Вы ведь пошутили, да?
— Совсем нет, напротив, — сказал он и тихо вышел.
Я вернулась в детскую. Дети накинулись на меня и снова потянули меня играть в «мертвеца». Я безвольно позволяла им пихать и тянуть себя в разные стороны. Жаль только, что я не могла умереть по-настоящему.

Глава VIII

28 июня

Мама пишет, что доктор Кэбот вне опасности. Доктор Эллиот сумел пролить свет на его болезнь и сам провёл какую-то там операцию, которая тут же принесла больному облегчение. Я еду домой. Ничто на свете не заставит меня ещё раз встретиться со взглядом этих чёрных глаз. Кроме того, погода становится всё теплее, и тётушка собирается переехать с детьми за город.

29 июня

Тётушка настояла, чтобы я объяснила такие внезапные и поспешные сборы домой, и понемногу вытянула из меня всю историю. Честно говоря, мне даже стало легче от того, что я кому-то об этом рассказала.
— Вот, значит, как! — промолвила она, откинулась на спинку кресла и погрузилась в задумчивое молчание.
— Это всё? Ты что, больше ничего не скажешь? — наконец осмелилась спросить я.
— Да нет, скажу ещё кое-что, — сказала она. — Не знаю, кто из вас двоих вёл себя глупее. Взять бы вас обоих за плечи и встряхнуть хорошенько!
— Мне кажется, доктор Эллиот действительно повёл себя глупо, — сказала я. — Всё это ужасно неприятно.
— Неприятно? — повторила она. — Не удивляюсь, что тебе неприятно. Ты обидела и оскорбила одного из самых благородных

людей на свете.
— Я-то здесь при чём? Я никогда не пыталась ему понравиться.
— Неужели? Да ты была совершенно неотразима всякий раз, когда он у нас появлялся! Любой нормальный мужчина не удержался бы и непременно пленился бы такими чарами.
Я знала, что это неправда, и несправедливость тётушки больно меня задела.
— Если бы я и хотела кого-нибудь «пленить» или «очаровать», — воскликнула я, — то уж, наверное, не выбрала бы пожилого мужчину, который мне в отцы годится! И уже конечно, не выбрала бы такого неинтересного, неловкого и неуклюжего, как доктор Эллиот! И вообще, откуда мне было знать, что он не женат? Если уж на то пошло, я всё время считала его взрослым мужчиной средних лет, который давным-давно женат.
— Ну, во-первых, он никакой не пожилой, и даже не средних лет. Ему всего двадцать семь или двадцать восемь. А что до того, что он неинтересен, — так это, может, только для тебя, ведь ты его совсем не знаешь. И если бы он был женат, то зачем бы ему было приходить и так часто навещать тебя?
— Я и не знала, что он приходит именно ко мне; он никогда со мной не разговаривал. И я всегда говорила, что ни за что не выйду замуж за врача.
— Мы все говорим много всего такого, в чём потом раскаиваемся, — ответила тётушка. — Должна признать, что доктор Эллиот проявил совершенно несвойственную ему недальновидность, если рассчитывал, что ты сразу же его полюбишь, дорогая моя романтичная дурочка! Конечно, ты так мало его знаешь и видела его только с больными, — как же тебе полюбить его? Ты вряд ли могла бы поступить иначе.
— Спасибо, тётушка, — сказала я, подбежав к ней и обняв её за шею, — благодарю тебя от всего сердца. А ещё возьми, пожалуйста, назад свои слова о том, что я специально пыталась его очаровать.
— Наверное, придётся, милый ты мой котёнок, — сказала она. — Я и так сказала это наполовину в шутку. На самом деле, я так сильно люблю вас обоих, что сама мысль о том, что вы совершенно не поняли друг друга, очень меня огорчает. Да вы просто созданы друг для друга! Он бы тебя немного успокоил и помогал бы тебе сдерживаться, а ты оживила бы его и не давала бы ему заснуть.
— А я не хочу, чтобы меня успокаивали и сдерживали, — запротестовала я. — Терпеть не могу ворчунов-критиканов, которые вечно держат своих жён на поводке! Я вообще не собираюсь выходить замуж, но если бы кто и склонил меня на эту глупость, то это должен быть человек, готовый взять меня «на счастье и несчастье, на радость и горе», такой, какая я есть, а не видеть во мне дикое растение, которое он будет подстригать до тех пор, пока оно не приобретёт нужную ему форму. А теперь, тётушка, пообещай мне, что никогда не будешь разговаривать со мной о докторе Эллиоте.
— Ничего подобного я обещать тебе не стану! — ответила она, смеясь. — Мне он нравится, я люблю о нём говорить, и чем сильнее ты будешь его презирать и ненавидеть, тем сильнее я буду его любить и уважать. Жаль, что моя Люси не подходит ему по возрасту и он не влюбился в неё, — но он никогда бы в неё не влюбился!
— Наоборот, наверное, ему как раз подойдёт такая примерная и образцовая жена, — воскликнула я.
— Не смейся над ней, — упрекнула меня тётушка, качая головой. — Несмотря ни на что, она всё-таки хорошая, добрая девочка.
«Несмотря ни на что» означает следующее (по моим собственным наблюдениям и по рассказам тётушки нарисовать портрет Люси мне совсем не трудно): она приходится дочкой одному человеку, который умер после продолжительной болезни, начавшейся по вине несчастной случайности. Люси появилась на свет в самый неподходящий момент, через два дня после этого несчастного случая. С самого начала она трезво оценила ситуацию и утвердилась во мнении, что младенцу, родившемуся в такой неудачный момент, пристало иметь характер, отличающийся безупречным достоинством и образцовым воспитанием. Она никогда не плакала, никогда не совала в рот опасных предметов, у неё никогда не было ни ушибов, ни царапин. Уложив её в постель, вы могли смело забыть о её существовании до завтрашнего утра, — да и назавтра она напоминала о себе только в тот момент, когда вам было удобно ею заняться. Если о ней забывали (что, принимая во внимание обстоятельства, случалось нередко), она невозмутимо продолжала расти самостоятельно. Возможно, время от времени ей хотелось есть, но точно известно лишь то, что у неё когда-то резались зубы и она перенесла корь и бронхит. Но эти лёгкие всплески на волнах её младенчества ещё яснее показывали, каким спокойным и гладким было маленькое море её жизни. Зубы у неё выросли именно в том порядке, какой предписывается в знаменитой книжке доктора Дьюиса, а корь началась в точно назначенный срок, как и полагается благовоспитанной кори. Даже во время бронхита её кашель отличался примерным поведением и пунктуальностью и в положенное время с достоинством удалился. Даже перестав быть грудным младенцем, Люси, тем не менее, неотлучно находилась при матери и оставалась для неё предметом утешения и гордости: прекрасная скульптура из белого мрамора, являющая человечеству единственный пример безупречного родительского воспитания. Каким-то чудом её гладкие, пухленькие ручки всегда были чистыми, платьице — выглаженным и накрахмаленным, а волосы послушно сияли и не выбивались из косичек. Когда-то она была образцовым младенцем, теперь стала образцовой девочкой. Она никогда не хлопала дверью, не бросала мусор на ковёр, не шумела, сбегая по лестнице, не отрывала куклам головы, не пачкала и не рвала книги. Её куклы подвергались такому же методичному воспитанию, как она сама. Строго по расписанию они просыпались, одевались, выходили на свежий воздух, укладывались спать. В солидном возрасте восьми лет Люси прекратила тратить время на подобные пустяки и начала курс полезного чтения. Все уроки она воспринимала с видом немой покорности, как лекарство: столько-то чайных ложек, столько-то раз в день. Уроки перемежались приятными развлечениями в виде шитья и вышивания, и из-под её иглы, как и из-под иглы Серны, вышло множество одежд для бедняков. Исторгни для неё свой глаз, — даже, если хочешь, отсеки ради неё свою правую руку, — но не жди в ответ взрыва радостной благодарности, которая бросается тебе на шею, сминая при этом воротничок. Она скорее умрёт медленной смертью, чем кинется тебе навстречу с поцелуями и объятиями. Если у Люси и есть какие-то страсти или чувства, они находятся под полнейшим контролем. Но разве можно ждать страсти от скучного пудинга или сильных чувств от уютного, домашнего яблочного пирога?
Через год после смерти отца Люси её мать вышла замуж за человека, у которого было множество детей и совсем мало денег. Люси пришлось нелегко, особенно потому, что её невзлюбил отчим, человек вспыльчивый и порывистый. Поэтому тётушке без особого труда удалось уговорить их отдать Люси к ней в семью. Тётушка взяла девочку из самых чистых побуждений и, казалось бы, должна получать за это бо`льшую благодарность, чем выходит на деле. Однако сама она утверждает, что в качестве награды ей вполне хватает уверенности в том, что Бог с удовольствием принимает эту попытку Его порадовать.
Сейчас Люси почти четырнадцать, она очень крупная для своего возраста девочка с мертвенно-белой кожей, бледно-голубыми глазами и жиденькими светлыми волосами. Речь её всегда поучительна. Каждый ребёнок для неё «чадо», каждая неприятность — «испытание»; она не смотрит, но «взирает», никогда не плачет, а только «проливает слёзы». Но зачем, зачем я пишу всё это? Да всё для того, чтобы заглушить свои собственные мысли, от которых мне сегодня так не по себе, и чтобы оттянуть тот неуютный момент, когда мне всё-таки придётся ответить на один неотложный вопрос: неужели я и вправду совершила ошибку, отказав доктору Эллиоту? Может быть, со временем мне и удалось бы полюбить человека, который оказал мне такую честь?

5 июля

Вот я и дома, — и как же это приятно, снова быть рядом с моей любимой мамулей! Я рассказала ей про доктора Эллиота. Она не говорит ничего определённого.

10 июля

Мама заметила моё беспокойство и уныние.
— Что случилось, доченька? — спросила она сегодня утром. — Ты что-то места себе не находишь. Скажи, это никак не связано с доктором Эллиотом?
— Да нет, мам, — ответила я. — Просто после поездки никак не могу войти в привычную колею, вот и всё. И всё-таки, если бы я знала, что доктор Эллиот не очень сильно в меня влюбился и уже начал меня забывать, мне, наверное, было бы легче.
— Если ты была точно уверена, что никогда не сможешь ответить на его чувства, — сказала мама, — тогда ты поступила совершенно правильно, тут же отказав ему. Но если были всё-таки хоть какие-то сомнения, то лучше было бы подождать и попросить Бога о мудрости.
Действительно, так было бы лучше. Но в тот момент никаких сомнений у меня не было. Как всегда, одним махом я решила один из самых важных вопросов своей жизни, даже не остановившись, чтобы подумать, чтобы молчаливо обратиться за советом к Богу! И вот теперь я навсегда оттолкнула от себя сердце, которое воистину меня любило. Он пойдёт своим путём, я — своим. И он никогда не узнает, что я только лишь начинаю познавать саму себя и в невыразимой тоске жажду его любви.
Но я не собираюсь погружаться в сентиментальное отчаяние и рыдать над прошлым, которого уже не вернёшь. Ни один человек не смог бы простить мне подобную глупость; но Бог простит меня. В своей скорби и одиночестве я лечу к Нему и обретаю блаженнейший покой, который лучше всякого земного счастья. Он допустил, чтобы в один необдуманный момент я сама навлекла на себя тень, из-под которой не выберусь ещё очень долго. Однако Он всё равно жалеет меня и прощает, и дарует мне множество драгоценных минут, когда я могу с искренней радостью сказать: «Кто мне на небе? и с Тобою ничего не хочу на земле».
Я серьёзно сомневаюсь, что с таким недисциплинированным характером я смогла бы принести счастье человеку, почтившему меня своей незаслуженной любовью. Иногда мне кажется, что я всё такая же порывистая и вспыльчивая, как раньше, потому что я до сих пор сержусь на маму и даже на Джеймса, когда они пытаются мне возразить. Я совершенно не годна для того, чтобы стать хозяйкой дома и женой хорошего человека! И как он вообще умудрился полюбить меня? Представить себе не могу!

31 августа

Сегодня последний день счастливейшего лета в моей жизни. Если бы я ещё раньше поверила свидетельствам других людей, то уже давно была бы счастлива. Но я хотела одновременно иметь и все Божьи благословения, и то, что предлагал мне мир, и между этими двумя стремлениями всё время шла жестокая борьба. Надеюсь, теперь этой борьбе конец. Я сознательно выбираю Бога. Стараясь угодить Ему, я обрела такой блаженный покой, который доселе не могла и представить. И я не променяю его ни на какие мирские удовольствия.
Но мне ещё учиться и учиться. Я похожа на маленького ребёнка, который не может просто подбежать и схватить игрушку и поэтому подбирается к ней шажок за шажком, медленно, робко — но всё-таки подбирается! Меня изумляет терпение нашего благословенного Господа и Учителя, но как же мне нравится быть ученицей в Его школе!

29 сентября

Этот месяц тоже получился, в каком-то смысле, довольно приятным. Меня немного расстроила свадьба Амелии, где я просто должна была присутствовать, но это был всего лишь маленький всплеск на поверхности глубокого моря покоя.
Сегодня видела доктора Кэбота. Он вполне здоров и с жаром говорит об искусности доктора Эллиота. Он стал расспрашивать меня об учениках воскресной школы, о тех бедняках, которых я навещаю, и я не удержалась и рассказала ему чуть-чуть о той новой радости, которая так переполняет меня.
— Так оно и должно быть, — сказал он. — Было бы очень грустно, если бы человек с твоим темпераментом относился с интересом и энтузиазмом ко всему, кроме своей веры. Не отчаивайся, если снова пойдут взлёты и падения. «Ходящему в низине незачем бояться упасть», но ты сейчас высоко на вершине, и поэтому не удивляйся, если иногда случится споткнуться и полететь вниз.
От этих его слов мне стало немного не по себе. Не хочу я падать! Хочу и дальше идти вверх, к совершенству!

1 октября

Сегодня к нам пришла Лора Кэбот и очень приветливо пожала мне руку.
«Я так надеюсь, что мы будем видеться чаще, чем раньше, — начала она. — Папа очень этого хочет, да и я тоже».
К э т и *(мысленно)*: «А-а! Он видит, какая я духовная, как я посвящаю себя Богу, и хочет, чтобы Лора попала под хорошее влияние».
К э т и *(вслух)*: «Спасибо, мне очень приятно это слышать».
Л о р а: «Пожалуйста. Он знает, что мне полезно чаще бывать с тобой. Иногда у меня просто руки опускаются, и мне так нужна подруга, которая могла бы поддерживать меня и помогать мне».
К э т и *(про себя)*: «Да, точно: он считает меня вполне опытным и надёжным человеком».
К э т и *(вслух)*: «Да кто я такая, чтобы тебе помогать? Я просто не смею!»
Л о р а: «Нет, нет, не отказывайся, пожалуйста! Ты ведь намного опережаешь меня в христианской жизни».
Мне стыдно писать дальше. Когда она ушла, я какое-то время просто лопалась от гордости и самодовольства. Но когда вечером я поднялась к себе и встала на колени, всё вдруг стало тёмным и беспорядочным. Бог казался ужасно далёким, и разговор с Ним не принёс мне радости. Я поняла, что, наверное, подумала или сделала что-нибудь дурное, и попросила Его показать мне, в чём дело. И тут-то передо мной ярко вспыхнуло воспоминание о тех тщеславных, себялюбивых мыслях, которые я тешила, разговаривая с Лорой Кэбот, — и весь день после этого.
Какая мерзость! Вот уж упала, так упала!
Наверное, первой моей ошибкой было то, что я рассказала доктору Кэботу о своих сокровенных радостях, — как будто они были наградой за какие-то мои достоинства! Этим самым я предоставила сатане прекрасную возможность восторжествовать надо мной.
После сегодняшнего я твёрдо решила, что буду предельно сдержанной во всём, что касается личных переживаний с Богом. Что я приобрела, поспешив рассказать о них другому? Ничего — но многое потеряла. Чувствую себя подавленной и безутешной.

Глава IX

10 октября

Тётушка сообщила нам печальную новость. Она пишет, что дядя слёг с какой-то непонятной болезнью, которая незаметно подбиралась к нему уже несколько месяцев. Все врачи в один голос твердят, что для излечения ему надо оставить дела и целый год отдыхать. Доктор Эллиот предлагает ему отправиться в Европу, что мне лично кажется весьма радикальной мерой, — всё равно, что отправиться в мир иной! Тётушка старается не унывать, но признаётся, что уже сама мысль о том, чтобы целый год быть вдали от мужа, кажется ей ужасной. Я днём и ночью молюсь за неё и за то, чтобы они отказались от этой безумной идеи. Подумать только! — ведь дядя должен будет провести несколько недель в океане, а каюты такие тесные и кормят там отвратительно. И вдобавок зима на носу!

12 октября

Тётушка пишет, что поездка в Европу — дело решённое. С дядей поедет доктор Эллиот, будет с ним путешествовать и всячески его развлекать, а потом привезёт его домой живым и здоровым. Надеюсь, доктор Эллиот всё же способен хоть кого-то развлекать, потому что должна признать, что во время нашего с ним знакомства эта его способность существовала исключительно в скрытой форме. Бедная тётушка! Конечно, ей было бы гораздо лучше поехать вместе с дядей. Но куда же тогда девать детей? Что ж, надеюсь, что дяде и впрямь полегчает после этого грандиозного предприятия, хотя мне самой оно ничуточки не нравится.

15 октября

Ещё одно письмо от тётушки — и совсем другие планы! Доктор остаётся дома, тётушка отправляется с дядей, а мы — мама и я — переезжаем к ним, чтобы присматривать за домом и детьми в их отсутствие! То есть, если мы согласимся, конечно. Но ведь это же ужасно! Отказаться было бы жестоко и эгоистично, но если мы согласимся, то я окажусь перед самым носом у доктора Эллиота.

16 октября

Маму удивляет, что я могу хоть секунду колебаться по этому поводу. Такое впечатление, что она совершенно позабыла всё насчёт доктора Эллиота. Она говорит, что мы легко найдём какую-нибудь семью, чтобы сдать им наш дом на год и что сама она просто счастлива хоть как-то помочь тётушке.

4 ноября

Вот мы и здесь, и всё окончательно решено. Дядя с тётей отплыли неделю назад, а мы остались безраздельными хозяевами всех обозримых окрестностей. Я твёрдо решила, что не позволю маме окончательно сбиться с ног со всеми этими детьми, хотя, конечно, без её совета и помощи мне с ними ни за что не управиться. Будем надеяться, что они не слягут все дружно с корью или ещё с чем похуже; было бы очень неприятно снова принимать у себя доктора Эллиота.

25 ноября

Ну конечно, у младшего малыша как раз сейчас должны резаться зубки, — не иначе, как для того, чтобы у нас был повод вызвать доктора Эллиота, и он мог прорезать ребёнку дёсны! Я сказала маме, что не смогу вынести подобного зрелища. Она была несколько удивлена, сказала, что пора мне привыкать к таким вещам, но всё-таки вызвалась сама подержать малыша.

26 ноября

Малыш ещё не привык к маме и боялся её, и поэтому она послала за мной. Когда я вошла в комнату, мама протянула мне ребёнка и сказала, что просит прощения, потому что знает, как мне не хотелось присутствовать при операции. Что теперь доктор Эллиот будет про меня думать? Что я не могу смотреть, как ребёнку прорезают дёсны? Что ж, если он считает меня трусихой, я сама в этом виновата, потому что сама сказала маме, что боюсь. Мне было ужасно неловко, когда я взяла ребёнка, доктор Эллиот наклонился над нами, и его лицо оказалось близко-близко. Неужели мама не понимает, в каком невозможном положении я очутилась?

27 ноября

К нам приходит множество гостей, друзей дяди и тёти. Большинство из них совершенно скучные. Все тянут одну и ту же волынку, рассуждая о том, как это странно, что тётушка осмелилась предпринять такое путешествие, оставить детей и так далее, и так далее, — и как же доктор Эллиот мог допустить, чтобы они вот так уехали — и так далее, и тому подобное.
Сегодня к нам пришёл доктор Эмбери и привёл с собой донельзя хорошенькое, крошечное, юное существо — свою новоприобретённую жену. Она висит у него на руке, как рабочая корзинка. Он близкий друг доктора Эллиота и очень тепло о нём отзывается, и его жена тоже. Она говорит, что знает доктора Эллиота чуть ли не с детства, поскольку они родились и выросли в одной деревне. Чего ж тогда он не женился на ней сам, а отдал её доктору Эмбери?
Она говорит, что он (то есть, доктор Эллиот) самый любящий сын, какого она только видела, и более чем заслуживает то признание, которым сейчас пользуется, потому что многим пожертвовал ради своих родителей. Я ни разу ещё не встречала людей, которые бы так мне понравились буквально после первых минут знакомства, — это я про миссис Эмбери, хотя ты, мой бедный, обманутый Дневник, можешь подумать, что я имела в виду кого-то другого.

30 ноября

У меня столько дел, что писать совершенно некогда. Уму непостижимо, с какой скоростью эти дети изнашивают ботинки и чулки, как молниеносно у них отрастают волосы, как часто они набивают себе шишки и прищемляют пальцы, и с какой поразительной ненасытностью требуют всё новых и новых сказок. Дня не проходит без того, чтобы кому-то из них не надо было что-нибудь купить, чтобы кто-то из них не задохнулся до полусмерти, или чтобы меня не заставили рассказывать сказки до тех пор, пока мои бедные мозги не съёжатся в горошину. Однако сейчас я чувствую себя как никогда живой и бодрой, и, несмотря на кое-какие смутные непонятности, я совершенно счастлива. Мама тоже. Они с доктором стали закадычными друзьями. По его просьбе она постоянно готовит крепкий мясной бульон для больных, стирает бинты и вываривает телячьи ножки для студня, так что весь дом буквально пропах больницей.
Наверное, меня он считает глупой, эгоистичной, легкомысленной девчонкой, которая ради немощных и пальцем не пошевелит. Ну и пусть. Мне дела нет до того, что он думает.

4 декабря

Сегодня утром доктор Эллиот пришёл и попросил маму пойти с ним к одному ребёнку, который страшно разбился. Мама побледнела, крепко сжала губы и немедленно отправилась собираться. Тут-то я и взорвалась.

— Да как Вы смеете просить маму выдерживать подобные вещи?! — закричала я. — Вы, наверное, думаете, она железная, — ведь наш отец тоже разбился, а Вы полагаете, что после этого...
— Об этом я действительно не подумал, — перебил он. — Но Ваша мать редкая женщина. Она такая решительная, сдержанная, и в то же время так кротка и преисполнена сострадания и нежности, что я, право, не знаю, к кому ещё мне обратиться за помощью, которая так нужна мне сегодня. При виде того бедного малыша даже Вы поняли и оправдали бы меня!
«Даже Вы!» — Вы, эгоистичное чудовище с камнем вместо сердца; Вы, легковесная пустышка! — «даже Вы поняли и оправдали бы меня!»
Какой он жестокий, несправедливый и немилосердный!
Я рванулась из комнаты и потом плакала до изнеможения.

6 декабря

Мама говорит, что благодарна доктору Эллиоту за то, что он позвал её к разбившемуся малышу и у неё была возможность успокаивать и утешать бедняжку, пока доктор совершал над ним сложную и болезненную операцию. Описывать операцию она не стала, потому что подумала, что я и так слишком бледная. Я сказала, что в таких случаях утешать и успокаивать ребёнка должна его собственная мать.
— Но он круглый сирота, — с упрёком сказала мама. — Что это на тебя нашло, Кэти? Ты совсем на себя не похожа.
— Я просто считаю, что у тебя и так хлопот по горло: содержать в порядке такой большущий дом, кормить столько ртов, следить за всеми этими слугами. И тебе совсем незачем себя изматывать, ещё и выхаживая всех несчастных протеже доктора Эллиота, — угрюмо проговорила я.
— Чем больше у меня дел, тем лучше, — ответила она. — Милая моя Кэти, старая рана всё никак не заживает, и поэтому мне нравится ухаживать за теми, кто изранен и искалечен. А доктор Эллиот, по-видимому, инстинктивно это уловил.
Я подбежала к ней и поцеловала её милое, бледное лицо, которое с каждым днём становится всё красивее и красивее. Неудивительно, что она так тоскует по папе! Невозможно передать словами, как он любил и почитал её. Он всегда был внимателен к мелочам и непрестанно окружал её маленькими знаками внимания, которые так радуют любую жену. О нём говорили, что он джентльмен старой закалки и таких, как он, осталось совсем немного. Мне и самой сейчас довольно тоскливо. Ну когда же, когда же я поднимусь над своими глупыми, ребяческими капризами и буду жить так, что ни грех, ни искушение уже не смогут до меня добраться?

22 декабря

Сегодня я пошла навестить миссис Эмбери. Она приняла меня далеко не так сердечно, как обычно, и вскоре я решила, что пора откланиваться. Однако она удержала меня.
— Можно мне поговорить с Вами об одном деликатном предмете? — заметно конфузясь, произнесла она.
Я почувствовала, как заливаюсь краской.
— Я не хочу вмешиваться в чужие дела, — продолжала она, — но мы с доктором Эллиотом всю жизнь были такими близкими друзьями. И теперь мне до слёз больно видеть его разочарование.
На меня, что называется, напал стих, и я не могла вымолвить ни слова.
— Вы совсем не такая девушка, какая, как мне казалось, должна ему понравиться, — продолжала миссис Эмбери. — Он всегда говорил, что будет искать жену, во всём похожую на его мать, — а ведь она одна из самых кротких, нежных, мягких и прекрасных женщин на свете.
— Тогда радуйтесь, что он избежал столь страшной ошибки, — сказала я охрипшим вдруг голосом, — и свободен жениться на своём идеале, когда найдёт его.
— Но именно это меня и беспокоит. Он не свободен. Он редко привязывается к людям, и, боюсь, ему понадобится немало времени, чтобы преодолеть эту страсть к Вам — страсть, которая оказалась такой неудачной и принесла ему столько горя.
— Страсть?! — презрительно воскликнула я.
Она удивлённо взглянула на меня.
— Большинство девушек не упустили бы возможности так удачно выйти замуж, — снова заговорила она.
— А я, собственно, совершенно не желаю принадлежать к разряду «большинства девушек», — высокомерно отпарировала я.
— Но если бы Вы только знали его, как знаю его я! Он так благороден, так бескорыстен, и больные так любят его! Я могу рассказать Вам сотню историй из его практики, и Вы увидите, каков он на самом деле!
— Благодарю Вас, — сказала я. — Пожалуй, на сегодня мы уже достаточно обсудили доктора Эллиота. Признаюсь, он никак не вырос в моих глазах, взяв Вас к себе в адвокаты.
— Вы несправедливы к нему! — вскричала она. — О том, что между вами произошло, он рассказал одному-единственному человеку — своей сестре. Это она просила меня узнать, может быть, у Вас есть кто-то другой и её брату не стоит и надеяться. Теперь я вижу, как неприятен Вам этот разговор, и жалею, что согласилась спросить Вас об этом.
Я ушла возмущённая и недовольная. Дома мама сказала, что рада была дать мне возможность хоть чуть-чуть отдохнуть, и посетовала на то, что я всё своё время провожу дома с детьми. Я ответила, что занимаюсь детьми ничуть не больше, чем тётушка.
— Но это же совсем другое дело, — возразила она. — Она их мать, и любовь помогает ей нести это бремя.
— И мне помогает, — не уступала я. — Я люблю этих детишек, как своих собственных.
— Этого не может быть, — уверенно произнесла мама.
— Нет, люблю, — настаивала я.
Мама не стала со мной спорить — а жаль.
— Мать, — продолжала она, — получает своих детей не сразу, а по одному и постепенно приспосабливается к тому, что заботы её понемногу увеличиваются. Тебе же сразу достался полный дом детей, и я уверена, что для тебя это слишком тяжело. Вид у тебя совсем не такой, как обычно, да и ведёшь ты себя как-то не так.
— Дети здесь не причём, — буркнула я.
— Тогда в чём дело?
— Да так, ничего, — обиженно пробормотала я.
— Знаешь, доченька, — сказала мама, как бы не замечая моего настроения, — хотя меня и беспокоит то, как постоянные заботы влияют на твоё здоровье и душевное самочувствие, но вообще мне необычайно приятно видеть такую удивительную, преданную заботу о детях.
— Это ещё почему? — угрюмо поинтересовалась я.
— Очень немногие девочки в твоём возрасте станут посвящать всё своё время домашним делам.
— Это потому, что лишь очень немногие девочки любят детей так, как я. Какая же добродетель в том, что человек делает именно то, что ему больше всего по душе?
— Ладно, ступай к себе, упрямый ты ребёнок, — сказала мама, смеясь. — Если не хочешь, чтобы тебя хвалили, я не буду.
Я отправилась к себе и тоскливо побродила по комнате. Не понимаю, что со мной такое.
И всё равно внутри постоянно присутствует какой-то непостижимый покой, который не нарушают даже внешние события. Несмотря на всю свою глупость и недостатки я всё-таки верю, что Бог любит и жалеет меня и непременно исправит то, что меня тревожит. Как Он это сделает — непостижимая тайна. Такая же, как и всё остальное.

Письмо доктора Эллиота миссис Крофтон:

...Теперь, друг мой, когда я по обыкновению подробно отчитался о состоянии здоровья всех домашних и Вы можете быть совершенно спокойны за своих малышей, позвольте мне перейти ещё к одному Вашему вопросу, — хотя, честно говоря, я предпочёл бы вовсе о нём умолчать. Но это было бы сущей неблагодарностью за то внимание, которое Вы уделяете моим делам и интересам.
И мать, и дочь преданно заботятся о ваших ребятишках, а мисс Мортимер только и думает, что о них. То высокое мнение о ней, которое сложилось у меня с самого начала, получило еще большее оправдание сейчас, когда я наблюдаю её в повседневной домашней жизни. Я прекрасно вижу её недостатки, да и она, по всей видимости, не только не пытается их скрыть, но являет их нам с особым удовольствием. Но помимо них мне известны и её редкостные добродетели, — и какую же неизмеримую и горячую любовь она подарит тому человеку, который сумеет покорить её сердце! Но мне это, увы, не суждено. Её неприязнь ко мне всё увеличивается, так что мне становится весьма неуютно бывать в Вашем доме, и у меня едва достаёт мужества, чтобы скрывать ту боль, которую причиняет мне эта ситуация. Поэтому я прошу Вас не возвращаться более к этой теме в нашей переписке. В конце концов, я не стал бы отвергать от себя «служение разочарований и волнений», даже если бы мог это сделать...

Ответ миссис Крофтон:

...Значит, она ненавидит Вас, да? Весьма приятно слышать. Будь она равнодушна, я бы по-настоящему встревожилась. Но хорошая ненависть от всей души, или нечто ей подобное — это самые обнадёживающие симптомы. В следующий раз, когда останетесь с ней наедине, попробуйте уверить её в том, что больше никогда не обратитесь к ней с выражением своих чувств. Если из этого ничего не выйдет, то я не женщина, никогда ею не была, — и Кэти не женщина тоже!

25 марта 1836 года

И новогодние праздники, и мой день рождения уже давно позади. Сегодня первый день, когда у меня есть время и возможность сесть и наконец-то записать всё, что произошло.
Последний раз я писала в дневнике шестого декабря. На следующий день я много и серьёзно думала, и во мне начали просыпаться новые желания жить только для Бога, ничего от Него не удерживая. Я горько мучилась, вспоминая своё поведение в гостях у миссис Эмбери, не знала, куда деваться от смутного ощущения неловкости и разочарования, и могла только льнуть к Нему всё ближе и ближе. Вечером я решила сходить в церковь. Правда, я не люблю бывать на молитвенных собраниях и боюсь, что это не слишком хороший знак. Но я решительно настроена бывать в обществе благочестивых людей и изо всех сил стараться полюбить то, что нравится им.
Мама, конечно же, отправилась со мной.
Каково же было моё удивление, когда доктор Эллиот вышел вперёд и начал вести собрание. Я и представить себе не могла, что он этим занимается.
Все гимны в тот вечер были просто чудесными, и мне было очень хорошо. Молиться вслед за ним было тоже очень хорошо и нетрудно. Вот если бы все молитвы были такие, то я, наверное, любила бы вечерние церковные служения так же горячо, как теперь их ненавижу. Было совершенно ясно, что в своей молитве он обращается именно к Богу и так, как будто беседует с Ним много и постоянно.
Потом он прочёл небольшую проповедь о том, что сам назвал «служением разочарований». Он говорил радостно и обнадёживающе, и я практически впервые увидела, что Бог не случайно позволяет нам сталкиваться с каждодневными испытаниями и нести неудобные бремена, которые составляют неотъемлемую часть повседневной жизни. Он сказал, что на свете мало людей, которые не испытывали бы постоянного разочарования по отношению к самим себе и к своим ребяческим капризам и слабостям; разочарования по отношению к друзьям, которые, как ни странно, никогда не бывают совершенны; разочарования по отношению к миру, который всегда так много обещает и так мало даёт. Далее он призвал нас с мудростью и терпением подчиниться этой дисциплине разочарований, которая, если правильно ею пользоваться, поможет закалить и укрепить душу и подготовить её к дням скорбей и горестных утрат. Но этот убогий пересказ не способен должным образом передать всё, что он говорил. А в выражении его лица было нечто почти небесное — такое, что словами не передать.
Уже выходя из церкви, я услышала, как кто-то спросил: «А кто этот молодой священник?» — и уловила ответ: «А, да это всего-навсего местный врач».
Ну что ж! Через неделю мы с мамой снова пошли на собрание. Только мы пробрались к своим местам, как вошёл доктор Эллиот, ведя под руку самое очаровательное и милое создание, которое только можно себе представить. Он был так ею поглощён, что не заметил ни маму, ни меня. Она села сбоку от меня, и я не видела её лица полностью, но профиль у неё прямо-таки безупречный. Глаза у неё такого прелестного синего цвета, какого бывает только небо и лепестки фиалок, — а ресницы такие мягкие и длинные, и кожа чистая-чистая, как у новорождённого младенца. Но вместе с тем её нельзя было назвать просто хорошенькой, пустенькой куколкой; на лице её отражались и глубина чувств, и характер. Они пели вдвоём из одного сборника, хотя я и пододвинула к ней свой. Конечно, это могло означать только одно!
Итак, он, по-видимому, уже позабыл обо мне и утешился этой маленькой красавицей. Не сомневаюсь, что уж она-то непременно похожа на его мать — ту самую «кроткую, нежную, мягкую и прекрасную женщину»!
Значит, если теперь кто-то у нас в доме заболеет и доктор Эллиот придёт с визитом, подумала я, то как же мне себя вести? Я вряд ли удержусь от того, чтобы всем своим видом не показать, что любовь, которая так скоро нашла себе новый объект восхищения, уж никак не могла отличаться особой глубиной.
Очень неприятно терять даже малую долю былого уважения и расположения к человеку.
На следующий день мама поехала навестить свою давнюю подругу, которая живёт в прелестном загородном домике. Няня сказала, что ей нужно погладить бельё, и я вызвалась посидеть с маленьким, пока она не закончит. Люси тоже пришла в детскую со своими книжками и уселась рядом со мной. Она, как тень, ходит за мной по пятам. Спустя некоторое время зашла миссис Эмбери. Я заколебалась было, можно ли оставить малыша на Люсином попечении (потому что, хоть она и славится своим примерным поведением и считается не по годам умной, я уже заметила, что ей нередко тяжело приходится в таких ситуациях, которых любой находчивый ребёнок может легко избежать — или моментально сообразит, что делать). Но ведь малышей часто оставляют с детьми ещё младше Люси, так что (со многими предостережениями в её адрес) я спустилась вниз, решив, что вернусь буквально через несколько минут.
Однако мне так хотелось разузнать побольше о хорошенькой спутнице доктора Эллиота, что я продолжала сидеть с миссис Эмбери, хотя все мои усилия пропали втуне, и мне не удалось ничего выведать. Наконец, я услышала, как Люси топает вниз по лестнице.
— Кузина Кэти, — заговорила она, по обыкновению чинно войдя в комнату, — я сидела возле окна, поглощённая занятиями, а дети, как обычно, играли рядом, как вдруг я услышала вопль, и один из них пробежал мимо меня, охваченный пламенем, и я...
По-моему, я оттолкнула её в сторону и бросилась наверх, потому что посчитала само собой разумеющимся, что Люси ничего не смогла сделать и сейчас мне навстречу выбежит маленькая фигурка, объятая огнём. Но я увидела, что ребёнок уже завёрнут в

одеяло и пламя потушено. Тем временем миссис Эмбери подняла на ноги весь дом, и слуги сломя голову примчались в детскую.
— Доктора! Быстрее! — вскричала я, прижимая к себе извивающуюся от боли малышку.
Потом я отогнула одеяло, чтобы посмотреть, кто это, и увидела, что это тётушкина (да и всеобщая) любимица — наш маленький, ласковый ягнёночек, наша лапушка Эмма.
Должно быть, доктор Эллиот прилетел буквально на крыльях, потому что я не успела даже рассердиться на него за промедление. Он прикасался к Эмме нежно, как мать. Мы отрезали и оторвали все клочки обгоревшей одежды, и он своими руками перевязал ей ожоги. Мне он не сказал ни одного слова, я ему тоже. На этот раз ему не пришлось напоминать мне о том, что надо сдерживать свои чувства. Я была холодна и черства, как камень.
Но когда пронзительные вопли малышки понемногу начали затихать (видимо, начали действовать успокоительные капли, которые доктор Эллиот дал ей с самого начала), я вдруг почувствовала в затылке некое ощущение, которое мгновенно одолевает даже самых упрямых и героически настроенных людей. Я лишь успела передать Эмму доктору — и тут же брякнулась в обморок.
Правда, я сразу же пришла в себя, никто даже не успел подбежать, чтобы поднять меня. Тут доктор Эллиот передал Эмму миссис Эмбери (которая давно уже скинула своё пальто и всё это время плакала), подошёл ко мне и негромко произнёс:
— Прошу Вас, пойдите, пожалуйста, к себе и прилягте. И Вам совсем не нужно встречаться со мной, когда я буду навещать девочку. Увольте себя, по крайней мере, хоть от этой неприятности.
— Ничто на свете не заставит меня покинуть Эмму даже на минуту, — с вызовом ответила я.
К этому времени миссис Эмбери удалось убаюкать малышку, и та спала у неё на руках, бледная и совершенно измученная.
— Вы непременно должны немного полежать, мисс Мортимер, — сказал доктор Эллиот, подымаясь. — Я зайду через пару часов, чтобы посмотреть, как дела у вас обеих.
Он стоял и смотрел на Эмму, но не уходил. Тогда миссис Эмбери задала вопрос, который я не осмеливалась вымолвить:
— Её жизнь в опасности?
— Трудно сказать. Надеюсь, что нет. Хочется верить, что присутствие духа мисс Мортимер и то, как быстро и умело она потушила пламя, спасло девочке жизнь.
— Но это всё не я, это Люси! — с горячностью вскричала я.
Ах, как я завидовала тому, что она стала героиней дня, — и тому, что доктор Эллиот подошёл к ней с удивлённой и обрадованной улыбкой, взял её за руку и сказал:
— Поздравляю Вас, Люси! Как же будет рада Ваша матушка!
Я старалась думать только о бедняжке Эмме и о том, какое удивительное вознаграждение тётушка получила за свою доброту по отношению к Люси. Однако мысли мои упрямо сворачивали на меня саму: что сама я в подобных обстоятельствах просто потеряла бы голову и ничего не смогла бы сделать. В конце концов эти размышления и всякие другие чувства так нахлынули на меня, что я разразилась слезами.
— Да, да, поплачь, поплачь хорошенько, — сказала миссис Эмбери, бережно переложила Эмму на кушетку и, подойдя ко мне, обняла меня. — Тебе это будет полезно, милая моя, бедная девочка!
Она тоже плакала вместе со мной, пока у меня не кончились силы, и я прилегла и попыталась заснуть.
После этого и дни, и недели вдруг стали ужасно длинными.
Мамуле было страшно тяжело с нами обеими; она беспокоилась за Эмму, а кроме того ей ещё приходилось терпеть мой раздражительный и взбалмошный нрав.
Доктор Эллиот приходил и уходил. Наконец он объявил, что опасность позади и что наша терпеливая малышка скоро выздоровеет. Однако его визиты не стали реже; он продолжал появляться по два или даже три раза в день. Иногда я хотела, чтобы он рассказал нам о своей новой пассии, но в другие дни чувствовала, что не вынесу и одного упоминания её имени. Однажды мама так плохо себя чувствовала, что мне пришлось помогать ему перевязывать Эммины ожоги. Я не удержалась и сказала:
— Знаете, даже нежное и полное любви прикосновение матери покажется грубым и неловким по сравнению с тем, как осторожно и умело Вы перевязываете Эмме раны.
Он благодарно посмотрел на меня, но сказал вот что:
— Я рад тому, что Вы начинаете верить, что иногда и в каменных сердцах просыпаются кое-какие чувства.
В другой раз кто-то из присутствующих вскользь упомянул о женском непостоянстве. Начала всё миссис Эмбери. Я, конечно, тут же взвилась и накинулась на доктора.
Он ошеломлённо посмотрел на меня.
— Я-то лично вообще ничего не говорил, — объявил он.
Наверное, голос у меня был обиженный, потому что всё это время я думала про Ча... — то есть, про того, кто так быстро сменил меня на другую в своём ветреном сердце, — а ещё о том, как доктор Эллиот с такой же скоростью утешился новой любовью.
— Мне не нравятся эти огульные утверждения, — сказал он с явно заметной досадой.
— Я говорю то, что думаю, — упрямо пробормотала я.
— Тогда Вам следует научиться думать верно, — серьёзно ответил он.
— Кстати, а от Хелен тебе уже что-нибудь пришло? — бесцеремонно вмешалась миссис Эмбери.
— Да, вчера.
— Значит, на днях будешь ей отвечать, да? Можно я тоже вложу в конверт маленькую записочку? Или лучше оставь мне немножко свободного места в своём письме, в уголочке.
Её бестактность меня просто шокировала. Конечно же, эта Хелен и есть его новая пассия. Как же может женщина хоть с каким-то соображением даже помыслить о том, что он захочет оставить ей «уголочек» своего любовного письма?
— Я ушам своим не поверила, — сказала я ей позднее, — когда услышала, как Вы просите доктора Эллиота оставить Вам место в своём письме.
— Я не удивляюсь, — смеясь ответила она. — Наверное, Вы ещё не знаете, как это, считать каждый шиллинг и отказывать себе в удовольствии написать подруге, потому что не хватает денег на марку. Я так точно себе этого не представляла, пока не вышла замуж.
— Но разве можно просить мужчину о том, чтобы он разрешил Вам дописывать свои любовные письма? — запротестовала я.
— Ах, так вот откуда ветер дует! — воскликнула она, кивая своей хорошенькой головкой. — Ну тогда, милая моя, позвольте мне Вас обрадовать. Потому что это «любовное письмо» он пишет своей сестре, моей любимой подруге и самой прелестной и милой девушке на свете.
— А-а, вот как? — сказала я, немедленно успокоившись и придя в себя.
Придя в себя! А кто она вообще такая, эта «я», позвольте вас спросить? В моём несчастном теле как будто поселились сразу две души, и трудно понять, которая из них я сама, а которая нет. Вот как они себя ведут:

С Ц Е Н А   П Е Р В А Я

К э т и *(обращаясь ко второму существу, которое мы назовём Кэт)*: «Твоя мама совсем устала, а ты весь день раздражена. Пойди-ка, обними её и скажи ей, как сильно ты её любишь».
К э т: «Да не могу я! К тому же, это покажется ей странным. И вообще я не люблю льстить и подлизываться. Кроме того, любой был бы раздражён, если бы чувствовал себя, как я».

С Ц Е Н А   В Т О Р А Я

К э т и: «Малышке Эмме скучно просто лежать, её надо чем-нибудь занять. Пойди, расскажи ей сказку».
К э т: «Я устала. Мне самой надо, чтобы меня кто-нибудь развлекал».
К э т и: «Но ведь девочка так терпеливо себя ведёт, и ей такое пришлось пережить!»
К э т: «Что ж, на мою долю тоже досталось. А если бы она не полезла тогда в камин, то ничего бы не случилось».

С Ц Е Н А   Т Р Е Т Ь Я

К э т и: «Что-то ты сегодня совсем раздражённая. Пойди-ка наверх, в свою комнату, и помолись о терпении».
К э т: «Не может же человек всё время молиться! Мне не хочется».

С Ц Е Н А   Ч Е Т В Ё Р Т А Я

К э т и: «Ты ведёшь себя с доктором Эллиотом просто возмутительно! Наверное, он скоро тоже начнёт избегать тебя, как ты избегаешь его».
К э т: «Даже имени его слышать не хочу. К тому же я его вовсе не избегаю».
К э т и: «Ты совершенно не заслуживаешь того, чтобы он был о тебе хорошего мнения».
К э т: «Нет, заслуживаю!»

С Ц Е Н А   П Я Т А Я

Утром, только что проснувшись.
К э т и: «Эх! Какая же я всё-таки противная девчонка! Эгоистичная, тщеславная, всё время раздражаюсь, всеми командую! Только и думаю, что о себе. При докторе Эллиоте веду себя как героиня; но стоит ему уйти, превращаюсь в капризного, избалованного ребёнка. Бедная мамочка! Как она ещё терпит меня? А что до моего благочестия, то дела у меня сейчас — хуже некуда».
К э т *(через несколько часов)*: «Ну что ж, надо признать, что у меня настоящий дар обращаться с детьми! И вообще я очень даже милый человек, иначе мама не любила бы меня так сильно. Всегда веду себя учтиво (ну, может быть, кроме тех моментов, когда нервничаю или болею) и раздражаюсь сейчас гораздо меньше, чем раньше. Я никогда не думаю о себе, но всё время делаю что-нибудь для других. Что касается доктора Э., то я благодарю Небо, что ни разу не унизилась до того, чтобы «завлекать» его кокетливыми ужимками и льстивыми словечками. Он видит меня такой, какая я есть. А ещё я по-настоящему посвящена Богу. Люблю читать хорошие книги и бывать среди благочестивых людей. И молюсь я много. Меня бросает в дрожь при одной только мысли о неблагочестивом поступке. Мама мною гордится — да это и неудивительно! Очень немногие девушки вели бы себя так мудро и сдержанно, как я, когда Эмма обожглась. Может, я не такая приветливая, как некоторые другие. Но это даже лучше. Терпеть не могу слащавых людей. Зато у меня сильный характер, а это гораздо лучше, и я, несомненно, заслуживаю всяческого уважения».
Милый мой, бедный Дневник! — как ты можешь терпеть подобную ерунду, а? Только всё же скажи мне: кто я на самом деле — Кэти или Кэт?

Глава X

20 апреля

Вчера впервые после того случая с Эммой я, наконец, почувствовала себя вполне сносно и скакала по дому в довольно весёлом (для меня) расположении духа. Мне зачем-то понадобилась мама, и я, напевая, влетела в гостиную, где она только что сидела. Однако её там уже не было, а был доктор Эллиот. От неожиданности я отшатнулась и хотела было уже скрыться, но он удержал меня.
— Войдите, я прошу Вас, — сказал он, и с каждым словом его голос становился всё более и более хриплым. — Давайте покончим с этим раз и навсегда.
— Вы о чём? — спросила я, подходя к нему всё ближе и вглядываясь в его лицо, которое было совсем бледным.
— О том, что Вы явно боитесь оставаться со мной наедине, боитесь того, что я могу сказать. Позвольте мне уверить Вас, что ничто на свете не заставит меня ещё раз обидеть Вас, навязывая Вам свои признания, — по-моему, именно этого Вы так страшитесь, да? Я не могу заставить Вас полюбить меня, да и не стал бы, даже если бы мог. Если Вам когда-нибудь понадобится друг, я всегда буду в Вашем распоряжении. Но, пожалуйста, не надо всё время думать обо мне как о влюблённом, который только и ждёт подходящего момента, чтобы снова напомнить Вам о своей любви. Я больше никогда, никогда не упомяну о ней!
— Конечно, не упомянете! — вырвалось у меня. Лицо моё запылало, и слёзы унижения покатились по щекам. — Так я и знала, что Вы не любите меня! Так я и знала, что Вы давным-давно меня разлюбили!
Не знаю, кто из нас сделал первый шаг (не думаю, чтобы это был он, и уж, конечно, это была не я!), но через минуту я оказалась в его больших, уютных объятиях, и началась совершенно новая жизнь!
Через несколько минут мама открыла дверь, но, увидев, что творится в гостиной, быстренько упорхнула прочь.

21 апреля

Я слишком счастлива, чтобы писать. Подумать только, как сильно мы любим друг друга! А мама ведёт себя ну просто, как ангел!

25 апреля

Когда человек так сокрушительно счастлив, как я, ему не хочется много говорить. Я хожу по улицам, не чуя под собой ног от радости, по дому летаю как на крыльях, и целую всех подряд.
Теперь, глядя на Эрнеста (так он велит мне его называть) непредубеждёнными глазами, я удивляюсь тому, что когда-то могла считать его неуклюжим. И какая же я глупышка, что приняла его достоинство и мужественность за почтенный возраст!
Однако как это странно, что такой осторожный, уравновешенный человек взял да и влюбился в меня в тот день в воскресной школе. А ещё более странно то, что я, со всей своей порывистой, опрометчивой натурой, совершенно сознательно начала любить его!
Мне ни за что не записать всего того, что нам постоянно хочется друг другу сказать. Боюсь, мы страшные эгоисты, потому что каждый вечер оставляем маму одну.

5 сентября

Какое чудесное получилось лето! Понятно, нам пришлось на пару месяцев увезти детей в деревню, но письма Эрнеста — это почти что даже лучше, чем сам Эрнест! Я ему написала столько, что хватит на дюжину книг. Сейчас мы отправляемся назад в город. В последнем письме Эрнест пишет, что ездил домой, и его мама счастлива слышать о нашей помолвке. Ещё он написал, что навестил одну пожилую даму, которую знает и любит с самого детства, и рассказал ей наши новости.
«Когда я сообщил ей, — пишет он, — что нашёл самую прелестную, благородную и любящую из земных женщин, она сказала только: «Конечно, конечно!» Но ведь ты-то, дорогая моя, знаешь, что это совсем не «конечно» и не «само собой разумеется», но самое странное, самое чудесное событие человеческой истории!»
Потом он описал мне сцену, которую ему довелось наблюдать совсем недавно, присутствуя при смерти девушки моего возраста; она оставляла мир и все земные радости, но с просветлённым от ликования лицом готовилась к встрече с Христом, — всё это донельзя тронуло Эрнеста и пробудило в нём подлинное красноречие. Ах, как же я рада, что на мою долю выпало быть рядом с человеком, вся жизнь которого посвящена служению другим людям! Я уверена, что уже одно это само по себе поможет ему всегда оставаться бескорыстным и самоотверженным. Как это чудесно, любить такого мужчину! Как я счастлива, что буду сопровождать его к больным и умирающим! Он уже научил меня тому, что уроки, приобретённые в местах скорби, намного перевешивают всё то, чему можно научиться из книг и даже из проповедей.
А теперь, дорогой мой Дневничок, я расскажу тебе страшную тайну, которая связана уже не со смертью, а с жизнью.
Я ВЫХОЖУ ЗАМУЖ!!!
Подумать только! Я всегда буду рядом с Эрнестом! Каждый день сидеть с ним за столом, молиться вместе с ним, ходить с ним в церковь, — он будет мой, до конца мой! Я уверена, что на земле нет другого такого человека, которого я могла бы любить так сильно, как люблю его. Мысль о том, чтобы выйти замуж за Ча... — то есть, о том, чтобы та глупая, ребяческая помолвка могла закончиться замужеством, всегда была мне отвратительна. Но Эрнесту я отдаю себя с радостью и от всего сердца.
Как милостив ко мне Господь! Я молюсь и надеюсь, что эта новая, всепоглощающая любовь не нарушила и никогда не нарушит моей близости с Ним. А если бы я знала, что всё-таки нарушит, — интересно, хватило бы у меня смелости отречься от неё?

16 января 1837 года

Вчера у меня был день рождения, а сегодня состоится наша свадьба. Мы собирались отпраздновать всё в один день, но в этом году пятнадцатому числу непременно надо было случиться в воскресенье.
Я уже одета и только что прогнала всех из своей комнаты, где мне пришлось пережить столько унижения и столько радости. Перед тем как я отдам себя Эрнесту и навсегда покину родительский дом, мне хотелось бы ещё раз посвятить себя Богу. Последнее время я была слишком поглощена своей земной любовью и теперь поражаюсь, насколько безраздельно она заполняет мои мысли. Но я всё равно буду принадлежать Богу и непременно начну свою семейную жизнь в страхе Господнем, уповая на Него в том, что Он поможет мне стать самоотверженной, любящей женой.

25 января

У нас получилось замечательное свадебное путешествие. Сначала Эрнест хотел свозить меня к своим, чтобы я повидала его маму и сестру. Он ни словом не обмолвился о том, что хочет, чтобы и они на меня посмотрели. Однако матушка его нездорова. Я ужасно этому рада. То есть, я рада, что удалось избежать этого визита, где меня непременно начали бы разглядывать и обсуждать. Не сомневаюсь, они все стали бы ко мне придираться, а я так не люблю, когда ко мне придираются.
У нас свой дом, и я стараюсь всей душой войти в домашние заботы. Никогда не думала, что Эрнест столько времени будет проводить с больными. Мне страшно одиноко. Тётушка старается почаще меня навещать, да я и сама хожу к ним почти каждый день, но всё равно это не очень помогает. Как только улучу удобный момент, обязательно попрошу Эрнеста, чтобы мама переехала к нам. Нехорошо, что она осталась одна. Я надеялась, что он и сам это предложит. Но мужчины совсем не то, что женщины. Мы-то обо всём успеваем подумать.

16 февраля

Сегодня закончился наш медовый месяц. Честно говоря, мёда в нём оказалось гораздо меньше, чем я предполагала. Я думала, что Эрнест хотя бы вечерами будет дома, будет читать мне вслух, а я буду играть на рояле и петь, и нам будет так хорошо вдвоём. Но теперь, заполучив меня себе, он, по-видимому, успокоился и стал невозмутимо заниматься своими обычными делами, как будто мы женаты уже тысячу лет. Утром он отправляется навещать своих пациентов по списку и целый день то приходит, то уходит. После обеда только мы присядем, чтобы немножко поговорить, — непременно раздаётся звонок, и его вызывают к больному. А вечером он уходит к себе в кабинет, садится к столу и без конца читает. Ну, то есть, конечно, не всё время, — но всё равно он просиживает там целыми часами.
А сегодня он принёс мне долгожданное письмо от мамы! Я начала его читать и не смогла удержаться от слёз, такое оно было доброе и заботливое. Эрнест был изумлён. Он отбросил газету, подошёл ко мне, обнял меня и спросил:
— В чём дело, лапушка?
Тут-то всё и выплеснулось наружу. Я сказала, что чувствую себя одинокой и не привыкла проводить вечера совершенно одна.
— Почему же ты, глупышка, не пригласишь к себе подруг? — спросил он.
— Не хочу я подруг, — всхлипывала я. — Я хочу с тобой.
— Ну конечно, радость моя! Что ж ты не сказала мне об этом раньше? Конечно же, я буду сидеть тут, с тобой, если ты этого так хочешь!
— Ах, ты будешь сидеть со мной только потому, что я этого хочу? Если так, тогда лучше и не надо! — надулась я.
На его лице отразилось недоумение.
— Тогда я не знаю, что делать, — признался он, и весь его вид выражал совершенно уморительную растерянность. Однако затем он прошагал к себе в кабинет и вернулся, неся с собой кипу старых заплесневелых книг.
— Ну вот, Кэти, — сказала он. — Теперь, по-моему, мы поняли друг друга. Я ведь могу читать и здесь. Возьми и ты книжку и увидишь, как нам будет хорошо и уютно.
Сердце моё недовольно и печально заворочалось. Может быть, я веду себя неразумно и по-детски? Так что же такое семейная жизнь? Встречаться за столом, время от времени целоваться и иногда говорить ласковые слова? Или это священный союз двоих, идущих по жизни рука об руку, знающих радости и печали друг друга и шагающих вместе к Небесам?

17 февраля

Сегодня к нам заходила миссис Эмбери. Мне так хотелось поделиться с нею своими впечатлениями и попытаться понять, не сама ли я виновата в том, что не слишком счастлива. Но я не смогла открыть ей своё сердце и заговорить о таком сокровенном

предмете. Правда, мы всё равно поговорили о том о сём, и я немного успокоилась — по крайней мере, пока.
По её словам, первое, что должна усвоить всякая жена, — это готовность позабыть о себе самой. Может быть, она заметила во мне что-то такое, что побудило её об этом заговорить? Мы встречаемся довольно часто — отчасти потому, что наши мужья так дружат между собой, и отчасти потому, что она так же любит музыку, как и я, так что мы с ней нередко играем и поём вместе, — и каждый раз она непременно говорит что-то подбадривающее и полезное, и её слова всегда укрепляют во мне самые благочестивые намерения и желания. Но ей самой неизвестны моё отчаяние и внутренняя борьба, — и вряд ли она когда-нибудь испытает нечто подобное. Её кроткая натура немедленно отзывается на всё доброе. Я искренне благодарна ей за то, что она любит меня, потому что она и в самом деле меня любит, хотя прекрасно видит все мои недостатки.
Интересно, а почему это именно женщины должны учиться забывать о себе? Почему это не относится к мужчинам?

18 февраля

Дядя говорит, что своей жизнью обязан исключительно Эрнесту, который, несмотря на сопротивление всех других врачей, в самый нужный момент настоял на том, чтобы он оставил все дела и отправился в Европу. У дядиного компаньона были точно такие же симптомы, а теперь его внезапно разбил паралич, и он вряд ли поправится.
Очень приятно слышать, как Эрнеста хвалят, и это удовольствие выпадает мне довольно часто, потому что меня постоянно навещают его друзья и с жаром рассказывают о его искусных руках. Одна женщина поведала мне, как во время болезни её молоденькой дочери он каждый день молился с ней, так умело врачуя ей душу, что всякий страх перед смертью растаял без следа и под конец она уже с радостным нетерпением ждала дня своего ухода, — да так и ушла, со счастливой улыбкой на устах. Кажется, он тоже как-то упоминал об этом случае, но ни словом не обмолвился, что именно ему удалось подготовить больную девушку к смерти. Я и представить себе не могла, что он на такое способен.

24 февраля

Эрнеста нет уже неделю. Его матери стало хуже, и он уехал. Я тоже хотела поехать с ним, но он сказал, что дело того не стоит, потому что ему придётся сразу же вернуться. Пока Эрнеста нет, его больными занимается доктор Эмбери, а миссис Эмбери и тётушка с детьми забегают ко мне почти каждый день. Миссис Эмбери нравится мне всё больше и больше. Она совсем не так бойка на язык, как я, но мне кажется, что она соглашается со мной гораздо чаще, чем сама готова в этом признаться.

25 февраля

Эрнест пишет, что мать его опасно больна, и, судя по его письму, он совершенно подавлен. Я-то, эгоистка, хочу, чтобы он любил только меня одну, — но ведь я же сама возненавидела бы его, не люби он свою мать! Бедный мой Эрнест! Если она умрёт, он совсем потеряется от горя!

27 февраля

Она умерла в тот же самый день. Как мне хочется скорее броситься к нему и утешить! Ни о чём другом я даже думать не могу! Днём и ночью я молюсь, чтобы Бог помог мне быть для него лучшей женой.
Вместе с письмом Эрнеста пришло ещё одно, от мамы. Кажется, она скучает по мне гораздо сильнее, чем говорит. Как только Эрнест вернётся домой, я упрошу его позволить ей приехать и поселиться с нами. Я уверена, что он согласится; он уже её любит, а теперь, когда его матушки не стало, моя мама станет для него настоящим утешением. Я не сомневаюсь, что вместе с ней наш дом может стать только счастливее.

28 февраля

Какой кошмар! Весь день я плачу и обзываю себя самыми дурными прозвищами, какие только могу придумать. Эрнест пишет, что они решили продать старый дом и развезти оставшихся членов семьи по родственникам. На нашу долю достались его отец и сестра Марта, и теперь Эрнест хочет, чтобы я немедленно приготовила для них две комнаты.
Вот так из моей замужней жизни одним махом выхватили всю красоту и радость! И удар этот нанесла мне рука, которую я больше всего люблю. Никогда не могла бы подумать, что он способен на такую жестокость!
Меня буквально разрывает на части от противоречивых чувств и мыслей. В один момент я вся переполняюсь нежностью и состраданием к бедняжке Эрнесту и готова чем угодно жертвовать ради его удовольствия. Через минуту я горько обижаюсь за то, что он вот так единолично, не спрашиваясь, растоптал моё счастье. Вот если бы он посоветовался со мной и позволил мне войти в его интересы и заботы! Не такая уж я и эгоистка, чтобы не понять, как всё это важно и нужно! Но он навязывает мне двух совершенно незнакомых людей и навсегда закрывает двери нашего дома для моей мамочки. Потому что она, конечно же, не сможет жить с нами, если приедут эти двое.
И кто знает, что это за люди? Я не с каждым смогу сойтись, и не каждый способен ужиться со мной. Вот если бы вместо Марты нам досталась Хелен, это было бы хоть каким-то облегчением. Я наверняка смогла бы полюбить её, и она тоже приспособилась бы ко мне. Но всякие там Марты... их я откровенно побаиваюсь. Ой, мамочка, какое же змеиное гнездо расшевелили во мне все эти события! Разве можно думать лишь о своём несчастье в то время, как матушку Эрнеста, которую он так любил, только-только похоронили? Сердца у меня нет, я чёрствая и холодная, как каменный истукан. Как хорошо наконец-то увидеть, что я на самом деле за человек!
Записав всё это, я попыталась рассказать обо всём Богу, но от слёз не могла вымолвить ни слова. Тогда я пошла и начала убирать и готовить комнаты. Сколькими милыми вещицами я собиралась украсить нашу лучшую комнату для гостей, которую думала отдать маме! Я заставила себя украсить и убрать всё точно так же для отца Эрнеста. Я притащила туда своё любимое мягкое кресло, стоявшее до сих пор в моей комнате. На небольшой столик рядом с ним мы положили Библию с крупно напечатанными буквами, — а ведь я так долго мечтала видеть здесь милое, бледное лицо моей дорогой мамочки, чтобы она год за годом сидела тут, в этом кресле! Единственное, что я оставила себе, это папин портрет. Это-то ему уж никак не понадобится!
Когда всё было готово, я пошла и погрозила кулаком существу, выглянувшему на меня из зеркала.
— Что, получила? — воскликнула я. — А ты ведь не хотела отдавать ни кресло, ни столик, ни Библию, в которой собиралась записать имена своих десяти детей! Но ничего у тебя не вышло! Вот так!

3 марта

Они приехали вчера вечером, около семи, как раз к чаю. Я так была рада снова заполучить себе Эрнеста, что даже к нашим гостям отнеслась с приветливой учтивостью. Однако Эрнест тут же вывел меня из себя, назвав меня полным именем, Кэтрин, — хотя знает, что я терпеть не могу это имя и люблю, чтобы меня называли Кэти (как будто я и вправду самая милая и ласковая девочка на свете). Конечно же, и его отец, и Марта тоже начали называть меня полным именем.
Его отец ещё выше, чем сам Эрнест, кожа его ещё смуглее, а глаза и волосы — ещё чернее, чем у сына.
Марта — старая дева.
Я приготовила для них чудесный ужин, думая, что после дороги им захочется съесть что-нибудь посытнее. Может, конечно, в разнообразном наборе деликатесов и было какое-то проявление тщеславия, и я заслуживаю того унижения, которое испытала, увидев, как оба наших гостя с отвращением оттолкнули от себя тарелки. Эрнест тоже поморщился от досады и выразил сожаление о том, что на столе не оказалось ничего, что было бы им по вкусу.
Марта пробормотала, что от молодых хозяек многого ожидать не приходится, и я втайне на неё обиделась, потому что и прекрасный сдобный хлеб, и другие лакомства, стоявшие на столе, были делом рук вовсе не молодой неопытной хозяйки, а старой кухарки Хлои, которая уже двадцать лет заправляет кухней дома у тётушки.
Сразу после неудавшегося ужина Эрнест отправился к доктору Эмбери справиться насчёт своих пациентов, а мы втроём провели вместе скучнейший вечер, так как я могла думать только о том, когда же он вернётся. Чем больше я старалась думать о чём-то другом, тем труднее мне было сосредоточиться.
Наконец, Марта спросила, во сколько мы завтракаем.
— Ровно в половине восьмого, — ответила я. — Эрнест очень пунктуально относится к завтраку. А вот для обеда и ужина у нас нет строго определённого часа.
— Это очень поздно, — отрезала она.— Отец поднимается очень рано, и завтрак ему нужно подавать немедленно.
Я сказала, что прослежу, чтобы ему подавали завтрак так рано, как он только пожелает, — хотя предвидела, что для этого придётся сразиться с гневным божеством, полновластно царящим у нас на кухне.
— Не стоит беспокоиться. Я сама переговорю об этом с братом, — отчеканила Марта.
— А Эрнест этим не занимается, — быстро ответила я.
Она посмотрела на меня так, как будто от изумления утратила дар речи, а потом в комнате воцарилось долгое молчание, во время которого она то и дело покачивала головой. Наконец она вопросила:
— Вы что, сами пекли хлеб, который был сегодня за ужином?
— Нет, я вообще не умею печь хлеб, — ответила я, улыбаясь тому явному ужасу, который вызвали у неё мои слова.
— Не умеете печь хлеб? — воскликнула она.
Тут в меня не иначе, как вселился сам дух проказливости, и я с невинным видом спросила:
— Нет. А Вы что, умеете?
Теперь я знаю, что, пожалуй, существует один единственный вопрос, который был бы для неё ещё большим оскорблением: «А знаете ли Вы Десять заповедей?»
Старая дева, которая всю жизнь провела на ферме, — да чтобы она не умела печь хлеб!!!
Но уже через секунду мне стало стыдно, и я раскаялась в том, что не удержалась и забыла о вежливости к своей гостье, да ещё только что приехавшей от смертного одра своей матери. Я бросилась к ней через всю комнату, схватила её за руку и горячо выпалила:
— Пожалуйста, простите меня! Я не подумала, прежде чем это сказать!
Она в немом изумлении уставилась на меня, по-видимому, не заметив ничего такого, что ей нужно было бы прощать.
— Как Вы меня напугали! — сказала она. — Я уж подумала, Вы внезапно помешались.
Я вернулась на своё место, весьма подавленная. Всё это время отец Эрнеста молча сидел в углу, серьёзный и угрюмый. Но тут он заговорил:
— А в котором часу мой сын проводит семейную молитву? Мне хотелось бы подняться к себе. Я очень устал.
Наша семейная молитва по вечерам состоит в том, что перед сном мы с Эрнестом рука об руку встаём на колени в своей комнате возле кровати. Ужаснувшись при мысли о том, что нам придётся изменить этот драгоценный домашний обычай, я быстро ответила:
— Ой, знаете, трудно сказать заранее, как получится. По вечерам Эрнеста часто не бывает дома, и иногда мы не ложимся допоздна. Я надеюсь, что Вы не будете чувствовать себя обязанным его дожидаться.
— Я надеюсь, что исполню свой долг, чего бы мне это ни стоило, — ответил он.
Ах, как же мне хотелось, чтобы они уже отправлялись спать!
Было уже десять часов, и я совсем устала и изнервничалась. Обычно если Эрнест задерживается допоздна, я ложусь на диванчик и дожидаюсь его, а когда он приходит, встречаю его вся свежая и отдохнувшая. Но теперь мне пришлось терпеливо высиживать время до его прихода, даже не зная, долго ли ещё придётся ждать. Чем бы себя занять? Я помешала огонь и при этом опрокинула каминные щипцы и совок для угля. Потом я откинулась на спинку стула и посидела так. Потом снова наклонилась вперёд, прислушиваясь, нет ли на лестнице шагов. Наконец он пришёл.
— Как, вы ещё не спите? — спросил он. Как будто бы я могла пойти спать! — ведь после его приезда мы виделись буквально несколько минут!
Я объяснила, почему мы не ложились. После совместной молитвы мы с ним проводили гостей в их комнаты. Потом мы вернулись в гостиную — и как же я была рада наконец-то успокоить свою измученную душу в родных объятиях Эрнеста и послушать его немногословный рассказ о последних часах жизни матери.
— Теперь тебе придётся любить меня ещё крепче, — сказал он. — Ведь я потерял своего самого близкого друга.
— Конечно, милый, — сказала я. Как будто это возможно, любить его ещё крепче! Всё время, пока мы разговаривали, сверху доносился ужасный грохот и скрежет, но Эрнест как будто ничего не замечал. А сегодня утром обнаружилось, что то ли сама Марта, то ли её отец, то ли оба вместе передвинули всю мебель в его комнате, и теперь на неё страшно смотреть.

Глава XI

10 марта

Всё гораздо хуже, чем я могла себе представить. По всей видимости, Эрнест взглянул на меня глазами своего отца (который не иначе как страдает разлитием желчи и относится ко всему с подозрительным предубеждением) и теперь относится ко мне гораздо прохладнее, чем до отъезда домой. Марта всё ещё отказывается есть как следует, проглатывает ровно столько пищи, чтобы еле-еле поддерживать своё существование, и восседает за столом с видом мученицы. Отец её питается исключительно сухим печеньем и компотом из чернослива, а поев, вперяет в меня свои скорбные глаза и с печальным осуждением следит за каждой ложкой, которую я отправляю в рот, по-видимому, недоумевая, как это можно набивать себе желудок таким количеством нездоровой пищи.
К тому же Эрнест явно проводит со мной гораздо меньше времени, чем раньше, и каждый вечер только и делает, что читает и пишет у себя в кабинете.
Вчера я вернулась домой после приятной прогулки, которая очень меня подбодрила. К тому же мне удалось забежать к тётушке, и за ужином я начала оживлённо и весело рассказывать о последних проказах ребятишек. Никто не улыбнулся и вообще никак не отреагировал на мой рассказ, а после ужина Эрнест отвёл меня в сторонку и сказал — правда, мягким и добрым голосом, — но всё-таки сказал:
— Моей жёнушке придётся теперь вести себя осмотрительнее и думать о том, как и что она говорит в присутствии моего отца. Он

страшно боится всего, что хоть сколько-то отдаёт легкомысленным смехотворством.
Тут все скопившиеся запасы моего гнева разом взорвались:
— А-а, теперь мне всё понятно! — с горячностью воскликнула я. — Ты вместе с папочкой и сестрицей задумал втиснуть меня в такие узюсенькие рамки, что и дышать нельзя! Я это сразу увидела, как только вы приехали! Только знаешь ли, даже втроём вам со мной всё равно не справиться! И в том, что я говорила, не было ничего плохого! — совершенно ничего плохого! А если ты женился на мне только ради того, чтобы сделать из меня замороженную куклу, так чего же ты мне раньше этого не сказал, пока у меня ещё было время передумать?
Эрнест стоял передо мной с таким видом, как будто ему надо было разрешить трудную задачу, но он не знал даже, с какой стороны за неё взяться.
— Да самое лучшее во мне — это моя душа! — кричала я. — Девушка моего возраста и не должна вести себя как сорокалетняя женщина! Если твоему отцу я не нравлюсь, то пусть отправляется куда угодно, — только нечего ему нашёптывать тебе про меня всякие глупости, чтобы ты становился чёрствым и холодным, как камень! Вот моя мама наоборот любила, когда я рассказывала ей всякие весёлые истории, и лучше бы я осталась с ней навсегда!
— Ты действительно жалеешь, что вышла за меня замуж? — серьёзно спросил он. Его тревожный, вдруг охрипший голос сразу привёл меня в чувство.
— Нет, — ответила я. — Не жалею. Просто я сильно-сильно люблю тебя, а ты так сдержан и холоден, что сердце у меня всё изголодалось и истосковалось. А тут ещё ты привозишь отца и сестру — а ведь ты даже не спросил меня, согласна я или нет. И мама моя теперь не может к нам приехать, а ведь она живёт совсем одна, и это нехорошо! Кроме того, я всегда говорила, что мой муж должен принять в семью и мою маму. Я и не думала, что меня ждёт такое разочарование!
— Может быть, ты успокоишься немного и выслушаешь меня? — попросил он.
Но я никак не могла успокоиться. Во мне прорвались какие-то глубоко запрятанные заслонки, потоки слёз рвались наружу, и мне просто надо было все их выплакать. Если бы у меня был кто-то другой, с кем можно поделиться этими печалями, то я, наверное, нашла бы им выход, но не было никого, с кем я была бы вправе говорить о муже.
Эрнест молча ходил взад-вперёд. Ах, если бы он подошёл и обнял меня и я могла бы плакать у него на груди! Если бы мне только почувствовать, что он любит и жалеет меня!
Наконец, когда я немного успокоилась, он подошёл и присел рядышком.
— Для меня всё это — как гром среди ясного неба, — сказал он. — Я не знал, что из-за меня сердце твоё истосковалось и изголодалось. Я не знал, что ты хочешь привезти к нам маму. И я считал само собой разумеющимся, что моя жена, у которой такой возвышенный и героический характер, поддержит меня в исполнении всякого долга и с радостью примет моего отца и сестру в нашем доме. Я не знаю, что теперь делать. Может, отправить их куда-нибудь в другое место?
— Нет, нет! — вскричала я. — Просто говори со мной ласково, Эрнест, просто люби меня, просто смотри на меня своими, а не чужими глазами. Ты же знал все мои недостатки, когда женился, — я никогда их от тебя не скрывала.
— А ты думала, у меня самого их нет? — спросил он.
— Н-нет, — ответила я. — Я не видела в тебе никаких недостатков. Все вокруг говорили, какой ты благородный и замечательный, и потом тогда вечером ты прочитал такую чудесную проповедь...
— Что толку читать чудесные проповеди, если не можешь так же чудесно жить? — грустно произнёс он. — Как же это так получается? Мы с тобой, два христианина, допускаем, чтобы у нас в доме происходили подобные сцены. Неужели ты так и будешь изводиться из-за того, что я не могу любить так же яростно и пылко, как ты? И неужели мне придётся проводить жизнь в усталом отчаянии, зная, что я не способен насытить твою душу?
— Но Эрнест, раньше же у тебя получалось! — запротестовала я. — Ах, как я была счастлива в те первые дни, когда мы всё время были вместе и ты так любил меня!
С этими словами я соскользнула на пол и снизу вглядывалась в его бледное, беспокойное лицо.
— Девочка моя родная, — сказал он, — я и сейчас люблю тебя, даже больше, чем ты можешь себе представить. Но ведь ты не прикажешь мне оставить работу и всеми днями только и делать, что признаваться тебе в любви?
— Ты же знаешь, что я не дурочка, — вскричала я, — и с твоей стороны нечестно и несправедливо так говорить. Я не прошу ничего сверхъестественного. Мне просто хочется, чтобы каждый день ты хоть как-то проявлял ко мне любовь и внимание, — и мне просто кажется, что люби ты меня так сильно, как я тебя, это получалось бы у тебя совершенно естественно.
— Дело в том, — возразил он, — что я очень поглощён работой. Ты знаешь, сколько в ней беспокойства и по-настоящему серьёзных забот. Большую часть дня я провожу возле страдающих или умирающих людей. Может быть, из-за этого я и кажусь холодным и отстранённым, но поверь, я люблю тебя ничуть не меньше. Напротив, эти страдания постоянно напоминают мне, как коротка и печальна человеческая жизнь, и ты становишься для меня вдвойне дороже, ведь я понимаю, что и болезни, и смерть рано или поздно войдут и в наш дом.
Я прижалась к нему, когда он выговорил эти жуткие слова, и дикий ужас охватил меня.
— Ах, Эрнест, обещай, обещай мне, что ты не умрёшь первым! — взмолилась я.
— Глупышка, — улыбнулся он и вдруг сбросил с себя всякую сдержанность и стал таким милым и ласковым, о каком только может мечтать самое весёлое и нежное сердце на свете. Потом он снова посерьёзнел.
— Знаешь, Кэти, — сказал он, — мне кажется, если ты постараешься раз и навсегда запомнить, что я не умею проявлять свои чувства в пылких порывах и страстном пламени, как ты, но при этом всё равно люблю тебя всем своим сердцем, то тем самым ты убережёшь себя — да и меня тоже — от многих ненужных страданий.
— Но я хочу, чтобы ты проявлял свои чувства! — настаивала я.
— Тогда тебе придётся меня этому научить. А что касается моего отца и сестры, то, может, со временем мы придумаем, как облегчить тебе жизнь. А пока попробуй, пожалуйста, терпеливо переносить те неудобства, которое они тебе приносят, — ради меня.
— Да подумаешь, неудобства! Ах, Эрнест, ну почему же ты никак не можешь меня понять? Мне просто не хочется, чтобы они вклинивались между нами и настраивали тебя против меня.
Тут в дверь позвонили, и Эрнеста позвали к больному, — ещё удивительно, что до сих пор его не вызвали ещё раз сорок! — и он ушёл.
На душе у меня всё так же смутно и тяжко. Ну и чего я добилась этим скандалом? Абсолютно ничего! Бедный Эрнест! Как я могу так донимать его, когда ему и так несладко?

20 марта

Сегодня получила такое милое, такое чудесное письмо от мамочки. С какой дивной кротостью она принимает известие о том, что не сможет провести свои последние годы с нами! Как только подумаю об этом, на глаза наворачиваются слёзы. В чём же заключается тайна этого удивительного умения вот так сразу и радостно принимать Божью волю, какой бы она ни была? Ах, как бы и мне хотелось её узнать! Мама просит меня быть уважительной и приветливой по отношению к отцу и сестре Эрнеста и постоянно напоминать себе, что Небесный Отец специально дал мне такое испытание на самом пороге замужней жизни. Боюсь, что в пылу своего негодования на Эрнеста за то, что он привёз их сюда, я совершенно об этом позабыла.

3 апреля

Каждый день Марта с Эрнестом запираются в кабинете и просиживают там буквально часами. И ни от одного из них — ни малейшего намёка на то, чем они занимаются во время этих тайных встреч. Однако сегодня утром ко мне влетела наша верная, добрая кухарка Сара и объявила, что увольняется. Она сказала, что не станет жить сразу с двумя хозяйками, которые дают ей совершенно разные указания.
— Но хозяйка-то у нас одна, — возразила я. И тут выяснилось, что каждое утро Марта спускается на кухню, чтобы самолично приглядеть за мыльным отваром, следит за тем, чтобы не переводили зря муку, масло и яйца, и всё время ищет, на чём ещё можно сэкономить. Я вспомнила, что она спрашивала меня, слежу ли я за всем этим. По всей видимости, эти обязанности у неё стоят наравне с чтением Библии и молитвой.
Как только Эрнест освободился, я тут же примчалась к нему и излила ему своё возмущение.
— Знаешь, дорогая, — сказал он, — а может, тебе и правда передать ведение хозяйства Марте? И она будет довольна, и ты избавишься от многих мелочных и нудных забот.
Я прикусила язык, чтобы не сорваться и не наговорить чего-нибудь сгоряча, и снова отправилась к Саре.
— А если хозяйством займётся мисс Эллиот, а я перестану вмешиваться, Вы останетесь?
— Вот уж нет! Я её терпеть не могу — и видеть не хочу, как она всё время скряжничает и ужимается, сквалыга этакая!
— Что ж, тогда нам придётся Вас отпустить, — сказала я с достоинством, хотя внутри готова была разреветься. Когда же Сара пришла к Эрнесту за расчётом, он сам попытался уговорить её.
— Моя сестра возьмёт всё хозяйство в свои руки, — начал он.
— Да и пожалуйста, мне-то что? — воскликнула Сара. — А только мне она не нравится и не понравится никогда.
— Нравится она вам или не нравится, — продолжал Эрнест, — это отношения к делу не имеет. Можете не любить её сколько Вам угодно, только не уходите от нас.
— Ну уж нет, я не собираюсь оставаться, чтобы она всё время мною помыкала! — настаивала Сара.
В конце концов, она всё-таки ушла. Нам пришлось самим готовить ужин. Вернее, готовила Марта, потому что я, по её словам, только путаюсь под ногами и своей неловкостью действую ей на нервы. Я же совершенно сбилась с ног, надеясь подыскать какого-нибудь ангела с поварёшкой, который согласился бы жить в нашем раздёрганном семействе. Всё идёт совсем не так, как я себе представляла! Я-то хотела иметь весёлый, уютный дом, где сама была бы душой всякой радости, — безоблачный, спокойный дом, как у тётушки. Но отец Эрнеста сидит в углу, как туча угрюмого молчания, и одним своим присутствием давит на меня, как какой-то кошмарный сон. Марта не любит и презирает меня. Эрнест поглощён своей работой, и я почти его не вижу. Когда ему нужен совет, он идёт к Марте, а я сижу, оплёванная, униженная и пристыжённая, и спрашиваю себя, зачем он вообще на мне женился. Но иногда это отчаяние нарушается минутами безудержной радости. Эрнест становится совсем таким же, каким был в первые счастливые дни медового месяца, и я вмиг забываю обо всех обидах, ловлю каждое его слово и каждый взгляд, до краёв опьянённая блаженством.

2 октября

У нас снова получился скандал. Я долго сдерживалась, но потом взорвалась так, что всё вокруг разлетелось на тысячу кусочков. Последнее время за столом Эрнест всё время ухаживает за отцом и Мартой, а меня совершенно игнорирует. Казалось бы, мелочь — но она так взвинтила и расстроила мои и так порядком потрёпанные нервы, что в конце концов я прямо-таки вышла из себя. Вчера пока эти трое преспокойно поглощали завтрак, я сидела над пустой тарелкой, смотрела на них, и внутри у меня всё кипело. Тут Эрнест обратился к Марте, и его слова стали для меня последней каплей:
— Марта, если у тебя будет сегодня время, зайди, пожалуйста, ко мне на полчасика. Мне надо с тобой посоветоваться насчёт...
— Да ладно, — сказала я, вставая со своего места и чувствуя, как лицо моё заливается краской, — не надо никуда уходить, чтобы от меня избавиться. Я сама уйду, и можете секретничать себе, сколько хотите, без меня — и завтракать тоже!
Не знаю, что поразило меня больше: ошеломлённое и печальное лицо Эрнеста или тот быстрый взгляд, которым обменялись Марта с отцом.
Он не удержал меня, и я отправилась наверх, донельзя жалкая и несчастная. Я слышала, как он прошёл к себе в кабинет, взял шляпу и ушёл обходить больных. Какой несчастной и одинокой я чувствовала себя, пока его не было! Я то начинала упрекать себя, то сердилась из-за нескончаемой череды мелких обид, которые и привели к сегодняшней безобразной сцене.
Наконец Эрнест вернулся.
Он был немного бледен и выглядел расстроенным.
— Ах, Эрнест! — воскликнула я, бросаясь к нему. — Прости, что я так себя вела! Но я, право, не могу больше терпеть всего, что у нас происходит. Я совсем измучилась. Все говорят, что я страшно похудела. Вот, пощупай мои руки, они все горят.
— Я знал, что ты увидишь свою неправоту и раскаешься, родная моя, — сказал он. — Да ты и правда вся горишь, бедная.
Наступило долгое, страшное молчание. Но про себя я всё время лихорадочно говорила, и он, по-моему, тоже. Я умоляла и просила Бога помочь нам не отдаляться друг от друга, не потерять ни одной капли любви друг к другу; просила Его помочь мне понять своего дорогого, любимого мужа, и помочь ему понять меня.
Наконец Эрнест заговорил.
— Чем же ты так расстроена, лапушка? Чего ты не можешь больше терпеть? Расскажи мне. Я твой муж, я люблю тебя и хочу, чтобы ты была счастлива. В чём дело?
— В чём дело? Ну как же — у тебя от меня сплошные тайны, ты относишься ко мне, как к малому ребёнку, и советуешься обо всём с Мартой. А последнее время ты как будто совсем забываешь, что я тоже сижу за столом, — никогда за мной не ухаживаешь и ничего мне не передаёшь!
— Тайны? — переспросил он. — Какие у меня могут быть тайны?
— Не знаю, — устало выдохнула я, откидываясь на спинку дивана. — Право, Эрнест, я не хочу ничего требовать, не хочу тянуть одеяло на себя, но мне так плохо!
— Да, я вижу, бедная ты моя девочка. И если сегодня за столом я позабыл о тебе, то понятно, почему ты так рассердилась. Я понял, как это произошло. Пока ты разливала кофе, я занялся отцом и Мартой и позабыл о тебе. Я не оправдываюсь, просто объясняю. Оправданий тут быть не может, и мне ужасно стыдно за своё поведение.
— Не надо так говорить, родной, — воскликнула я. — Это мне должно быть стыдно за то, что подняла столько шума из-за какого-то пустяка.
— Это не пустяк, — возразил он. — А теперь давай поговорим обо всём остальном. Наверное, я действительно не подумал и в самом деле чересчур часто советуюсь обо всём с Мартой. Но у нас в семье она всегда была чем-то вроде общепризнанного оракула, мы все прислушиваемся к её мнению, да и к тому же она намного старше тебя. Теперь насчёт тайн. Марта приходит ко мне в кабинет, чтобы помочь мне привести в порядок учётные книги. Я их что-то подзапустил, и она милостиво согласилась подсчитать все наши доходы и расходы и вообще вести все денежные дела.
— А что, разве я не могла тебе в этом помочь?
— Нет. Да и зачем тебе забивать такими вещами свою хорошенькую головку? Однако, давай продолжим. Я понимаю, что с моей стороны было довольно глупо сразу не объяснить тебе, в чём тут дело. Но на меня свалилась одна большая и пренеприятная обязанность. Может быть, тебе станет легче, если я всё тебе расскажу. Я не говорил о ней только потому, что хотел защитить тебя от лишнего беспокойства.
— А разве жена не должна делить с мужем все его заботы и трудности?
— Нет, не должна, — ответил он. — Но теперь я расскажу тебе всё. Отец занимался торговлей в нашем родном городе и многие годы преуспевал. Потом же дела приняли иной оборот, он терпел убыток за убытком, и наконец у него остался лишь старый дом, да и тот заложен-перезаложен. От мамы мы всё это скрывали. У неё было хрупкое здоровье, и мы никогда не рассказывали ей о

неприятностях, от которых её можно было уберечь. Теперь, когда её не стало, мы решили продать дом, разделить семью и расселить всех по родственникам. Видя, как другие страдают от его убытков, отец впал в страшную душевную подавленность, — ты сама видишь, какой он сейчас. Тогда я взял его долги на себя и надеюсь, что с Божьей помощью когда-нибудь выплачу всё до конца. До тех пор нам придётся жить скромно и экономно. Как раз сейчас я должен срочно выплатить деньги по двум долговым бумагам. Наверняка именно из-за этого я и выгляжу таким занятым и погружённым в себя, и неудивительно, что ты перестала меня понимать и у тебя зашевелились подозрения. Но теперь, лапушка, ты знаешь всё.
Я остро ощутила, как по-детски несправедливо вела себя до сих пор, и сказала об этом Эрнесту.
— Эрнест, милый, — добавила я, — пожалуйста, не обижайся на мои слова, но всё-таки ты сам меня до этого довёл, потому что не позволил мне сразу же разделить с тобой это бремя. Расскажи ты мне обо всём с самого начала, я бы сразу отнеслась с сочувствием и к твоему отцу, и к тебе самому. Мне было бы понятно, почему понадобилось расселить семью по разным домам и привезти отца с Мартой сюда, и я не расстраивалась бы так из-за мамы.
— Прости меня. Мне тоже очень жаль, что так получилось. — сказал он. — Было бы очень приятно жить здесь с нею вместе. Но приедь она сейчас, вряд ли мы смогли бы обеспечить ей счастливую жизнь.
— Да и места нет, — вставила я.
— Действительно нет, и мне, право, очень и очень жаль. А теперь моей милой лапушке-жене придётся стать ещё терпеливее к своему глупому, непутёвому муженьку. Теперь, когда всё ясно и понятно, давай попробуем ещё раз начать сначала. В следующий раз не надо ждать, пока чаша терпения переполнится через край. Как только я обижу тебя невниманием или ещё чем-нибудь, сразу приди и скажи мне об этом, ладно?
Тут я начала мысленно обзывать себя самыми нелестными прозвищами, какие только можно было придумать.
— Раз уж об этом зашла речь, можно мне ещё кое-что спросить? — наконец заговорила я. — Почему вместо Марты нам нельзя было взять Хелен?
Он слегка улыбнулся.
— Ну, во-первых, Хелен просто-напросто не вынесла бы необходимости ухаживать за отцом, когда он в таком состоянии. Она слишком молода, чтобы взять на себя такую тягостную обязанность. Во-вторых, она поехала жить к нашему брату, Джону, — а его жена была бы просто подавлена присутствием Марты и отца. Она одна из тех мягких, хрупких и деликатных женщин, чью душу легко сломать одним небрежным прикосновением. А ты совсем не такая. У тебя хватит силы характера на то, чтобы ужиться с ними в одном доме, не теряя при этом достоинства и, несмотря на любые обстоятельства, оставаться собой.
— А я думала, ты уважаешь Марту больше всех на свете и хочешь, чтобы я во всём походила на неё.
— Я действительно её уважаю, но хочу, чтобы ты была похожа не на кого-то другого, а только на саму себя.
— Но ты просто убил меня, когда посоветовал мне следить за тем, что и как я говорю в присутствии твоего отца.
— Да, лапушка. Это было глупо с моей стороны. Но видишь ли, у отца раз и навсегда сложился образ идеальной женщины, и этот идеал — моя мать. В ней не было столько жизни и веселья, как в тебе, и ей, наверное, тоже было бы странно слышать некоторые из твоих забавных словечек.
Я не удержалась и потихоньку вздохнула, подумав о том, что за люди живут со мной в доме и следят за каждым моим словом.
— Я сам, — добавил Эрнест, — не вижу ничего дурного в твоей весёлости и смешливости. Но у отца свои взгляды на то, каким должен быть характер верующего человека, и он никак не может понять, что истинная ревностность по Богу вполне может сосуществовать с жизнерадостностью.
Тут ему снова надо было идти, и мы попрощались так горячо, как будто расставались на неделю, — этот разговор удивительно сблизил нас. Теперь я понимаю его как никогда раньше. Он открыл передо мной дверь своего сердца, позволил мне увидеть свои тревоги, и в этой откровенности я увидела такую любовь к себе, которая ничуть не меньше той, что я обрушиваю на Эрнеста во всех своих диких выходках, ласках и глупых речах. Как это благородно с его стороны, вот так принять на себя долги отца! Я непременно должна придумать, как ему в этом помочь.

Глава XII

6 ноября

И в этом помогла мне тётушка. Конечно, я не могла рассказывать всё в подробностях. Я осторожно призналась ей, что Эрнесту нужны деньги для благородной цели и что я хотела бы ему в этом помочь. Она ответила, что её ребятишкам давно пора брать уроки музыки и рисования и она будет очень благодарна, если я соглашусь взять их в свои руки. Вообще-то тётушка не собирается щеголять успехами маленьких гениев, но, по-моему, я поступила правильно, приняв её предложение, — в конце концов, должны же дети уметь играть на пианино, немного петь и рисовать. Понятно, что к нам они приходить не смогут, отец Эрнеста ни за что не вынес бы такого шума. Кроме того, я решила сделать Эрнесту сюрприз и никому ничего не говорить о своей задумке.

14 ноября

Последнее время Марта многозначительно поджимает губы в моём присутствии, и я понимаю, что она особенно мною недовольна. Сегодня вечером Эрнест пришёл домой довольно поздно. Я лежала в кресле-качалке и ничего не делала, отдыхая после того, как целый день учила своих юных сестрёнок и братишек. А Марта сидела рядом и что-то нервно шила со скоростью десять узлов в час (кстати, это первый в моей жизни каламбур!).
— Зачем ты так поздно сидишь, да ещё и шьёшь с такой бешеной скоростью, а, Марта? — спросил Эрнест.
Перед тем, как ответить, она дёрнула нитку, оборвала её, вдела новую и снова начала шить.
— Тебе же, наверное, нравится носить крепкие рубашки, а не те, что все в дырах, — сказала она.
И тут я увидела, что она шьёт ему новую рубашку. Меня бросило сначала в жар, потом в холод. Что подумает обо мне Эрнест!
А вот что он думает о ней, совершенно ясно, потому что он с особой (для него) теплотой сказал:
— Спасибо тебе огромное.
Да какое она имела право рыться в его вещах и проверять состояние его гардероба? Если бы я не была так занята всеми этими уроками, то и сама бы увидела, что ему нужны новые рубашки, и немедленно бы этим занялась. Правда, надо признаться, что я терпеть не могу шить рубашки. Я не удержалась и дала Марте понять, что я глубоко оскорблена. Она защищалась, говоря, что «молодёжь, она и есть молодёжь, одни гулянки на уме, какие уж там мужнины рубашки». Я, конечно, сама виновата в том, что она считает меня ветреной бездельницей, но всё равно сержусь на неё. Ну почему, почему вместо неё не приехала Хелен? Она была бы для меня замечательной подругой и сестрой, — не то, что эта старая... не скажу, кто именно.
И всё же, если подумать, у меня есть столько поводов чувствовать себя счастливой! Во что бы я превратилась, если бы не было никаких испытаний?

15 ноября

Сегодня на Марту напало небывалое рвение навести чистоту во всём доме. Она и меня втянула в это дело, расписав передо мной всю греховную и жалкую сущность тех заблуждающихся людей, которые считают, что слуги умеют как следует подметать, чистить и отскребать. Вообще-то я давно решила, что не позволю ей держать себя под башмаком. Но каким-то непонятным образом она

начала распоряжаться и командовать мной до такой степени, что после сегодняшней уборки у меня едва хватает сил, чтобы написать вот эти несколько строчек. Неужели весь долг женщины заключается в том, чтобы содержать дом в угнетающей чистоте и порядке? Чтобы постоянно что-то варить, печь, солить и мариновать, залезать на самую верхнюю полку шкафа, чтобы проверить, не скопилась ли там пыль, и непременно самолично, на четвереньках, инспектировать ковёр? Дело всё в том, что у нас с Мартой нет абсолютно ничего общего — ни-че-го! Казалось бы, мы обе любим Эрнеста, и одно это должно нас объединять! Но она своей любовью развращает его характер, а я пытаюсь всегда взывать к его лучшим чувствам. Она считает, что я должна чуть ли не пресмыкаться перед ним в раболепном поклонении. Стоит ему войти в комнату, я сразу же должна вскакивать и подавать ему свой стул, да ещё и беспрекословно потакать его гастрономическим капризам и подавать на стол всякую гадость. И при этом мне полагается чувствовать себя польщённой, если он благосклонно принимает от меня все эти услуги! Я думаю, что это он должен вставать и предлагать мне стул, потому что я женщина и его жена, а подобное раболепство унизительно и для него, и для меня. И, боюсь, я высказываю Марте все эти соображения самым неудобоваримым для неё способом.

18 ноября

Ах, я так безумно счастлива, что хочу петь от радости! Мой милый Эрнест приготовил мне такой удивительный сюрприз. Оказывается, он уговорил Джеймса приехать сюда и поступить здесь в колледж, а потом начать учиться у него медицине. Милый, чудный, дорогой мой Джеймс! Он приезжает завтра. Ему приготовили маленькую спаленку в конце коридора, и он будет жить с нами несколько лет! Кроме приезда самой мамы, лучше приезда Джеймса и придумать ничего нельзя! Мы так друг друга любим и прекрасно вместе уживаемся. Интересно, что он подумает о нашей угрюмой Марте и её меланхоличном отце?

30 ноября

Джеймс приехал, и из-за этого весь дом уже кажется светлее и приветливее. Его совершенно не раздражают ни Марта, ни её отец, да и он тоже им, по-видимому, понравился, хотя он на редкость жизнерадостный и беспечный. Марта остаётся верным приверженцем своей теории о мужчинах и женщинах и, когда Джеймс входит в комнату, немедленно поднимается и предлагает ему свой стул! Он притворяется, что ничего не заметил, и вместо этого мигом предлагает ей кресло! Правда, она находит утешение, глядя на то, как он поглощает всю приготовленную ею еду, — наверное, считая такое самозабвенное поедание её обедов и ужинов молчаливым признанием своих достоинств.
Сегодня приходила миссис Эмбери. Она говорит, что у отца Эрнеста нет ничего серьёзного, он просто ипохондрик. Я не очень хорошо знаю, что это такое. По-моему, так называют людей, которым постоянно кажется, что они больны, когда никакой болезни и в помине нет. Всё равно. Да вот хоть ты, милый мой Дневничок, — приятно бы тебе было жить с людьми, которые так себя ведут? Во-первых, он говорит исключительно о своей воображаемой болезни. Он берёт из кабинета книгу за книгой и изучает своё заболевание до умопомрачения. В один прекрасный день он объявляет, что наконец-то понял: во всех его болячках виновата печень. Он тут же круто меняет свою диету, Марта облепляет его горчичниками, и он жить не может без маленьких голубеньких таблеточек. Через пару дней выясняется, что с печенью-то как раз всё в порядке, а всё дело в опухоли мозга. Горчичный пластырь перекочёвывает на шею, отец Эрнеста торжественно с нами прощается, совершенно уверенный в том, что пробил его последний час. Однако проснувшись-таки утром, он понимает, что выжил, и начинает обвинять во всех болезнях своё сердце. Он часами считает свой пульс, отказывается подыматься с места и ходить, чтобы не вызвать учащённого сердцебиения, и призывает нас всех готовиться последовать за ним в мир иной. Всякий гость непременно выслушивает всю историю от начала до конца, всякий прописывает ему что-то своё, а он по очереди пробует каждое средство. Когда ничего не помогает, он погружается в ещё большую мрачность. Он жалуется, что Бог навеки покинул его, что грехи его бесчисленны, как песчинки на морском берегу. Я, как дурочка, выслушиваю рассказы обо всех его меняющихся симптомах и настроениях и совершенно искренне верю, что он вот-вот умрёт. Я обтираю ему голову, считаю пульс, обмахиваю его самодельным веером и записываю предсмертные наставления для утешения Эрнеста, когда отца не станет. А ещё я часами разговариваю с ним о Боге, пока Марта печёт и варит на кухне или делает сладкие пирожки с изюмом и орехами. Дай ему съесть такой пирожок, и потом, даже если запихнуть в него всю Библию в один присест, эффекта не будет абсолютно никакого.
Сегодня я стояла за спинкой его кресла, придерживала ему голову и нашёптывала разные утешительные стихи из Библии, которые, как мне казалось, должны бы его успокоить. Тут в комнату влетел Джеймс, напевая и подбрасывая в воздух свою студенческую шапочку.
— Поди-ка сюда, юноша, послушай мои последние слова. Я умираю. Конец близок, — проскрипел старик.
Услышав эти замогильные слова, Джеймс тут же оборвал свою песню.
— Знаете, сэр, с Вашей стороны было бы очень некрасиво умереть, не исполнив своего обещания. Вы же обещали подарить мне свою трость!
Ну как умрёшь с достоинством после такого? Бедняга старик сразу же оживился, но всем своим видом выражал крайнее оскорбление. Когда Джеймс вышел, он сказал:
— Мне, старцу, стоящему на краю могилы, весьма больно видеть, как легкомысленна нынешняя молодёжь.
— Но Джеймс совсем не легкомысленный, — возразила я. — Он просто весёлый.
— Кэтрин, дочь моя, — продолжал он. — Ты добра ко мне, старику, и, несомненно, обретёшь свою награду. Но я всё-таки не уверен в твоём положении перед Богом. Боюсь, ты обманываешь себя, и основание твоей надежды иллюзорно и призрачно.
Я почувствовала, как кровь приливает к моему лицу, и какое-то время просто не могла оправиться от поражения. Но как может простой смертный человек, не способный понять даже своё собственное положение перед Богом, судить о моём? Правда, он видит мои недостатки, — да они каждому видны, кто меня знает. Но ведь он не видит ни моих молитв, ни слёз стыда и раскаяния. Он не знает, сколько поспешных слов я подавляю в себе и как усердно, день за днём, стремлюсь поступать по правде даже в самых незаметных жизненных мелочах. Он не знает, что каждый раз, когда я целую его старое, морщинистое лицо, мне приходится просить у Бога помощи, чтобы обуздать свою брезгливую щепетильность. И то, что для него является добровольным поклонением Богу, для меня часто становится очередной попыткой отвергнуть себя. Но откуда ему это знать? Христианская жизнь — жизнь тайная, незримая, открытая только глазу, видящему сокрытое. И я верю, что такая жизнь у меня есть.
До сих пор я как-то исхитрялась вообще никак не называть отца Эрнеста и никак к нему не обращаться. Теперь я постараюсь заставить себя это изменить.

7 декабря

Джеймс — моя неизменная радость и гордость. Мы читаем и распеваем вместе, как раньше, пока учились в школе. Марта сидит рядом с шитьём и с выражением угрюмого одобрения на лице — в конце концов, он мужчина, ему всё можно! А ещё — как будто чаша моего счастья и так не переполнена до краев! — сюда вскоре должен приехать мой старый пастор и встать во главе здешней церкви, и я снова услышу с кафедры его любимый голос. Всё это дело рук Эрнеста. Он говорит, что состояние здоровья доктора Кэбота настоятельно требует перемены места жительства, а здесь, в городе, случись что, он сможет обратиться к лучшим хирургам. Я радуюсь и за себя, и за церковь, — только вот мама будет по нему сильно скучать.
В общем, я веду довольно деятельную и счастливую жизнь, хотя, по правде говоря, наверное, слишком много работаю. Во-первых, уроки, которые я даю детям; потом хлопоты по дому, на которые Марте всё-таки удаётся меня сподвигнуть; а ещё ведь мне надо

постоянно заниматься и упражняться самой, если уж я взялась кого-то учить. Столько всего приходится делать, что минутки нет свободной, да и на отдых почти не остаётся времени. Эрнест и сам страшно занят, так что, к счастью, не видит, как загнана его жена.

16 января 1838 года

Сегодня первая годовщина нашей свадьбы, и, как любой другой день, она принесла с собой и радости и горести. Я собиралась отпраздновать её так, чтобы угодить каждому в доме, и потратила довольно много времени на то, чтобы приготовить всем маленькие подарочки от нас с Эрнестом. А ещё я постаралась заказать хороший обед, особенно для папы. Да, сегодня я впервые решила называть его этим драгоценным именем, чего бы мне это ни стоило. Но сразу после завтрака он заперся у себя в комнате и отказался сойти к обеду. Это повергло нас всех в тоску и уныние. Потом в кухне разбили дорогое блюдо, и Марта чуть не лишилась дара речи, да так и не смогла потом обрести своё обычное хладнокровие. Но хуже всего было то, что Эрнест, который, конечно, совсем не сентиментальный человек, вообще ни словом не упомянул о нашей годовщине и ничего мне не подарил! Я весь день ждала, что он вот-вот сделает мне какой-нибудь небольшой подарочек — пусть даже совсем малюсенький! — но теперь уже слишком поздно. Он ушёл, и его, наверное, не будет весь вечер — так что день получился из рук вон.
Я ужасно расстроена. Кроме того, вспоминая весь этот год, первый год моего замужества, я осталась страшно собой недовольна. Я чувствую, что слишком часто вела себя глупо и эгоистично по отношению к Эрнесту, а к Марте относилась с такой неприязнью, как будто мне даже нравилось с ней воевать. А ещё я втайне презирала её отца со всеми его настроениями и припадками, бесконечными пластырями и коробочками из-под пилюль, попеременным обжорством и голоданием. Я не понимаю, как христианин может расти так медленно, как я, и с таким трудом стряхивать с себя дурные привычки?
Я перечитывала первые страницы дневника и дошла до того разговора с миссис Кэбот, где я перечисляла свои желания. Какие же они жалкие! Неужели мне действительно всего этого хотелось? Попробую лучше записать, чего мне больше всего хочется сейчас. Во-первых, если бы Бог сейчас заговорил со мной и предложил исполнить одно и только одно моё желание, ни секунды не колеблясь, я сказала бы: «Хочу любви к Тебе, Господи!»
Если бы можно было исполнить ещё одно желание, то я хотела бы быть совершенно бескорыстной и преданной женой. Я чувствую, как в глубине души маячит ещё одна, тайная мечта, о которой мне стыдно писать. Ах, если бы был какой-нибудь способ, какой-нибудь благочестивый способ избавиться от Марты и её отца! Я никогда не стану лучше, пока они здесь и всё время раздражают меня!

1 февраля

Эрнест рассказал мне об одной из своих пациенток, некой миссис Кемпбелл. Она серьёзно больна, но он говорит о ней так, как будто она самый солнечный и радостный человек на свете. Он редко говорит о своих больных. Он вообще редко о чём-либо говорит. Почему-то меня привлекло то, что он рассказывал, и я так усердно стала расспрашивать Эрнеста о ней, что он пообещал нас познакомить. Я с радостью ухватилась за эту мысль — и теперь только что вернулась от этой женщины. Меня так тронуло и взволновало то, что я увидела! Она не встаёт с постели, никак не может за собой ухаживать, и иногда боли её просто мучительны. Однако она встретила меня светлой улыбкой, и каким-то образом мы всё время проговорили обо мне, а не о ней. Жаль, что Эрнест оставил меня с ней наедине. При нём я была бы гораздо сдержаннее.

14 февраля

Миссис Кемпбелл так поражает и изумляет меня, что мне хочется приходить к ней снова и снова. Она производит такое впечатление, как будто её уже не касаются печали и горести, и поэтому на всех людей она смотрит с прямо-таки ангельской любовью и жалостью. Я с радостью готова пройти через любые испытания и скорби — только бы научиться смотреть на жизнь так, как она, только бы чувствовать, как чувствует она, и так же сильно любить Господа Христа. Когда я сказала ей об этом, она улыбнулась, но в её улыбке проскользнула тень грусти.
— Хоть Вы и завидуете мне, — сказала она, — я ещё не настолько сильна в вере, чтобы без дрожи думать о том, что Вам, такой молодой и пылкой девушке, быть может, придётся пройти через то, что выпало мне, — и всё лишь для того, чтобы усвоить несколько простых уроков. А ведь Бог был готов преподать мне эти уроки гораздо раньше и ни за что не стал бы брать в руки розги, послушайся я Его с самого начала.
— Но сейчас Вы счастливы, — сказала я.
— Сейчас да, — ответила она, — и это счастье стоит всех пережитых страданий. А когда моя плоть вздрагивает при воспоминании обо всём, что пришлось вынести, вера в Бога поддерживает меня. Но расскажите мне немного о себе, милая. Мне так хотелось бы помочь Вам, если конечно, получится.
— Знаете, миссис Кемпбелл, — начала я, — по-моему, есть такие испытания, которые не приносят нам никакой пользы, а только лишь вызывают в нас самые дурные страсти и чувства.
— Мне ещё не приходилось видеть таких испытаний, — сказала она.
— Ну, а если бы Вам пришлось жить под одной крышей с человеком, чей характер и привычки полностью противоречат Вашим? Если бы этот человек был неспособен понять Вас и постоянно служил для Вас преткновением?
— Если бы жизнь рядом с таким человеком приносила мне много горя, я, наверное, попросила бы Бога освободить меня от этого испытания, если так будет лучше. Однако если Бог считает, что такое соседство для меня сейчас полезнее всего, тогда я попыталась бы понять почему. Обычно Бог допускает подобные вещи по двум причинам. Во-первых, из-за того блага, которое этот человек может принести мне. И, во-вторых, из-за того блага, которое я могу принести ему.
— Но в моём случае ни тот, ни другой человек не приносят друг другу ни малейшей пользы!
— Не забывайте про ту скрытую пользу, которую могут принести самые неуживчивые, самые трудные люди. Во-первых, подумайте о том самообладании и самоотверженности, которых требует от нас уже одно их присутствие. Потом, с ними наш земной дом становится менее уютным и приятным, чем был бы без них, — и тогда наш Небесный дом начинает манить нас к себе с новой силой.
— Но если человек не умеет владеть собой, постоянно вспыхивает и раздражается? — возразила я.
— Если этот человек — христианин, — серьёзно ответила она, — то я сказала бы, что ему-то как раз и необходимо испытание, которому Бог сейчас подвергает его с помощью такого вот ежечасного искушения. Мы начинаем узнавать себя по-настоящему лишь тогда, когда сила обстоятельств вынуждает нас быть самими собой.
— Как же это тяжко и стыдно — вдруг обнаружить собственную слабость!
— Это и правда больно. Но стыд — это один из искуснейших Божьих целителей, способных освободить нас от гордыни и тщеславия.
— Так значит, Вы и вправду полагаете, что порой Бог намеренно ставит Своих детей в такие обстоятельства, где проявляются их худшие пороки и страсти, — и тем самым извлекает благо из того, что кажется нам злом? Надо же! А я-то всегда думала, что для меня самое лучшее и полезное — это иметь дом точь-в-точь по моим мыслям, где все были бы терпеливы, любили друг друга и никогда не раздражались — чтобы и здесь, на земле, у нас был уголок небесного рая!
— Но если Ваш дом не таков, не Вы ли сами в этом виноваты, а?

— Ну конечно, — кто же ещё? Но ведь я и хочу жить с терпеливыми людьми как раз потому, что сама такая вспыльчивая и раздражительная.
— Как это великодушно с Вашей стороны, — лукаво промолвила миссис Кемпбелл.
Я покраснела, но всё-таки продолжала:
— Я прекрасно знаю, какая я эгоистка. Поэтому мне и хотелось бы жить с самоотверженными людьми, чтобы брать с них пример и чтобы они всегда помогали мне идти вперёд и стремиться к горнему, вышнему.
— Но если Бог назначает Вам совершенно иной удел, можете не сомневаться: Он точно знает, что сейчас Вам нужно совсем не то, чего хотелось бы. Вы только что говорили, что готовы пройти через любые испытания, только бы обрести личную любовь к Самому Христу, чтобы она потом стала главенствующим принципом всей Вашей жизни. Так вот: лишь только Бог замечает в человеке такое желание, Он немедленно назначает ему как раз такие испытания и уроки, которые, в конце концов, приведут его к исполнению этого желания. Видите, как Он мудр и добр?
Я долго размышляла перед тем, как ответить. Неужели Бог и впрямь хочет, чтобы я не просто терпела Марту и её отца в своём доме, но и радовалась тому, что Бог специально предназначил их для того, чтобы делать нашу семейную жизнь труднее и горше?
— Спасибо Вам за то, что помогли мне это увидеть, — сказала я наконец.
— Мне бы хотелось сказать ещё кое-что, — помолчав, добавила миссис Кемпбелл. — Мы слишком часто смотрим на других людей с точки зрения своих предрассудков. Конечно, наши ближние ошибаются, у них есть свои недостатки и пороки, и они порой вызывают в нас самые подлые и низменные чувства. Но ведь в них не всё зло, у них тоже есть свои добродетели. Когда их пороки пробуждают в нас дурные чувства, им, наверное, тоже становится стыдно и горько при виде нашего рассерженного лица. Знаете, мне кажется, что самые лучшие, самые полезные и смиренные люди, чьи молитвы достигают Божьего слуха и возвращаются к ним обильными благословениями, часто обладают довольно неприглядными привычками и чертами характера — но именно эти привычки и становятся для них наилучшей школой. Уже один стыд за самих себя толкает этих людей ближе и ближе к Богу. В Его присутствии они чувствуют себя в безопасности. Они лежат у Его ног в пыли и прахе стыда и смятения — но всё это время Он бесконечно любит их и охотно откликается на их просьбы.
— Спасибо Вам! Вы так утешили меня! — сказала я.
Сердце моё переполнялось. Мне хотелось и дальше сидеть рядом с ней и слушать, слушать, слушать. Но было видно, что силы её на исходе. По дороге домой я чувствовала себя, как рыбак, наловивший полную корзину рыбы. Я всегда ужасно радуюсь новым идеям, и поэтому решила, что извлеку из Марты и отца всю возможную пользу. Когда, сняв шляпку и пальто, я направилась вниз к чаю, то чувствовала себя не иначе, как святой великомученицей, которой вот-вот достанется золотой венец.
Но очутившись за столом, я увидела, что нам привезли совершенно испорченное масло. Марта ещё раньше настояла, что лишь она способна выбирать его лучше всех, заказала сколько-то из своей деревни, и вот теперь передо мной было такое масло, которое невозможно было взять в рот — и вообще стыдно было поставить на стол. Я с отвращением оттолкнула от себя тарелку.
— Надеюсь, Вы заказали не очень много этого дрянного масла! — воскликнула я.
Марта ответила, что масло самое первосортное, Эрнесту и отцу оно нравится. Они оба с ней согласились, что с их стороны было ужасно некрасиво и несправедливо. Тогда я ринулась в жаркий спор с Мартой по поводу масла. Эрнест же сохранял то зловещее молчание, по которому я знаю, что он мною недоволен. Я ещё пуще рассердилась и заспорила ещё ожесточённее. Лучше бы он прямо взял и сказал: «Кэти, ты ведёшь себя как ребёнок, и тебе лучше помолчать!»
— Марта, — настаивала я, — Вы утверждаете, что масло хорошее, только потому, что сами его заказали. Ну, признайтесь, что это так, и я больше слова не скажу!
— Я не могу ни в чём признаться, — возразила она. — Масло у миссис Джоунс всегда самое лучшее. Никто никогда на него не жаловался. Вы просто чересчур избалованы, вот и всё.
— Вовсе нет! И Вы ни за что меня не убедите, что если в масле ещё осталась несбитая пахта, то оно самое лучшее и его можно подавать на стол!
Эта речь была моим коронным номером. Пора уже показать ей, что по вопросам масла я вполне осведомлена, хотя и не выросла в деревне, где его сбивают каждый день.
Но тут вмешался Эрнест.
— Мне кажется, вы обе правы, — сказал он. — Миссис Джоунс сбивает превосходное масло, но в этот раз у неё получилось не очень хорошо. Я уверен, что в будущем она исправится, и следующая партия будет удачной, а пока то масло, что уже привезли, можно пустить на тминное печенье.
Это был его коронный номер! Пустить целый бочонок масла на тминное печенье!
Теперь Марта напала на него, а я улизнула к себе и теперь сижу и горько переживаю собственную глупость и слабость, из-за которых подняла столько шуму из ничего. Ну какая может быть польза от жизни вместе с людьми, которые обожают прогорклое масло и спорят со мной по всякому пустяку?

Глава XIII

1 марта

Сегодня тётушка пригласила всех нас на обед, чтобы отпраздновать пятнадцатилетие Люси. Эрнест говорит, что с того самого дня, когда она показала себя настоящей героиней и практически спасла жизнь малышке Эмме, тётушка не знает, как выразить ей свою благодарность, и всячески её балует. Как ни странно, Люси чувствует ко мне необъяснимую привязанность, и когда мы появились, она даже встретила нас с неким подобием сердечной теплоты.
— Благодаря тому, что сегодня день моего рождения, — сказала она, — мама позволила мне принести Вам приятную весть. — К нам только что прибыл некий друг, которого Вы очень любите, и ему не терпится прижать Вас к своей груди.
— Прижать меня к груди? — вскричала я. — Что за глупости ты несёшь? — а в следующую минуту оказалась в маминых объятиях! Именно Люси, которую я так презирала, сделала мне такой чудесный сюрприз! По-видимому, тётушка предложила ей самой выбрать себе подарок к дню рождения, и та, основательно поразмыслив, решила, что приятнее всего ей будет вновь увидеть мою родную мамочку! Кстати, Дневничок, ты ведь так и не знаешь, почему я не ездила летом домой, — и никогда не узнаешь! Конечно, если ты подумаешь, что я почему-то не смогла этого сделать, — пожалуйста, думай что хочешь!
Ах! Как же было чудесно повидать мамулю и прочитать на её добром, милом лице, что она довольна своей глупой и упрямой дочкой и всё так же любит её! Мне только хотелось, чтобы Эрнест пришёл поскорее, и мама, увидев нас вдвоём, убедилась, как сильно он меня любит.
Он пришёл. Я кинулась к нему навстречу и нетерпеливо потащила его в комнату. Но он почему-то вёл себя так неловко, как будто ничего не понимал. Пока мы обедали, я всё время ждала от него какого-нибудь словечка или нежного взгляда, чтобы мама увидела, как хорошо мы понимаем друг друга, — но напрасно.
— Ничего, что-нибудь обязательно будет, — думала я. — Когда мы останемся втроём, мама увидит, как он любит меня.
Но время шло, а этого «чего-нибудь» так и не было. Я расстроилась и надулась, и мама спросила, хорошо ли я себя чувствую. Понятно, что всё это ужасно глупо, но я просто хотела, чтобы мама своими глазами увидела, что, несмотря на все мои недостатки, Эрнест всё-таки любит меня. Кроме того, я почувствовала ещё один укор совести — за то, что так незаслуженно осуждала бедняжку Люси. Даже если её чувства не такие пылкие и порывистые, как у меня, это ещё не даёт мне основания считать её бессердечной. Вот, вечно я так! Надеюсь, что не стану больше так сурово судить о людях.

30 апреля

Мама только что уехала. Её приезд так сильно мне помог! Она тут же обнаружила уйму всяких достоинств в отце Эрнеста — и даже увидела много доброго в нашей Марте. Мама говорит, что страдания отца вовсе не выдуманные, а настоящие; вся беда в том, что он никак не может определить источник своей болезни, а поэтому сначала морит себя голодом, а потом сразу съедает слишком много. Она попросила меня не добавлять себе в будущем угрызений совести, осуждая его сейчас, и настойчиво уговаривала относиться к нему с дочерней привязанностью — неважно, откликается он на неё или нет. Что касается Марты, мама говорит, что я даже представить себе не могу, как много она делает для того, чтобы сократить наши расходы, соблюдать порядок в доме и освобождать нас всех от лишних забот.
— Но мам, — возразила я, — ты видела, какое ужасное у нас масло? Это всё она виновата!
— Но ведь это масло скоро закончится, — ответила она. — Не стоит изводить себя из-за такого пустяка. Для меня это большое облегчение — знать, что у моей девочки с её хрупким здоровьем есть такая надёжная опора.
— Нормальное у меня здоровье, — сказала я.
— Ты стала совсем бледная и очень похудела.
— Да ладно, — отмахнулась я, но мама тут же принялась давать мне уйму советов насчёт того, чтобы не лазать по приставным лестницам, не вставать на стулья, чтобы добраться до верхней полки, не проводить так много времени за шитьём, — ну, и всё такое прочее.

15 июня

Не знаю, почему я чувствую себя такой вялой и тупой — может, из-за погоды. Даже начинаю думать, что присутствие Марты в доме вовсе не такое уж несчастье. Только что вернулась от миссис Кемпбелл. В ответ на поток моих горестных жалоб, она взяла какую-то книжечку и прочитала мне несколько строчек, которые назывались, по-моему, «Четыре шага, ведущих к покою».
«Стремись исполнить волю другого человека, нежели свою.
Всегда стремись иметь меньше, а не больше.
Всегда стремись занять самое низшее место и почитать себя ниже других.
Всегда желай того и молись о том, чтобы Божья воля беспрепятственно совершалась в твоей жизни».
Эти наставления поразили меня, но я безнадёжно сказала:
— Если до покоя можно добраться только таким путём, то я наверняка навсегда останусь несчастной.
— А сейчас Вы несчастны? — спросила миссис Кемпбелл.
— Да, сейчас да. То есть, не то, чтобы у меня совсем не было счастья. Просто я так устала и измучилась от того, что хожу и хожу кругами, опять совершаю всё те же грехи, всё так же каюсь и совершенно не продвигаюсь вперёд.
— Девочка моя, — сказала она, немного помолчав. — А достаточно ли ясно и чётко ты понимаешь, что именно сделал и делает Христос для человеческой души?
— Не знаю. Ну конечно, я более или менее понимаю, что моё спасение зависит только от Него — это Его дар.
— Но понимаешь ли ты так же ясно и чётко, что и освящение твоё тоже является Его даром, таким же, как и спасение?
— Нет, — ответила я, подумав. — Я всегда считала, что Он Своё дело сделал, и теперь моя очередь делать то, что зависит от меня.
— Ласточка ты моя дорогая, — сказала она с нежностью и добротой. — Тогда первое, что тебе нужно, — это узнать Христа.
— Но как?
— На коленях, девочка моя, на коленях!
Я видела, что она устала, и поспешила уйти. Но с того дня провожу на коленях довольно много времени.

1 июля

По-моему, я начинаю осознавать (пусть даже смутно, но всё-таки по-настоящему), что тот изматывающий труд, который я силилась совершить сама, и в самом деле принадлежит Христу, и именно Он должен сделать то, что задумал, — и непременно сделает! Эта мысль приносит мне несказанное удовольствие. Почему же до сих пор я никак не могла этого понять — особенно после письма доктора Кэбота? Но даже сейчас всё это кажется мне туманным и не вполне понятным. Если весь труд принадлежит Христу, то что же тогда должна делать я? И разве мне не говорили столько раз с самого детства, что христианская жизнь — это борьба, и я должна сражаться как добрый воин Иисуса Христа?
5 августа
Доктор Кэбот прибыл как раз в самый нужный момент. Мне так хочется поговорить с ним подольше, как в старые добрые времена, ведь его слова всегда меня подкрепляли. Депрессия совсем меня задавила, из-за неё я сама себе в тягость. И бедняжке Эрнесту тоже достаётся: целый день ходит по больным, так что дома ему нужно видеть хоть одно радостное лицо. Правда, сам он утешает меня и говорит, что это всё от физической слабости и со временем пройдёт. Последнее время он так ласков и нежен! Он насыщает моё сердце до краёв, только из-за этой вялости я не могу радоваться ему, как хотела бы. Папа тоже стал меньше говорить о своих печалях и много заботится обо мне. Что до Марты, я уже давно махнула на неё рукой — всё равно от неё не дождёшься ни сочувствия, ни любви. Наверное, она ничего не может с собой поделать и обращается со мной сухо и сурово, а мне так хочется броситься к ней и умолить её проявить ко мне чуточку жалости и сострадания, чтобы она хоть раз улыбнулась мне и дала понять, что простила меня за то, что Эрнест женился на мне, а я совсем не такая жена, какую желала для него она.

4 октября 1838 года

«Матушке моей дорогой Кэти,
Я знаю, Вы порадуетесь вместе с нами, потому что мы с Кэти стали счастливыми родителями прелестного, здоровенького мальчика. Моя дражайшая жёнушка посылает Вам «океан любви» и говорит, что завтра непременно напишет сама. Как Вы сами понимаете, я вряд ли позволю ей это сделать. У неё всё хорошо, и мы оба бесконечно благодарны Богу.
Ваш любящий сын,
И. Э. Эллиот»

Миссис Крофтон — матери Кэти, миссис Мортимер:

«Я уверена, дорогуша, что наш доктор написал тебе строчек пять, не больше, о великом событии, всколыхнувшем наш домашний мирок. Наверняка, тебе хочется знать все подробности, так что я решила отписать всё как следует... Стоит ли говорить, что наша Кэти держалась замечательно. Было просто удивительно видеть, как самоотверженно и предупредительно она себя вела. Доктор смело может ею гордиться, и я так ему об этом и сказала, прямо в присутствии его жуткой сестрицы. В жизни не встречала такого колючего, такого жёсткого и несгибаемого человека, как она! Она совершенно не понимает Кэти и неспособна её понять. Признаюсь, я с трудом верю, что жизнь рядом с таким человеком действительно может быть для кого-нибудь полезной школой, — хотя и понимаю, что способность уживаться с другими важнее любого самого приятного дома. И тем не менее, я вижу пользу от такой школы прямо здесь, перед собой, и не в каком-нибудь абстрактном смысле, а на деле. Кэти становится всё более выдержанной и терпеливой, и её христианский характер развивается на диво быстро и хорошо. Я всё равно надеюсь, что со временем Господь избавит её от такого тяжкого испытания. Более того, я совершенно уверена, что Он так и поступит, когда это испытание сделает своё дело и принесёт всю пользу, которую только может принести. Марта Эллиот — хороший человек, но в её благих намерениях и делах нет ни красоты, ни милости. Она безупречная сиделка и делает для Кэти абсолютно всё необходимое, так что та всегда, как говорится, одета с иголочки, и комната её всегда сияет чистотой и порядком. Но от Марты не дождёшься ни ласкового слова, ни обнадёживающей улыбки, ни деликатной, терпеливой снисходительности — а ведь именно они так украшают комнату больного и озаряют её, как солнечным лучом. Правда, есть в этом одно утешение: раз такое дело, я сама могу баловать Кэти, сколь душе угодно!
Что до малыша, то он замечательный, здоровенький мальчуган, и его мама так счастлива, что может, пожалуй, и обойтись без остальных радостей жизни. Через пару дней напишу ещё. А пока не сомневайся: я обожаю Кэти почти так же, как ты сама, и постараюсь быть с ней почти всё время, пока она не поправится окончательно».

Джеймс — своей матери:

«Конечно, на всём белом свете не найдёшь такого чудесного малыша. Кэти совсем сошла с ума от счастья, так что её невозможно заставить ни есть, ни спать, ни делать всё остальное, полагающееся по этому случаю, что предписывает юной мамочке её очаровательная золовка. Кэти сейчас такая хорошенькая, что просто загляденье! Надеюсь, наш доктор влюблён в неё по уши, даже больше, чем я. Он и сам молодец, и Кэти просто идеально ему подходит».

4 ноября

Моему дорогому сыночку сегодня месяц. Он самый замечательный карапуз на свете! Я так его люблю, что ночами не сплю, а всё гляжу на него. Марта со своей привычной сухостью твердит, что лучше бы мне начать спать и есть и именно этим проявлять свою любовь к ребёнку, но Эрнест говорит, что так оно и будет, когда я немного окрепну. Но почему-то лучше мне не становится, и это меня удручает.

26 ноября

Я немного окрепла и приободрилась, и мне уже не так тяжело садиться и писать. За последние несколько недель мне пришлось пережить такое откровение боли и такое откровение радости, какие и представить-то почти невозможно. Но для меня распахнулся совершенно иной, новый мир — мир, полный страдания, ведущего к невыразимому счастью! Ах, мой милый, прелестный, чудесный малыш! Как мне благодарить Бога за то, что Он даровал его мне?
Теперь я понимаю, почему Господь насадил шипов в мою семейную жизнь. Если бы не они, я была бы слишком счастлива. Сейчас, как будто, совсем неподходящее время жаловаться, и всё-таки мне становится немного легче, когда я пишу о своих испытаниях и искушениях, поскольку говорить о них мне не с кем. Всё время, пока я болела, Марта была такой холодной, такой бесчувственной, что иногда мне казалось, что чаша моих испытаний вот-вот перельётся через край. Она вытаскивала меня из постели, когда от слабости всё казалось мне обременительным, когда мне стоило только сесть, и я сразу падала в обморок. Я слышала, как она бормочет себе под нос, что с такой конституцией нечего выходить замуж. Самой ужасной была ночь, когда родился малыш. Она всё время уговаривала Эрнеста пойти и прилечь, тревожилась, что он замучит себя до смерти, — но для меня у неё не нашлось и слова сочувствия. Но зачем, зачем я снова вспоминаю всё это и снова тревожу себе сердце? Почему не думаю только о своём драгоценном малыше, о любимом муже и обо всех других радостях, благодаря которым в нашем доме всё равно царит счастье, несмотря на это вот единственное неудобство? Я надеюсь, что всё же усваиваю кое-какие уроки благодаря и радостям, и испытаниям; что и те, и другие сделают меня усердной и ревностной и помогут мне всегда оставаться такой.

4 декабря

Из-за имени для нашего сыночка поднялась целая буря. Я, естественно, думала, что мы непременно назовём его Реймондом, в честь моего папы. Мне казалось, что хотя бы этим мы сможем немного порадовать мамочку, ведь ей сейчас так одиноко. Милая моя мама! Все эти годы я даже представить себе не могла, чего ей стоило родить и воспитывать меня! Но, оказывается, у Эллиотов заведено, что в семье непременно должен быть Иофам, так что с незапамятных времён старший сын обязан передать имя отца своему первенцу, и Эрнеста самого на самом деле зовут Иофам Эрнест — ну и сочетаньице, я вам скажу! Второе имя ему добавила мама, несмотря на всё семейное сопротивление. Вообще, по поводу имени Эрнест повёл себя очень благородно и сказал, что ему, в принципе, всё равно. Но он был так доволен, когда я решила не нарушать их семейную традицию, что я чувствую себя более чем вознаграждённой за принесённую жертву.
Отец пребывает в наимрачнейшем состоянии. Сегодня, когда я взяла малыша на руки и начала его целовать, он вдруг заговорил:
— Надеюсь, дочь моя, что ты постоянно молишься Господу о том, чтобы Он сохранял тебя от идолопоклонства.
— Нет, папа, — ответила я. — Об этом я никогда не молюсь. Идол занимает в сердце то место, которое должно принадлежать только Господу, а малыша я люблю совсем не так.
Он покачал головой и сказал, что сердце человеческое более всего лукаво и крайне испорчено.
— А мама говорит, что можно любить всё земное так сильно, как хочешь, если только любишь Господа ещё больше, — сказала я. Я могла бы добавить, что каждый день молюсь о том, чтобы любить и малыша, и Эрнеста всё больше и больше, — но, конечно, не стала ничего такого говорить. Бедный папа, по-видимому, расстроился и обеспокоился тем, что я уже сказала, и, немного поразмыслив, снова заговорил:
— Всемогущий Бог велик и страшен. Он не потерпит Себе соперников. Ему надо отдать всё сердце целиком — или не отдавать ничего. И когда я вижу, что молодая женщина может быть так поглощена земной тварью, как ты поглощена этим младенцем и своими друзьями, я трепещу от страха за тебя, трепещу и дрожу!
— Но папа, — возразила я, — ведь это Бог дал мне малыша — и Он же дал мне сердце, такое, какое есть.
— Да, но это сердце должно быть обновлено.

— Я надеюсь, что оно уже обновлено, — ответила я. — Конечно, в нём ещё столько всего должно измениться. Но чем больше оно будет меняться, тем сильнее я буду любить всех вокруг. Неужели Вы этого не понимаете, папа? Неужели не видите, что чем больше мы становимся похожими на Христа, тем больше наполняемся любовью ко всему живому?
Он снова покачал головой, но надолго задумался, как задумывается всякий раз, когда слышит от меня что-то, что считает дерзким. Я же расстроилась из-за того, что позволила себе с ним заспорить, — а ещё из-за того, что, по-моему, просто хотела похвастаться своей благоприобретённой мудростью. И потом, может, он в чём-то и прав? Может, я и впрямь превратила Эрнеста и малыша в своих идолов?

16 января 1839 года

Сегодня исполнилось два года со дня нашей свадьбы. Помня о прошлогоднем разочаровании, я ничего особенного не ждала. За завтраком отец был чрезвычайно угрюм и, поев, сразу же удалился и заперся у себя. Никто не мог войти к нему, чтобы убрать в комнате и заправить постель, и к обеду он спуститься не захотел. Удивляюсь, что Эрнест позволяет отцу так себя изводить. Но ведь это его принцип — пусть каждый поступает так, как ему заблагорассудится. Меня он вообще балует. После обеда он подарил мне книгу, которую я уже давно хотела иметь и просила Эрнеста купить её мне — «Подражание Христу». С того самого дня у миссис Кемпбелл я чувствовала, что эта книга должна мне понравиться, хотя раньше считала, что она учит слишком уж трудным вещам. Я прочитала Эрнесту вслух «Четыре шага, ведущих к покою». Он сказал, что это замечательно, взял у меня книгу и сам начал её читать, перелистывая то туда, то сюда. Тут я подумала, что у нас с ним и так мало времени наедине, а тут драгоценные минуты ускользают за чтением. Я уже начала сердиться, как вдруг у меня в голове молнией пронеслись слова: «Всегда стремись иметь меньше, а не больше». Наверное, в них больше имеется в виду отношение к земному богатству, но я и так презираю деньги и презираю людей, любящих деньги. Больше всего на свете я жажду не серебра и золота, а любви и уважения своего мужа. Так неужели же мне и тут надо «всегда стремиться иметь меньше, а не больше»? Сначала я пыталась сама ответить на этот трудный вопрос, но ничего не придумала. Но потом я тихо помолилась о том, чтобы быть довольной той долей моего желанного «богатства», которую определил для меня Бог — хотя я всегда жажду, да, жажду большего! — и тогда, пусть даже ненадолго, но всё же почувствовала блаженный покой и удовлетворение, которые успокоили и утешили меня. Но как только я достигла этого умиротворённого состояния, Эрнест отбросил от себя книгу, подошёл ко мне и подхватил меня в свои объятия.
— Милая моя лапушка, — сказал он, — я благодарю Бога за то, что два года назад в этот самый день взял тебя в жёны. Я не мог бы придумать ничего мудрее и лучше, чем влюбиться в тебя до безумия, потерять голову и жениться!
Чтобы мой дорогой молчаливый муженёк да произнёс этакую речь! Я всегда так радуюсь и удивляюсь, когда он вдруг делает или говорит что-то такое, что ему совершенно не свойственно. Какой он милый! Теперь-то мир воистину прекрасен и все, живущие в нём, прекрасны тоже! Когда Эрнест ушёл, я пошла вниз, столкнулась на лестнице с Мартой — и тут же обняла её и поцеловала. От изумления она даже рот открыла.
— Что за живчик такой! — пробормотала она себе под нос. — Наплачется, и тут же смеётся, — как с гуся вода!
И вздохнула. Неужели под этой суровой и строгой оболочкой всё-таки кроется хоть чуточка тепла — а, может, даже и тайная боль? Я снова взбежала по ступенькам и спросила как можно участливее:
— Почему Вы вздыхаете, Марта? Вас что-то беспокоит? Может, я Вас чем-нибудь обидела?
— Да уж пожаловаться не могу! — ответила она и, оттолкнув меня, прошагала к себе в комнату.

Глава XIV

30 января

Кто бы мог подумать, что мне снова придётся вспомнить о бедной Сьюзан Грин! Сегодня доктор Кэбот пришёл ко мне с весьма странным известием. Оказывается, та самая сиделка, которая когда-то прибирала тело Сьюзан, с полгода назад заболела, и доктор Кэбот время от времени её навещал. Врач сказал, что для выздоровления ей нужны только покой и отдых, да ещё хорошая сытная пища, чтобы восстановить силы. Однако она всё никак не поправлялась, и, в конце концов, выяснилось, что она не могла питаться так, как велел ей врач, потому что потеряла все деньги, которые когда-то откладывала. Узнав об этом, доктор Кэбот дал ей какую-то сумму из тех денег, что оставила после себя Сьюзан Грин, и при этом рассказал больной о том необыкновенном завещании. Тогда сиделка рассказала ему, что, войдя в тот день в комнату Сьюзан, она увидела, что мы с ней молимся, и поэтому постаралась не шуметь и тихонько присела в углу, чтобы не мешать. Потом она увидела, что я теряю сознание, и подскочила как раз вовремя, чтобы не дать мне упасть на пол.
— А посему, — продолжал доктор Кэбот, — я с радостью передаю небольшое наследство Сьюзан его законной владелице. И позволь мне от всей души поздравить тебя с тем, что тебе выпала такая удивительная честь. Ведь, может быть, тебе удалось привести эту бедную, заблудшую во мраке душу ко Христу, — пусть даже в самый последний момент.
— Ой, доктор Кэбот! — вскричала я. — Какое облегчение слышать такие слова! А я-то всё время упрекала себя за трусость, из-за которой так и не заговорила с ней о Спасителе. С человеком говорить гораздо страшнее, чем с Богом.
— Я убеждён, — ответил доктор Кэбот, — что на каждую молитву, произнесённую во имя Иисуса, непременно будет ответ. Ведь к такой молитве нас побуждает Святой Дух, а значит, эта молитва угодна Богу. Ты взывала к Богу с мольбой помиловать бедняжку Сьюзан. И если твоя просьба от её имени не была исполнена (а мы можем надеяться, что всё-таки была), тогда Он ответил на неё как-то иначе.
Эти слова поразили меня. Подумать только! — Бог отвечает на каждую, даже самую жалкую мою молитву! На каждую!
Потом доктор Кэбот снова вернулся к разговору про завещание и, несмотря на все мои протесты, упорно твердил, что законный наследник этих денег не он, а я. Он добавил, что эта сумма станет нам хорошим подспорьем в нынешних денежных затруднениях, появившихся из-за того, что Эрнест взял на себя долги отца. В одну секунду мой идол оказался грубо сброшенным со своего постамента. Как он мог доверить свои тревоги доктору Кэботу? А ведь вёл себя так, как будто поделиться этой тайной со мной, собственной женой, стоило ему невероятных усилий! Я едва не расплакалась от стыда и негодования, но всё-таки сдержалась и сказала, что лучше умру, но не допущу, чтобы деньги Сьюзан пошли на уплату наших долгов. Лучше уж раздать их беднякам — ведь если бы деньги и дальше оставались у доктора Кэбота, он именно так бы с ними и поступил. Тогда он посоветовал мне куда-нибудь вложить основной капитал, раз в год снимать накопившиеся проценты и раздавать их, смотря по нужде. Итак, теперь у меня всю жизнь будет возможность раздавать бедным около ста долларов в год. Замечательно! Я так рада этому внезапному удовольствию, что ничего лучше и придумать нельзя. Милая, бедная Сьюзан! Сколько сердец запляшет от радости благодаря её сбережениям!

25 февраля

Последнее время дела у нас идут совсем неважно. Я, конечно, очень люблю Эрнеста, но он сильно упал в моих глазах, рассказав всё доктору Кэботу. По-настоящему благородные люди не трубят повсюду о своей жертвенности. К тому же, день ото дня он становится всё холоднее, серьёзнее и строже. Он совершенно ушёл в себя, и я даже начинаю его побаиваться. Наверное, он горько во мне разочаровался, и теперь отгораживается от меня этим жутким молчанием. Ах, если бы я только могла угодить ему и знала, что он мною доволен, — жизнь была бы совсем иной!

Малыш, по-моему, тоже заболевает. Раньше я так гордилась тем, что у нашего сынишки отец врач, и думала, что это огромное преимущество, потому что Эрнест сможет распознавать самые первые признаки болезни и сразу же назначит нужное лечение. Но Эрнест почти не слушает меня, когда я говорю ему о своих беспокойствах, а если я о чём-то его спрашиваю, отвечает только: «Ой, да ты наверняка знаешь всё лучше меня. Матери же инстинктивно понимают, как управляться с детьми». Но мой инстинкт, должно быть, молчит, потому что я ничего не знаю и не понимаю! Вместо того чтобы тратить время на музыку, надо было учиться, как обращаться с ребёнком во всех случаях жизни, — ведь у малыша то потница, то понос, то ещё что-нибудь, и я просто не знаю, что делать. Раньше я потихоньку фыркала, презрительно наблюдая за издёрганными мамашами, жившими неподалёку, потому что у них постоянно случалось то одно, то другое. Марта, конечно, забирает малыша, когда у меня много дел. К тому же, в воскресенье днём она всегда отпускает меня в церковь и возится с ним сама. Но она тоже ничего не знает о том, как правильно с ним заниматься, как за ним ухаживать. Ах, если бы мамочка была здесь, со мной! Я совсем измучилась. Во-первых, ребёнок — кстати, по ночам он плохо спит, и я расхаживаю с ним по комнате, чтобы он своим плачем не будил Эрнеста. Потом, наш вечно мрачный отец, Марта, которая меня презирает. А теперь ещё и Эрнест от меня отгораживается. Из-за всего этого жизнь стала для меня настоящим бременем, и у меня нет сил, чтобы тащить его на себе, и как бы я хотела сбросить его навсегда!

3 марта

Если бы не Джеймс, я бы не выдержала и угасла. Он такой добрый и ласковый, с такой готовностью заполняет пустоту, которую я чувствую из-за Эрнеста, — а ещё он такой весёлый и солнечный, что я не могу всё время быть грустной. Малышок тоже настоящее сокровище, было бы ужасно омрачать его крошечную жизнь моей депрессией. Я стараюсь всегда ему улыбаться, потому что он уже отличает грустные лица от весёлых.
Я уверена, что в Евангелии непременно должны найтись какие-нибудь слова, которые утешили и поддержали бы меня посреди всех этих испытаний. Если бы только знать, как их найти, как протянуть руку, чтобы получить это утешение. Но пока мне грустно и одиноко. По утрам Эрнест часто радуется, что я так хорошо поспала, — а на самом деле я всю ночь провозилась с ребёнком, то и дело вставая к нему, полусонная, замёрзшая и до смерти уставшая. Но я решила, что он в любом случае должен высыпаться.

5 апреля

Вот и первые лучики весны, но с ними моя апатия и вялость только усиливаются. Марта никак не хочет понять, что всё этого из-за того, что мне приходится кормить такого большого и ненасытного ребёнка, что я недосыпаю и практически не выхожу на улицу. Она всё время ставит мне в пример людей, которые держат себя в руках, даже если им немного нездоровится, и прибавляет, что она-то лично всегда держится стойко несмотря ни на что. Вечером, когда малыш засыпает, я чувствую себя такой усталой, что не могу ничего делать, а только кое-как доползаю до диванчика, ложусь и тут же начинаю дремать. Марта же считает, что это всё лень-матушка, которую надо всячески изживать, и потому вечно придумывает способы заставить меня встряхнуться и сесть за работу. Будь у меня больше свободного времени для чтения, размышления и молитвы, мне было бы намного легче. Но всё утро я вожусь с малышом, пока он не заснёт. Когда он всё-таки засыпает, мне надо быстренько привести в порядок свою комнату, — так, глядишь, полдня и пройдёт. А к вечеру я так изматываюсь, что ничего не чувствую, кроме собственной усталости. К тому же, вечер — это моя единственная возможность повидать Эрнеста, и даже если я ухожу к себе, запираюсь и встаю на колени, то всё равно прислушиваюсь к его шагам на лестнице, готовая тут же вскочить и бежать к нему навстречу, если только он появится. Я знаю, что это нехорошо, но как мне жить, если он не говорит мне ни одного тёплого слова? Каждый день надеюсь, что он скажет хоть что-нибудь ласковое.

2 мая

Сегодня пришла тётушка. Мы с ней не виделись уже несколько недель. Увидев меня, она ахнула, всплеснула руками и заговорила с таким негодованием, как будто хотела хорошенько отругать Марту и Эрнеста (хотя, конечно, она вовсе не собиралась ничего такого делать).
— Ты не можешь одна вставать к малышу по ночам, — видишь, какой он стал большой? — сказала она. — А ещё тебе надо начинать его прикармливать, и ради него, и ради себя!
— Да я уж предлагала брать ребёнка на ночь, — вставила Марта, немного натянуто.— Но мне казалось, что его мамочка предпочитает оставлять его у себя.
— Так оно и есть, — вскричала я. — Ну как я могу поручить его кому-нибудь как раз сейчас, когда у него режутся зубки и он постоянно просыпается?
— А ты сама принимаешь что-нибудь укрепляющее?
— Нет, ничего, — ответила я.
— Значит, твоему доктору пора обратить на это внимание! — вскричала она. — Разве можно позволять тебе так изнурять себя? Ну-ка, дай мне ребёнка, я на него посмотрю. Да что же это, милочка? Ему давно пора прорезать дёсны!
— Да я Эрнеста уже пять раз об этом просила, — пожаловалась я. — Но ему вечно некогда, и он всё время говорит, что непременно прорежет, но как-нибудь в другой раз.
— Будем надеяться, что ребёнка не хватит родимчик, пока он дождётся этого другого раза, — сказала тётушка, свирепо взглядывая на Марту. Я ещё ни разу не видела тётушку такой рассерженной.
За обедом Марта вдруг заговорила:
— Эрнест, по-моему, тебе надо посмотреть ребёнка. Миссис Крофтон так говорит, она сегодня приходила. А ещё она говорит, что у Кэтрин началось истощение. Знай я об этом раньше, то сама бы ею занялась, и она бы быстренько у меня поправилась. Но ведь Кэтрин ни на что не жаловалась.
— Она никогда не жалуется, — вставил отец, и сердце моё так радостно подпрыгнуло от этой неожиданной похвалы, что я тут же залилась краской.
Эрнест взглянул на меня, когда румянец ещё не совсем сошёл.
— Выглядишь ты чудесно, милая, — сказал он. — Но если ты себя плохо чувствуешь, то непременно должна сказать нам об этом. А ребёнком я сейчас займусь.
Вот так! Стоило Марте сказать одно слово, он тут же послушался. А я хоть двадцать скажи, толку не будет.
Малышу сразу же стало намного легче, и он спокойно заснул. А у меня появилась возможность придти и принести своё измученное, удручённое сердце к ногам любящего, милостивого Спасителя и рассказать Ему то, о чём я не могу поведать ни одному человеку на свете. Как странно! Все те долгие годы, пока я была здорова и беззаботна, молитва оставалась для меня лишь обязанностью. А теперь это моё главное утешение, и я стараюсь урвать для неё каждую свободную минуту.
У миссис Эмбери родилась дочка. Как я за неё рада! И она собирается назвать малышку в честь меня! Мне ужасно приятно.

4 июля

Малышу сегодня десять месяцев, и, несмотря ни на что, он весел и здоров. Я сейчас дома, у мамы. Наконец-то Эрнест очнулся и увидел, что надо срочно что-то предпринимать, а когда он понимает, что надо что-то делать, то действует без промедлений. Поэтому-то он и привёз меня домой. Мамочка ног под собой не чует от радости, только чересчур сильно тревожится о моём здоровье. Но мне уже гораздо легче, и здесь я наверняка хорошо отдохну. Как это хорошо, чувствовать на себе любящие и дружелюбные взгляды; знать, что мои недостатки оправдают и простят, и видеть, как тепло и ласка пробуждают во мне всё самое лучшее. Кстати, я написала Эрнесту и в письме честно рассказала ему о своей обиде и негодовании на него за то, что он открыл нашу тайну доктору Кэботу.

12 июля

Эрнест ответил, что не рассказывал про наши денежные затруднения ни доктору Кэботу, ни кому другому, ведь такое дело, задевающее честь его отца, он считает священным и неприкосновенным, и не стал бы о нём распространяться.
«Вот ты пишешь, что я не понимаю тебя, — написал он дальше. — А ты уверена в том, что понимаешь меня?»
Конечно же, не понимаю! Как я могу его понять? Вот он — женился на мне и говорит, что женился с радостью, — почему же тогда он не хочет со мной бывать? Почему так равнодушно относится к моему здоровью, почему так сдержан и холоден? Как это объяснить?
Но его письма дышат добротой. На бумаге он гораздо ласковее, чем в жизни. Я жду его писем с нетерпением, а в ответ... хотя гордость подстрекает меня быть такой же сдержанной, как он, я не могу удержаться и изливаю на него такие потоки любви и ласки, что он, наверное, скоро в них утонет.
Мама говорит, что малыш у меня просто великолепный!

1 августа

Прощаясь с Эрнестом, я радовалась, что уезжаю. Я думала, что если меня не будет, то он, может быть, почувствует, что чего-то в жизни ему всё-таки не хватает, и потом, когда я вернусь, встретит меня хоть отчасти с прежней любовью и лаской. Но я была совершенно уверена, что ему ничего не стоит обойтись без меня до конца лета, и поэтому, когда нынче утром он вдруг объявился с чемоданчиком в руке, я только и могла, что броситься к нему, и долго плакала у него на груди, как уставший ребёнок.
И одновременно я, как дурочка, радуюсь, что теперь-то уж мама своими глазами увидела, как он любит меня!
— Как же у тебя получилось уехать? — спросила я наконец. — Почему ты вдруг решился приехать? И надолго ли?
— У меня получилось уехать, потому что я очень этого захотел, — ответил он. — А приехал я потому, что хотел приехать. И пробуду здесь три дня.
Целых три дня Эрнест будет только со мной! И больше ни с кем!

5 августа

Он уехал, но его приезд принёс мне море радости, и теперь у меня есть воспоминания о трёх счастливых днях.
Когда радость от первой встречи чуть-чуть улеглась, мы с ним уселись, наконец, вдвоём, чтобы наговориться всласть. Сначала Эрнест немножко пожурил меня за то, как несправедливо я о нём судила, полагая, что он открыл тайну своего отца доктору Кэботу.
— Всё гораздо хуже, — перебила я. — Я даже думала, что ты хвастался перед ним своей жертвенностью
— Так вот почему ты была так холодна! — протянул он.
— Холодна? Что за ерунда! — воскликнула я.
— Да, холодна. Я знаю тебя, и для тебя такое поведение было очень даже холодным, я это чувствовал. Разве ты не знаешь, что мы, сдержанные мужчины, предпочитаем любить вот таких обаятельных, ласковых малышек, как ты, просто потому, что вы — наша полная противоположность? А когда пушистый котёнок превращается в раздражённую, шипящую кошку, которая то и дело выпускает когти...
— Полно, Эрнест, ну что ты такое говоришь! Сравнивать меня с кошкой!
— Но за последнее время ты наговорила мне немало резкостей.
— Неужели? Что, правда? Ах, Эрнест, как же я могла!
— И как раз в тот момент, когда мне больше всего нужна была твоя помощь. Но давай больше не будем об этом. Мы любим друг друга, и оба стараемся поступать по правде во всех мелочах жизни. Вряд ли мы уж очень сильно разойдёмся в разные стороны.
— Но Эрнест... скажи мне... Ты сильно во мне разочаровался?
— Разочаровался? Кэти, что ты! Да как такое могло придти тебе в голову?
— Но тогда почему ты стал таким безразличным? Почему тебе понадобилось столько времени, чтобы заметить, что мы с малышом нездоровы?
— Я казался тебе безразличным? А мне казалось, что я никогда не любил тебя так сильно. Что касается здоровья, мне очень, очень стыдно. Я должен был видеть, как ты ослабла. Но, честно говоря, я обманывался потому, что с ребёнком ты всегда была так весела и довольна. Ты всегда ему улыбалась и казалась такой счастливой.
— Это из принципа, — горделиво ответила я и почувствовала себя возвышенной и благородной матерью.
Он глубоко задумался, и хотя я испробовала все обычные средства, чтобы его растормошить, всё было напрасно. Я подёргала его за волосы, потом потянула за ухо, потом легонько его потрясла, но он оставался неподвижным. Наконец он снова заговорил.
— Должен тебе признаться, лапушка, что, решив перевезти к нам отца и Марту, я не представлял себе, насколько утомительным станет для тебя их присутствие. Я не знал, что отец болен и что Марта окажется полностью противоположным тебе человеком. Я думал, отец займёт себя чтением и завяжет знакомство с соседями как раньше. Ещё я думал, что Марта поможет тебе своей рассудительностью и избавит от многих домашних хлопот. Но ничего подобного не получилось. Меня самого угнетает, когда я вижу, как отец сидит в углу, погружённый в мрачные думы. Я постоянно упрекаю себя за это решение и почти что боюсь возвращаться домой. Когда целый день человек видит лишь сцены страдания и слышит лишь стоны боли, конечно же, придя домой, ему хочется видеть там приветливые лица и радостные голоса. А тут ещё Марта относится к моей милой жёнушке с такой упорной... не скажу, чтобы враждебностью, но всё-таки... Как мне это назвать?
— Это просто недостаток сочувствия. Она слишком хороший человек, чтобы быть враждебной.
— Спасибо, родная, — сказал он. — По-моему, ты оцениваешь её по достоинству.
— Боюсь, я совсем не так снисходительно к ней отношусь, как надо бы, — сказала я. — Но, Эрнест, милый, — ведь это всё потому, что я ей завидую и ревную тебя к ней!
— Ну это уж совершенные глупости!
— Но ты и в самом деле обращаешься с ней гораздо уважительнее, чем со мной. Её ты слушаешь, а мной пренебрегаешь. По крайней мере, мне так казалось.
— Лапушка моя, ты всё не так поняла! Я старался дать Марте то, чего она больше всего желает. Она любит, чтобы её уважали и почитали. А тебе я старался дать то, чего, как мне казалось, ты жаждешь больше всего, — самую нежную свою любовь и ласку. А ещё я думал, что найду у тебя сочувствие и поддержку посреди испытаний, которые меня отягощают, что со своей сильной, выносливой натурой ты поможешь мне с ними справиться. Я знаю, родная, что тебе приходится труднее всех нас, но у тебя и силы вдвое больше, чем у меня. Мне кажется, женщины почти всегда сильнее, чем мужчины.

— Я и правда совсем тебя не понимала. Я думала, что тебе нравится жить с отцом и Мартой. Марта меня невзлюбила, а ты её уважаешь, — я боялась, что её мнение обо мне начало на тебя влиять. Но теперь я поняла, чего ты ждёшь от меня, и с радостью дам тебе и сочувствие, и поддержку.
После этого все тучи между нами рассеялись. Теперь мне хочется поскорее поехать назад и доказать Эрнесту, что хотя бы одно приветливое лицо и один весёлый голос будут встречать его дома, что бы ни случилось.

12 августа

Сегодня получила длинное письмо от Эрнеста. Он пишет, что чувствует себя немного эгоистичным и недобрым из-за того, что позволил себе так высказываться об отце и сестре, потому что на самом деле очень любит и почитает их обоих и хочет, чтобы я тоже почитала и любила их, если можно. Отец уже дважды призывал Эрнеста к своему смертному одру, чтобы попрощаться и передать ему последние наставления. Причём отец всегда начинает умирать именно тогда, когда Эрнест всю предыдущую ночь провёл с больными. Просто злой рок какой-то!

Глава XV

4 октября

Мы снова дома, и Эрнест счастлив опять заполучить меня себе. Малышу сегодня исполняется годик — и, конечно же, отец, который, по-видимому, испытывает настоящее отвращение ко всему, похожему на веселье, снова заперся в своей комнате на целый день. Что ж, завтра ему снова будет хуже, и он непременно ввяжется с кем-нибудь в богословскую перепалку.

5 октября

Этим «кем-нибудь» конечно же оказалась «Кэтрин, дочь моя». Малышок уснул у меня на руках, и я потянулась за книжкой, оказавшейся томиком Шекспира. Она уже давно украшает собой стол, но напечатана таким мелким шрифтом, что никто её не читает. Перепалка началась так:
О т е ц: «Дочь моя, мне весьма грустно видеть в твоих руках творение этого мирского автора».
Д о ч ь *(с некоторым озорством)*: «А что такое, папа? Вы хотели поговорить?»
— О нет, нынче я слишком слаб для разговоров. Пульса почти нет.
— Тогда давайте, я почитаю Вам вслух.
— Эту нечестивую книгу? Ни за что!
— Но папа, Вам непременно понравится. И потом, у Вас почти никогда не бывает развлечений. Ну, пожалуйста, позвольте мне вам почитать.
Отец начинает нервничать.
— Развлечения — это искушение и ловушка. Моя душа должна каждую минуту взирать на священное и божественное.
— И у Вас получается?
— Нет, увы, нет! К своему горю и стыду признаюсь, что не способен к сему.
— Но если бы Вы иногда позволяли себе небольшое невинное развлечение, Ваша душа отдохнула бы немного, и тогда можно было бы с новым рвением приниматься за размышления о божественном. Ведь душа и разум, как и тело, тоже нуждаются в отдыхе!
— Отдыхать мы будем на Небесах. Но здесь, на земле, наше дело заключается не в том, чтобы почитывать пьески, а в том, чтобы трезвиться и бодрствовать, потому что враг наш вечно подстерегает неосторожных.
— Но папа, милый, ведь для меня пьесы — это не дело, а развлечение и отдых от дела.
— Христианам развлечения ни к чему. Если им нужен отдых или обновление сил, они обретают всё это в Господе.
— А Вы? Вы сами?
— Увы, я — нет. Бог кажется мне совсем далёким.
— А мне Он кажется таким близким! Он так близко, что видит все помышления моего сердца. Отец, дорогой, наверное, это из-за болезни всё кажется Вам ненастоящим и призрачным. Бог так близко, и Он так любит нас и так жалеет! А Вы такой замечательный и так стараетесь угодить Ему! Вот почему мне так грустно, что Вы никак не можете обрести в Нём утешение.
— Я совсем не замечательный, дочь моя. Я презренный земной червь.
— Зато Бог у нас замечательный, и это самое главное. И если бы Он Вас не любил, то никогда не послал бы Своего Сына умереть за Вас.
Тут я начала петь. Папа любит слушать, как я пою. Кроме того, я знала, что все мои слова — это правда, самая настоящая правда. И это наполнило меня таким блаженным покоем, что я пела с радостным сердцем.
Я надеюсь, что осмеливаюсь так разговаривать с отцом не только из глупой самонадеянности. Конечно, он в сто раз лучше меня и знает в тысячу раз больше, но эта болезнь, по-моему, совсем затуманивает ему мозги. Мне хотелось бы сейчас пойти и помолиться о том, чтобы Божий свет воссиял в его душе. Было бы просто чудесно увидеть, как Божий покой озарит это бледное, хмурое лицо!

28 марта

Со дня последней записи прошло почти полгода. Где-то в середине октября однажды ночью отцу снова стало хуже, и он призвал нас всех к себе. Особенно он хотел видеть меня, и, в конце концов, Эрнест пришёл за мной. Я была, конечно, крайне возбуждена и не побеспокоилась, чтобы как следует одеться и закутаться. К тому же, в то время у меня уже была небольшая простуда, и, наверное, той ночью я к ней ещё добавила. Короче, на следующий день я сильно заболела, и у меня открылся страшенный кашель с надрывом, сотрясавший все мои внутренности. Почти полгода я не выхожу из своей комнаты — полгода бесполезного лежания в постели. Ничего не делаю, только землю занимаю *. Бедный Эрнест! Как тяжело ему пришлось! Вместо приветливого, радостного дома, который мне так хотелось ему подарить, он получил измученную, удручённую, ни к чему не годную жену, не встающую с постели. Все самые радужные мои надежды разлетелись в прах. Я хотела быть самой нежной, самой жизнерадостной, самой лучшей женой на свете — а вместо этого мой несчастный муж видит только ребяческие капризы и глупости, а теперь ещё и болезнь. Но последнее время я часто молюсь о том, чтобы Господь продолжал творить Свою волю, даже вопреки моей, если я стану Ему противиться. Я стараюсь напоминать себе об этом каждый день... Ох, устала, не могу больше писать.

30 марта

Страдания последних месяцев заставили меня думать о совершенно неизвестных мне дотоле вещах. Одно время дела мои были настолько плохи, что Эрнест послал за мамой. Бедная мамочка, ей пришлось спать вместе с Мартой. Когда она приехала, мне стало удивительно покойно, но по её приезду я сразу поняла, как серьёзно больна. Тогда я задумалась о том, готова ли я умереть.

Смерть казалась мне неким торжественным, значительным событием — но в то же самое время было так сладко думать, что скоро я перестану быть грешницей, превращусь в искупленную святую и вовеки буду пребывать со Христом. Я как раз думала об этом, как у моего изголовья появился отец.
— Дочь моя, — вопросил он, — готова ли ты предстать перед Судиёй всей земли?
— Нет, папа, милый, — проговорила я. — За меня перед Ним предстанет Христос.
— И ты не боишься? Не сомневаешься?
Я только улыбнулась в ответ. Говорить я уже не могла.
И тут я услышала, как Эрнест — мой дорогой, невозмутимый, сдержанный Эрнест! — зарыдал и выскочил из комнаты. Я посмотрела ему вслед — и как же я любила его в ту минуту! Но я чувствовала, что люблю своего Спасителя бесконечно сильнее. И забери Он тогда меня к Себе домой, я знала, что могу без страха вверить Ему всю свою семью. Я знала, что Он даст Эрнесту в тысячу раз больше всего, что могла бы дать ему я; что Он способен позаботиться о моём драгоценном малыше и о милой мамочке гораздо лучше, чем я сама. Мне казалось, что сами врата рая распахнулись передо мной и зовут меня войти. А потом они вдруг захлопнулись у меня перед носом, и я снова очутилась на земле и осталась всё такой же бедной, слабой грешницей, искушаемой со всех сторон. Я, посчитавшая себя наследницей славы, оказалась всего лишь брюзгливой и капризной ослицей. Я была готова взбелениться, если Марте случалось задеть мою кровать (что она непременно делала по сто раз на дню); я упрямилась, если обед не приносили вовремя или приносили совсем не то, что мне хотелось; злилась и обижалась, если Эрнест казался мне совсем не таким обеспокоенным и нежным, каким был в самые опасные минуты моей болезни. Короче говоря, я снова оказалась самой собой, обыкновенным грешным человеком со всеми своими недостатками. Ох, как яростно я боролась, стараясь быть терпеливее, снисходительнее и больше думать о других, чем о себе! Сколько горьких слёз пролила из-за поспешных, несдержанных и раздражённых слов! Понятно, что мне хотелось пойти туда, где слабость моя наконец-то растворится в силе, а грех уступит место вечному совершенству!
Но я снова здесь, меня ожидают страдания и труд, но я не чувствую в себе ни физической силы, не нравственного мужества. Но всё равно: «Да благословенна будет воля Господня».

5 апреля

Вчера вечером Эрнест и Марта отправились по делам, а мы с отцом остались вдвоём. Я видела, как беспокойно он ёрзает в кресле, и тут же догадалась, что его что-то гложет. Поэтому я отложила книгу и спросила его, в чём дело.
— Дочь моя, — начал он, — позволь старику сказать тебе пару честных и прямых слов.
Я испугалась, потому что знала, что последние несколько дней немного резко разговаривала с Мартой, несмотря на все свои усилия исправиться. Мне всё ещё сильно нездоровится.
— Мне приходилось провожать в мир иной многих людей, — продолжал он, — и на каждом смертном одре умирающий трепетал от страха перед «Царём ужасов» *. Я ещё ни разу не видел, чтобы человек был так непоколебимо уверен в том, что Бог принял его, а посему в свой последний час ни в чём не сомневался и не боялся, как подобает смиренному грешнику, который вот-вот предстанет перед своим Судией.
— Мне тоже пока не приходилось видеть это своими глазами, — ответила я, — но я уверена, что многие люди умирали именно так, и вряд ли можно представить себе ещё какое-то другое место, помимо смертного одра, где бы настолько прославлялось и почиталось имя Господне.
— Да, — медленно протянул он, — но все они были старые, крепкие, зрелые христиане.
— Нет, папа, они далеко не всегда старые. Позвольте, я Вам расскажу. Вот только вчера Эрнест говорил, что...
Он махнул рукой, давая мне понять, что хочет договорить.
— Честно говоря, — сказал он, — мне страшно за тебя, дочь моя. Ты молода, ты в самом расцвете лет, но когда смерть, казалось, заглядывала тебе в лицо, я не видел в тебе ни беспокойства, ни тревоги, ты не просила позвать духовника или священника, чтобы подготовиться к исшествию в мир иной. Наверное, это приятно — вот так покоиться в уверенности, что Бог принял тебя. Но можно ли полагаться на эту свою уверенность? Ведь мы знаем, что сердце человеческое более всего лукаво и крайне испорчено.
— Благодарю Вас за заботу, отец, — ответила я, — и прошу Вас, не бойтесь говорить со мной откровенно и прямо. Вы живёте со мной в одном доме, видите все мои недостатки и ошибки, и поэтому я не удивляюсь, что кажусь Вам плохой и слабой христианкой. Но неужели Вы действительно считаете, что я обманываю себя, когда говорю, что, несмотря на это, всё-таки люблю своего Бога и Спасителя и называюсь Его чадом?
— Нет, — после минутного молчания, как бы колеблясь, ответил он. — Этого я сказать не могу... не могу...
Нерешительность его ответа расстроила меня. Сначала мне подумалось, что моя жизнь, должно быть, совсем потеряла направление, если можно вот так неверно о ней судить. Но потом я сообразила, что грехи-то мои все на поверхности, а скрытые, тайные мотивы и побуждения не видны тому, кто наблюдает со стороны.
Отец заметил, что я расстроилась и задумалась, и, по-моему, смягчился и растрогался.
Тут как раз вошли Эрнест с Мартой. Однако последняя, почуяв, что что-то не так, немедленно удалилась к себе, — за что я была ей искренне благодарна.
— Что случилось, папа? Что такое, Кэти? — спросил Эрнест, поочерёдно вглядываясь в наши встревоженные лица.
Я попыталась всё ему объяснить.
— Знаешь, папа, наверное будет лучше, если ты позволишь мне самому заботиться о духовном благосостоянии моей жены, — сказал Эрнест даже с некоторой горячностью. — Ты не понимаешь её так, как я. Ты сомневаешься в ней и неверно судишь её только потому, что в ней нет ни капли мрачности и она с радостной уверенностью полагается на Христа. Пойми, у каждого из нас благочестие и любовь к Богу — как и всё остальное — выражается по-разному, и нельзя стричь всех под одну гребёнку. Я знаю, что Кэти презабавно выражается и часто говорит о серьёзных вещах так, что кому-то её слова могут показаться легкомысленными; к тому же подчас ей совершенно всё равно, кто и что о ней подумает и как её могут понять.
Он улыбнулся мне, вот так защищая меня, и я никогда ещё не была настолько ему благодарна. Дело в том, что я терпеть не могу сентиментальности, а ещё какой-то внутренний инстинкт заставляет меня скрывать свои самые глубокие и священные чувства, так что нечего удивляться, если люди не понимают и осуждают меня.
— Я вовсе не имел в виду её весёлость, — возразил отец. — Старики должны быть снисходительными к молодым и смотреть сквозь пальцы на их причуды. Просто мне больно видеть, что эта девочка, полная жизни и радости, встречает смерть, совершенно не ощущая благоговейного ужаса и трепета, какие подобают всякому смертному.
— Если Вы не видели во мне беспокойства, когда смерть была так близко, то это потому, что я его просто не чувствовала. Я всю себя отдала Христу, и Он принял меня, — так почему же я должна бояться взять Его за руку и последовать за Ним, куда бы Он ни пошёл? И я правда не позвала к себе на помощь ни священника, ни духовника. У меня просто не было сил задавать вопросы или слушать ответы; но хотя тело моё было слабо, душа и разум трепетали жизнью и радостью, и я слышала Самого Бога. Ах, отец, позвольте мне прочесть Вам две странички из книги Кэролин Фрай, и Вы увидите, как бедный грешник взирает на приближающуюся смерть. Первый взят из её письма, написанного сразу после того, как она узнала, что дни её сочтены.
«Наверняка, многие услышат о том, что я не пожелала как-то особо готовиться к смерти, и не поймут меня, — ибо другие люди, гораздо более святые, чем я, часто говорят о необходимости такой подготовки. Я расскажу вам, почему она не нужна мне, расскажу и другим, — и вы тоже, пожалуйста, объясните всем, кто будет спрашивать. Это не потому, что я достигла святости, а потому, что я такая грешница. Моё личное духовное становление всегда отличалось глубоким и мучительным осознанием своей греховности, вчерашних и сегодняшних грехов. С великими почти невыносимыми терзаниями я каялась в них перед Богом и взывала о прощении так, что Он не мог не услышать меня. Каждый день грехи мои заново очищались кровью Христа и с каждым днём становились всё более и более ненавистными мне. Что ещё можно было сделать перед смертью, чего я не делала бы всю свою жизнь? На этой

неделе я узнала, что жить осталось совсем недолго, — что мне сделать сейчас, чего я не делала бы на прошлой неделе, когда ещё ничего не знала? Увы, можно сделать только одно — служить Ему ещё лучше, но ведь на смертном одре это невозможно. Поэтому я и говорю: если я не готова к смерти сегодня, то никакое промедление, никакая задержка мне не помогут. Если Богу нужно ещё что-то совершить со мной или во мне — это Его дело. Уж конечно, я могу довериться Ему в том, что Он не станет ни медлить, ни торопиться и тем самым не испортит то, что задумал сделать».
А вот её предсмертные слова, записанные несколько дней спустя:
«Сегодня день моей свадьбы, начало моей жизни. Мне хотелось бы, чтобы никто не обманывался насчёт того, почему мне так хочется поскорее уйти и отправиться жить со Христом. Я признаю себя первейшей и нечестивейшей грешницей и потому хочу поскорее уйти к Нему, чтобы Он избавил меня от бремени греха. Не от тех прошлых грехов, в которых я каялась изо дня в день, но от греха, заключённого в самой моей природе, — от нынешней, постоянной, ежеминутной греховности, которая вырывается или ещё может вырваться наружу, — иногда, думая о ней, я не помню себя от горя!»
Никогда не забуду, какое лицо было у отца, когда я наконец закончила читать и замолчала. Он медленно поднялся, подошёл и поцеловал меня в лоб. Потом он вышел, но вернулся с толстой тетрадью и, открыв её на чистой странице, попросил меня переписать туда прочитанные отрывки. Он часто жалуется, что я пишу, как курица лапой, поэтому я постаралась переписать ему отрывки чуть ли не печатными буквами.

20 июня

Первого мая вместе с другими весенними цветочками к нам в дом явилась маленькая, светловолосая, голубоглазая дочурка. Я почувствовала себя такой богатой, когда услышала, как Эрнест внизу отвечает кому-то у двери: «Мама и дети чувствуют себя хорошо». Подумать только — мы и так-то считали себя богатыми, как вдруг стали ещё неизмеримо богаче!
Она совсем не такая крупная и живенькая, каким родился малыш Эрнест, и наша радость уже пронизана кое-какими опасениями. Но уже из-за этой своей хрупкости она вдвойне дорога нам. Эрнест младший воркует над её колыбелькой с почти что жениховской гордостью и преданностью и, если малышка выживет, будет ей настоящим защитником. Его самого мне пришлось полностью поручить Марте. Если бы не она, не знаю, что бы с ним стало во время моей болезни. Когда я лежала, не вставая, одним из самых приятных событий каждого дня были те несколько минут, когда Марта приводила его ко мне — такого чистенького, аккуратного, сияющего здоровьем и счастьем, всегда с причёсанными волосиками и в отглаженных штанишках. Сейчас, когда он полностью на её попечении, она прониклась к нему настоящей нежностью, и теперь хотя бы в одном мы с Мартой стали близки. Мы обе безоговорочно убеждены, что он самый красивый, самый замечательный и самый чудесный ребёнок, какой только был или будет на свете.

6 июля

Мы с детишками гостим у моей мамы. Эрнест говорит, что единственный способ всё-таки выходить малышку — побольше держать её за городом, особенно летом.
Какая же она крошечная и хрупкая — как мотылёчек! Откуда, откуда берётся во мне такая любовь к этой ненаглядной крошке? Да если бы она была у меня всегда, я и то не могла бы любить её больше, чем сейчас. И как можно называть своё несчастное существование жизнью, если не изведал этого удивительного счастья — иметь детей!

10 июля

Если наша драгоценная дочурка и выживет, то только благодаря молитвам моей мамули.
Оказывается, у Эрнеста-младшего довольно буйный темперамент и полно упрямства. Но всё равно, в нём масса природных достоинств. Как бы я хотела быть для него лучшей матерью! Когда он не слушается и упирается, я так нетерпеливо себя с ним веду! Ему нужна твёрдая, но нежная рука, не поддающаяся капризам и всегда подчиняющаяся страху Господню. Малыш не должен слышать ни резких слов, ни раздражённого тона; но, к своему стыду и горю, мне приходится признать, что он постоянно слышит и то, и другое. Дело всё в том, что я никак не могу как следует выздороветь и окрепнуть, никак не могу по-настоящему придти в себя и поэтому часто отношусь к нему несправедливо. Больше всего на свете я хотела бы быть замечательной женой и образцовой матерью. Как это неприятно, как стыдно, когда замечешь, что не дотягиваешь до образца даже по своей собственной мерке. Что уж тогда говорить о том, чего требует от нас Бог!
Мама очень счастлива, что мы приехали, хотя с нашим приездом её покою пришёл конец. Она подбадривает меня и помогает мне, видя, что я изо всех сил стараюсь сдерживаться сама и сдерживать своего милого сынулю. А все её рассказы о том, как она, бывало, управлялась с нами, я слушаю, как настоящий приключенческий роман. Да и пользы от маминых историй гораздо больше, чем от любой самой интересной книжки!

18 августа

Эрнест приехал, чтобы недельку побыть с нами. Он выглядит ужасно уставшим, потому что в городе чуть ли не целая эпидемия болезни, да ещё и у отца случился очередной приступ. Эрнест привёз с собой няньку-кормилицу для малышки, надеясь, что, может, хоть это как-то поможет ей выправиться и окрепнуть.
Я упрекнула его за то, что он не посоветовался со мной. Он же ответил, что получил письмо от мамы, где та писала, что я донельзя истощена и не в состоянии ни кормить девочку, ни ухаживать за детьми. Для меня это было настоящим ударом. Одну за одной я выпускаю из рук милые сердцу материнские обязанности. По-видимому, Бог хочет, чтобы я ничего не делала и вообще превратилась в ничто — в обыкновенную больную, которая никому не приносит пользы. Но когда я жалуюсь на это Эрнесту, он отвечает, что для него я — всё, а Бог, кстати, доволен Своими детьми не только тогда, когда они усердно трудятся, но и тогда, когда они терпеливо сидят сложа руки, если такова Его воля. Но я как раз и хочу усердно трудиться, приносить пользу, быть необходимой своему мужу и детям. И мне так тяжело чувствовать себя как бы отодвинутой, отброшенной в сторонку, как будто я старый, никому не нужный и ни к чему уже не годный башмак. Теперь я понимаю, что до сих пор прежде всего стремилась угодить не Богу, а себе самой, потому что я беспокойно ёрзаю под Его сдерживающей рукой, мне тесно и душно в своей келье. Я готова перенести любые страдания, только бы быть здоровой и сильной ради моих любимых ребятишек, мужа, мамы. Я молюсь о терпении, проливая горькие слёзы обиды.

Глава XVI

4 октября

Мы снова дома и снова все вместе. Было очень трудно проститься с мамой. С каждым годом ей всё более одиноко, и мне так хочется укрыть, пригреть её у себя в доме. Но посреди всех беспокойств и забот я безумно счастлива. Эрнест-младший становится настоящей душой нашего дома; его ножки топочут по всем углам, а его лепет для меня — самая сладкая музыка на свете. Его сердечко полно радости и любви, и он сияет среди нас, как солнечный лучик. Малышка поправляется с каждым днём. Она маленькая, хрупкая и так доверчиво льнёт к людям, что вызывает у всех жалостное сочувствие и нежность. Такого ангельского личика я ещё не видала. Отец часами сидит и смотрит на неё. Сегодня он сказал:
— Кэтрин, дочь моя, это прелестное дитя не предназначено для этого грешного мира.
— Мир становится прекраснее, когда в нём появляются такие прелестные дети, — ответила я. — К тому же, она сейчас совсем выздоровела.
— Не позволяй себе чрезмерно к ней привязываться, — проговорил он. — Я уже и так чувствую, что она становится слишком мне дорога.
— Но папа, мы же всегда готовы отдать её Господу, если Он призовёт её к Себе. Уж наверное, Его мы любим больше, чем её.
Но с этими словами острая боль пронзила мне душу, и я порывисто прижала к себе свою дорогую прозрачную дочурку, как будто желая навсегда удержать её у себя. Может быть, это лишь тщеславие, но мне кажется, что отец начинает понемножечку ко мне привязываться. Болезнь помогла мне проникнуться к нему состраданием, и он, несомненно, чувствует, что я даю ему нечто такое, чего ни Эрнест, ни Марта дать не в состоянии, потому что ни разу в жизни не болели. Как бы мне хотелось, чтобы папа больше думал о Христе и о том, что Он сделал и делает для нас. Путь ко спасению видится мне широкой, привольной тропой, которая вся сияет славой Того, Кто осветил её Собой. Я вижу свои недостатки, вижу свои грехи, но чувствую себя как бы омытой, овеянной той изумительной славой, что исходит от престола Отца и Агнца. Может быть, у меня и должны быть какие-то сомнения, опасения по поводу собственного спасения, но, честно говоря, их просто нет. Как это странно, как непонятно! А отец, который намного старше и намного лучше меня, почему-то пробирается к Богу ощупью, в темноте! Я спросила об этом Эрнеста. Он говорит, что по большому счёту я обязана этим своему воспитанию и что мама на пятьдесят лет опережает тот век, в котором родилась. Но не может быть, чтобы всё дело было только в этом. Ведь только после того, как я годами молилась и боролась, Бог даровал мне эту радость.

24 ноября

Вчера Эрнест спросил, знаю ли я, что Амелия с мужем перебрались жить сюда, в город, и что она серьёзно больна.
— Может, сходишь, навестишь её? — добавил он. — Она тут никого не знает, и ей очень нужен друг.
Мне стало нехорошо и неспокойно. Былой привязанности к ней у меня давно нет, а о том, чтобы встретиться с её мужем, даже думать противно.
— Что, ей и правда плохо? — спросила я.
— Да. Она совершенно разбита болезнью. Я обещал ей, что ты придёшь её навестить.
— Она что, твоя пациентка?
— Да. Сам муж приходил и просил меня её посмотреть.
— Я не хочу туда ходить. — сказала я. — Слишком это всё неприятно.
— Да, я знаю, лапушка. Но, как я уже говорил, ей очень нужен друг.
Я неохотно натянула пальто и шляпку и всё-таки пошла. Я нашла Амелию в роскошно убранном особняке, но сама она выглядела неприбранной и какой-то заброшенной, как будто за ней никто не ухаживает. Она лежала на кушетке в своей спальне, рядом возились три маленьких девочки, нежных и хрупких на вид, а у окна сидела нянька и что-то шила.
Когда я вошла, она страшно закашлялась и несколько минут не могла вымолвить ни слова. Наконец она оправилась от приступа, поднялась, подошла ко мне, обняла меня и тут же заплакала.
— Ах, Кэти! — всхлипывала она. — Наверное, ты не узнала бы меня, встреться мы на улице. Я так подурнела и постарела...
— Конечно, ты переменилась, — ответила я. — Но ведь и я тоже.
— Да, у тебя болезненный вид. Но ты ведь всегда много болела. Но зато ты такая же хорошенькая, как и раньше, а я... Ох, Кэти! Помнишь, какие у меня были руки? — белые, округлые... А сейчас!.. ты только посмотри!
И с этими словами бедняжка закатала рукав. Но тут я услышала в коридоре шаги, и в комнату неторопливой, ленивой походкой вошёл её муж, немилосердно дымя сигарой.
— Ой, Чарльз, ну уйди же! — раздражённо проговорила Амелия. — Ты же знаешь, что от твоих сигар у меня поднимается кашель.
Он протянул мне руку с небрежным, беззаботным видом человека, привыкшего к популярности и успеху.
Я взглянула на него с неприкрытой неприязнью. За те несколько лет, что мы не видались, он полностью переменился, и теперь я даже вздрогнула от отвращения, увидев его уже порядком обрюзгшее лицо, да и весь его вид говорил о жизни, пущенной на пошлые и безнравственные развлечения.
— Чарльз, уходи! — повторила Амелия.
Он не обратил на неё ни малейшего внимания, тяжело плюхнулся в кресло и, всё ещё обращаясь ко мне, сказал:
— Честное слово, Кэти, ты всё такая же красавица, и я...
— Знаешь, Амелия, я лучше зайду к тебе как-нибудь в другой раз, — сказала я, подымаясь со своего места и стараясь держаться со всем достоинством, на которое только способна моя тщедушная фигурка.
— Нет, Кэти, не уходи! — воскликнул он, вскинувшись в кресле. — Не уходи! Мне так хочется поболтать с тобой о старых добрых временах.
Тоже мне, Кэти! Да как он смеет так меня называть! Я зашагала домой, полыхая от гнева и унижения. Неужели когда-то я могла любить такого человека? Неужели ради этой любви я целый год огорчала и не слушалась маму? Ах, Господи, от какого жуткого несчастья Ты уберёг меня, когда выхватил меня из силков собственной глупости!

1 декабря

Эрнест говорит, что теперь можно спокойно навещать Амелию, потому что её муж вывихнул ногу и не встаёт с постели. Так что я снова собралась к ней в гости. Но я ведь непременно сболтну что-нибудь глупое и опрометчивое. Я знаю, что бросить Амелию было бы нехорошо, но как бы мне хотелось всё-таки остаться дома и не ходить к ним! Что ж, надеюсь, Бог и там будет со мной и научит меня, что и как говорить.

2 декабря

Вчера Амелии было ещё хуже, чем в прошлый раз, и она снова встретила меня со слезами.
— Какая же ты молодец, что пришла, — начала она. — Я прекрасно понимаю, почему в тот раз ты так быстро убежала. Чарли вёл себя просто отвратительно! Потом он ещё сказал, что ты, по-видимому, не переменилась и до сих пор моментально обижаешься на всякую ерунду, но я думаю, что такое обращение любому бы не понравилось, и ты выказала совершенно справедливое неудовольствие, не больше.
— Нет, я и правда рассердилась, — ответила я. — Видишь ли, моя дорога к святости всё время идёт в гору, и я так часто спотыкаюсь и соскальзываю вниз, что иногда даже думаю, что на вершину мне не попасть.
— А что говорит обо мне твой доктор? — спросила она. — У меня что-нибудь серьёзное?

— Я думаю, он сам расскажет тебе всё, как есть — ответила я, — если его об этом попросить. Такое у него правило со всеми больными.
— Только бы избавиться от этого несносного кашля, я бы сразу ожила, — сказала Амелия. — Иногда я и сейчас чувствую себя совершенно весёлой и здоровой. Но знаешь, если бы не мои девочки, мне было бы всё равно, жить или умереть. Чарли так дурно со мной обращается, что от жизни мне ждать особо нечего.
— Тише! Ты забыла, что здесь нянька?
— А, Шарлотта! Это ничего. Она знает, что Чарли совсем меня забросил, правда, Шарлотта?
Шарлотте хватило такта притвориться, что она не услышала вопроса, и Амелия продолжала:
— Всё началось сразу после свадьбы. Чарли гулял с другими девушками точно так же, как и раньше, а когда я с ним об этом заговаривала, просто добродушно и беззлобно смеялся, но не обращал на мои слова ни малейшего внимания. Когда я начала всё упорнее к нему приставать, он сказал, чтобы я оставила его в покое, — он же не вмешивается в мои дела! Я надеялась, что вот родится первый ребёнок, Чарли посерьёзнеет, — но он так хотел мальчика, а родилась девочка. А я чувствовала себя такой несчастной и так много плакала, что малышка тоже была нервная, беспокойная. По ночам она всё время кричала, Чарли не мог спать и поэтому перебрался в другую комнату. Тогда я почти совсем перестала его видеть — хотя нет, время от времени у него случался-таки любовный приступ, и он клятвенно обещал, что станет чаще бывать дома и будет со мной бережнее и ласковее. Потом родились ещё две девочки-близняшки и, наконец, долгожданный мальчик. Чарли его очень любил, и у нас всё даже немного наладилось, хотя он продолжал шататься по ресторанам с молодыми бездельниками, курил, выпивал, — и кто знает, чем он там ещё занимался. Дядя всегда давал ему слишком много денег, и он только и делал, что тратил, тратил...
— Не надо, не говори больше, — попросила я. — Подожди, пока окрепнешь.
Нянька поднялась, налила Амелии каких-то капель, и той стало чуть легче. Я же пока пошла посмотреть на её дочурок. Все трое были бледненькие, хорошенькие, тихие и какие-то чересчур взрослые.
— Нет, я сейчас ещё ничего, — проговорила наконец Амелия. — И потом, когда я говорю с тобой, мне лучше, потому что я вижу, что ты меня жалеешь.
— Мне и правда тебя жалко, — ответила я.
— Когда нашему сынишке исполнилось три месяца, я страшно простудилась, и у меня открылся этот кашель. Сначала Чарли всё время выговаривал мне за то, что я слишком много кашляю. Он утверждал, что это просто дурная привычка и мне надо от неё избавиться. А потом и малыш стал понемногу слабеть, чахнуть, и чем хуже ему становилось, тем хуже становилось и мне тоже. В конце концов, он умер.
Тут моя несчастная подружка снова зарыдала, а я сидела рядом и тихонько утирала ей слёзы, благодаря Господа за то, что она ещё способна плакать.
— И тогда, — всхлипывая, продолжала она, — Чарли утратил ко мне последние остатки какого-либо чувства. Его почти никогда не было дома. А однажды, когда я стала умолять его не бросать меня с детьми совсем одну, он сказал, что крепко поплатился за то, что разорвал тогда вашу помолвку, что у тебя был хоть какой-то характер, и...
— Амелия, — перебила я, — не надо повторять таких вещей. Мне от них только больно и стыдно.
— Что ж... — устало вздохнула она. — Вот до чего он меня довёл. Я больна, сердце у меня разбито, и мне совершенно всё равно, что со мной будет.
Мы долго молчали. Я хотела спросить, не хочет ли она поискать утешения и прибежища в любви Христа, если все земные её надежды рухнули. Но мне всегда жутко страшно заговаривать с людьми о таких личных вещах. Наконец я присела перед ней на колени и поцеловала её несчастное, поблекшее личико.
— Я так и знала, что ты всё поймёшь и посочувствуешь мне, — сказала она. — Когда Чарли решил поехать сюда жить, я радовалась только тому, что увижу тебя.
— А дядя ваш тоже здесь живёт? — спросила я.
— Да, он первым сюда и переселился, а потом уговорил Чарли тоже переехать. Он очень по-доброму ко мне относится.
— Конечно, — ответила я. — И Бог тоже, правда?
— Бог? Но ведь это Он допустил, чтобы я заболела, а Чарли меня разлюбил! Кэти, ну как ты можешь такое говорить?
Я ответила ей двумя строчками из своего любимого гимна:
Жезлом страдания Спаситель милосердный
Меня направил на пути Свои.
— Не люблю я церковные гимны, — отрезала она. — Одно дело, когда человек здоров и всё у него хорошо. Тогда можно ходить в церковь и распевать вместе со всеми. Но больной женщине вроде меня не до религии.
— Но разве не лучше будет как раз сейчас попросить Христа об утешении?
— Что толку искать утешения? — раздражённо ответила она. — Вот подожди, пока сама заболеешь или что ещё. Посмотрим, захочется ли тебе чем-нибудь заниматься кроме того, чтобы лежать и плакать о своей несчастной судьбе.
— Но я тоже была больна и знаю, что такое горе, — ответила я. — И рада, что знаю. Потому что в школе страданий я обрела Христа, и знаю, что Он может утешить меня даже тогда, когда это не способен сделать никто другой.
— Ты всегда была странная, — отмахнулась Амелия. — Я никогда не понимала и половины того, о чём ты рассуждала.
Я видела, что она устала и измучилась, и поспешила уйти. Как бы мне хотелось, чтобы Амелия тоже могла увидеть Христа таким, каким Он предстал передо мной по дороге домой!

24 декабря

Отец говорит, что ему не нравятся проповеди доктора Кэбота. Ему кажется, что они недостаточно доктринальны и доктор Кэбот мало обращается к грешникам. Но я-то вижу, что они уже оказали на отца немалое влияние, и он гораздо больше, чем раньше, видит Бога таким, каким Тот явил Себя во Христе. Со мной он пускается в бесконечные дебаты на наши с ним любимые темы, и хотя я никогда не могу объяснить, как именно пришла к тому или иному выводу, сама серьёзность и твёрдость моих убеждений оказывает на него странное воздействие. Я понимаю, что в моих словах всё ещё есть какая-то доля тщеславия, — и когда я начинаю мерить свою собственную жизнь своими же словами о долге, то всегда удивляюсь, как у меня вообще хватает нахальства открывать рот и что-то там говорить, чтобы помочь другому.
Малышке сильно нездоровится. Меня просто на части разрывает от горя, когда я вижу, как страдает моя хрупкая, беспомощная крошка. По-моему, мне было бы легче отдать её Богу прямо сейчас — пусть даже она всем существом вросла в моё сердце, — нежели видеть, как всю жизнь она будет влачить жалкое, полубольное существование. Но я стараюсь уговорить своё сердце согласиться с моими словами и разумом и повторять: «Да будет воля Твоя!»
А вот Эрнест-младший — воплощение красоты и здоровья. У него жизненных сил хватит на двоих. Они с сестрёнкой будут довольно забавной парочкой, когда подрастут. Его жизнерадостность немного расшевелит её, а кротость и хрупкость сестры слегка смягчат его пыл.

1 января 1841 года

Каждый день приносит с собой новые обязанности и новые уроки. И всё равно, с каким скрипом и как медленно я продвигаюсь вперёд! Как может Господь допускать, чтобы нравственные уроды вроде меня оскверняли Его церковь? Право, это можно объяснить только одним соображением. Если я когда-нибудь стану по-настоящему святой, для Бога это будет поистине великой

заслугой, потому что вряд ли можно найти худшее сырьё для построения храма Святого Духа, чем мой отвратительный характер! Наверное, придёт время, когда все, знающие меня сейчас — такую неотёсанную, ветреную и неразумную, — посмотрят на меня в изумлении и произнесут: «Чудо, чудо сотворил Господь!» Если бы я не знала, что такой момент обязательно настанет, то, честное слово, скрылась бы «в пещеры и в ущелья гор».
У меня есть всё необходимое для благочестия. Я каждый день чувствую влияние мамы. Именно ей я обязана привычкой со всех ног бежать к Богу, что бы ни случилось, и именно ей я обязана своей верой в молитву. Кроме того, я замужем за прекрасным человеком и настоящим христианином. Эрнеста никогда не швыряет в разные стороны, он всегда сдержан и спокоен. Отчасти это его прирождённые качества, но всё равно он читает Библию чаще, чем любую другую книгу, его убеждения о чести и долге твёрдо укоренены в Писании, а постоянное общение с больными и страждущими являет ему жизнь такой, какая она есть. Как же он мне помогает! Да благословит его Господь!
Ещё у меня есть Джеймс. Побудешь с ним хоть полчаса, и настроение сразу поднимается. Он живёт в такой блаженной близости с Господом, что всегда сияет счастьем, и его солнечная жизнерадостность умягчает нравы даже в нашем беспокойном семействе. Мы все, пусть ненадолго, заражаемся его улыбками.
И конечно же, у меня есть детишки. Дорогие, любимые мои малыши! И ради них тоже я постоянно стремлюсь исправиться, научиться ходить в святости. Ведь мне нужно самой стать такой, какими я хочу их воспитать.
Итак, я вступаю в Новый год, не зная, что он принесёт с собою. Но у меня есть тысяча причин благодарить Бога — с радостью и надеждой.

16 января

Ещё одна отчаянная попытка привнести согласие в нашу разношёрстную, неуживчивую семью — и очередная неудача. Эрнест забыл, что сегодня годовщина нашей свадьбы. Я расстроилась и обиделась, особенно из-за того, что он ушёл обедать с какими-то знакомыми. Вот всегда так — вечно я жду от жизни чего-то такого, чего никогда не получаю. Интересно, так бывает только у меня, или у всех остальных тоже? Ещё я немного беспокоюсь за Джеймса. По-моему, он становится неравнодушен к Люси. Вот уж не думаю, что она способна составить его счастье. Неужели он не понимает, что такой блестящий молодой человек, как он, может выбрать себе девушку получше? Да-а... Теоретически, нет ничего трудного в том, чтобы предоставить Богу право распоряжаться нашей судьбой и судьбой наших друзей. Но как только дело коснётся кого-то из наших близких, мы почему-то считаем, что непременно должны помочь Господу своими собственными убогими суждениями. Что ж, пойду расскажу Ему об этом новом беспокойстве и попробую отдать будущее своего драгоценного братика в Его руки.
Попробую-ка я поговорить с Джеймсом по душам! Если дело тут не в Люси, то в чём же? Почему в последнее время он так посерьёзнел и начал задумываться — и в то же время стал таким удивительно счастливым?

17 января

Я попыталась выпытать у Джеймса, что именно происходит у них с Люси и не напридумывала ли я чего лишнего. Он только смеётся и уклоняется от расспросов. Однако он признался, что мысли его заняты сейчас одним весьма серьёзным делом, говорить о котором он пока не хочет. Да благословит его Господь, что бы это ни было.

1 мая

Сегодня моей болезненной маленькой Уне исполняется годик. Я благодарю Бога за то, что Он уже целый год удерживает её возле нас. Если даже Господь решит её забрать, я всё равно буду радоваться, что наши жизни пересеклись, и она оказала на всех нас такое благотворное влияние. Да, даже жизнь неразумного младенца оставляет во всех остальных в семье неизгладимый след — какая поразительная мысль!
Я предала свою милую дочурку воле нашего с ней Спасителя. Будет она жить дальше или умрёт — всё равно она принадлежит Ему.
13 декабря
Последнее время что-то совсем не до дневника. Дел столько, что вздохнуть некогда. К тому же подчас, когда я чувствовала себя особенно раздражённой и измученной из-за постоянных трений и раздоров в своём доме, то просто не решалась записывать то, что лучше позабыть.
Мне так хочется жить в мире со всеми человеками! Но как же меня раздражает, когда посторонние вмешиваются в воспитание моих детей! Если когда-нибудь я останусь одна и буду влачить существование старой девы в семье старшего брата, то непременно стану прямо-таки образцом снисходительности, терпения, милости и сестринской любви!

Глава XVII

1 января 1842 года

Вернусь-ка я снова к своему дневнику и постараюсь в этом году быть прилежнее. Сколько замечательных вещей говорила мне миссис Кемпбелл — да и другие тоже, — но теперь их, конечно не вспомнить, и они потеряны для меня навсегда, потому что я не потрудилась вовремя их записать.
Сегодня я снова к ней заходила. На деньги, оставшиеся после Сьюзан Грин, мы с Эрнестом купили ей удобное кресло, и теперь она может подыматься с постели и сидеть хотя бы пару часов в день. В кресле я её и застала, радостную и благодарную, а её милое, умиротворённое лицо, как всегда, лучилось каким-то неземным светом, как будто сошедшим прямо с Небес. У неё такой вид, как будто ей пришлось крепко сражаться с жизнью, но она всё-таки превозмогла и вышла из этой борьбы победительницей. Весь год я довольно часто у неё бывала и понемногу узнала о её прошлом, хотя она и не любит рассказывать о себе. Когда-то у неё был муж и целый выводок мальчиков и девочек, но она всех их потеряла, а её теперешнее нездоровье — результат тех долгих дней и ночей, когда она ухаживала за своими больными и умирающими детьми, а потом горевала от их утраты.
Она не притворяется, что ей всё равно, но всегда говорит: «Горе не приносит Богу бесчестья. А вот жалобы — да, сколько угодно».
Сегодня я спросила её:
— Миссис Кемпбелл, скажите, а Вам никогда не бывает обидно? Ведь если подумать, в мире столько счастливых семей, но Вам одной почему-то выпало столько горя и одиночества.
— Почему же мне одной? — с улыбкой ответила она. — По земле рассеяны тысячи и тысячи Божьих детей, которым выпало пострадать ещё горше, чем мне. Но, честно говоря, мне кажется, что в мире мало найдётся людей счастливее меня. Господь привёл меня к Себе задолго до того, как мне пришлось узнать свою первую скорбь, это правда. Но в цепочке, связывавшей меня с Богом, было много звеньев. А потом эти звенья один за одним начали выпадать, каждый раз подводя меня всё ближе и ближе к Нему, — до тех пор, пока у меня не осталось ничего. Он запер меня наедине с Собой, и я поняла, наконец, то, что раньше видела лишь отчасти: Его Самого больше чем достаточно, чтобы упоить и насытить человеческую душу.

При её словах сердце во мне помертвело и опустилось.
— Значит, Вы считаете, — отважилась я, — что муж и дети — это лишь препятствия на нашем пути, мешающие нам приближаться к Богу?
— Нет, нет! — вскричала она. — Сам Бог никогда не ставит нам препятствий. Напротив, Он делает нас жёнами и матерями как раз для того, чтобы провести нас через самую что ни на есть лучшую школу святости. Но если мы начинаем своевольничать и позволяем Его дарам занять неподобающее место в своей жизни, то Он по Своей великой любви отнимает у нас наших идолов — или делает так, что они больше не приносят нам ни радости, ни удовольствия. Я так рада, — добавила она, помолчав, — что на земле есть-таки щедрые души, которые любят своих близких всем сердцем, но сердца их при этом целиком принадлежат Господу. К сожалению, моё собственное сердце было совсем не таким.
Тут наш разговор прервался, потому что ей понадобилась моя помощь, — она ведь почти совсем не может двигаться и не способна сама за собой ухаживать. Во время болезни мне тоже пришлось полагаться на других людей во всех, даже самых деликатных ежедневных мелочах, и теперь я гораздо менее щепетильна и брезглива, когда ухаживаю за больными. Я благодарна Богу за то, что, наконец, научилась с радостью делать для больных абсолютно всё, что бы ни потребовалось. Когда всё было сделано, миссис Кемпбелл, как всегда, поблагодарила меня, а я сказала:
— Знаете, я постоянно сталкиваюсь со всякими мелкими искушениями и испытаниями, но, боюсь, мне они не приносят никакой пользы. По крайней мере, я не вижу, какой от них толк.
— Конечно, нет. Разве мы видим, как растёт дерево или цветок? — ответила она.
— Так значит, Вы думаете, что я тоже, может быть, расту, пусть даже бессознательно?
— Я совершенно в этом уверена, девочка моя. Не будь роста, не было бы и жизни.
Её слова подбодрили и утешили меня. Я шла домой и всю дорогу молилась, желая полностью посвятить себя Тому, в Чьей школе прохожу урок за уроком. Ах, как бы мне хотелось быть хорошей ученицей! Но я часто выучиваю урок лишь наполовину, я непослушна, невнимательна и постоянно забываю уже пройденное. Может, поэтому частенько все эти драгоценные истины стадами бродят у меня в голове, но никак не желают там закрепиться?

20 марта

Сегодняшняя проповедь доктора Кэбота поразила меня до глубины души. Пока я слышу его голос и слушаю его слова о том, как прекрасна и удивительна жизнь во Христе, сердце во мне вторит его чувствам и я с радостью готова почитать всё тщетою ради того, чтобы приобрести Христа. Но вернувшись домой, я тут же с головой ухожу в повседневные земные заботы, и мне приходится потом с кровью отвоёвывать у них свою глупую душу, чтобы снова привести её к Богу. Иногда я почти что завидую невозмутимому характеру Люси — у неё с ним намного меньше хлопот. Ну почему я с таким пылом кидаюсь в каждое дело? Даже простой фартучек для Эрнеста-младшего я шью с таким рвением и горячностью, которым позавидует солдат на поле боя. Интересно, утихомирю ли я когда-нибудь свой страстный нрав? Научусь ли смотреть на жизнь хоть чуточку спокойнее?

10 июня

Наша милая малышка Уна только что начала выздоравливать после долгой и тяжкой болезни. Это просто чудо, что ей удалось выжить после таких страданий. И почти такое же чудо, что неделю за неделей мне приходилось смотреть на её мучения, и я не сошла при этом с ума.
Сначала Эрнест не обращал внимания на мои постоянные просьбы посмотреть девочку и назначить ей хоть какие-то лекарства, и в результате мы потеряли драгоценное время. Но как только он очнулся и увидел, что она в опасности, его нежности и самоотверженности не было границ. Нередко он часами ходил с ней по комнате, и она лежала в его сильных руках, как бледная, надломленная веточка ландыша. Однажды утром мы уже думали, что она вот-вот уйдёт от нас, и с разрывающимися от горя сердцами склонились у её постельки, чтобы передать её отходящую душу Господу и положить нашу Уну в Его руки. Но почему-то тогда Бог потребовал от нас только этой готовности, потому что вернул нам нашу девочку, и она до сих пор с нами — только дороже во сто крат! Я с благодарностью вспоминаю, как вера Эрнеста превозмогла его отцовские чувства и он был готов без слова упрёка отдать Богу нашу былиночку-дочурку. Да, мы оба готовы отдать Ему своих детей, если Он призовёт их к Себе. Ему не придётся силой выхватывать их из наших рук.

4 октября

Мы провели тихое лето в деревне — то есть, я с детьми. Сегодня нашему сыну и наследнику исполняется четыре года, он здоров, полон сил и радуется жизни от всего своего маленького сердечка. Сколько радости и света он приносит в наш печальный дом! Отец снова целый день ничего не ел и в результате так измучился и изнервничался, что вышел из себя, когда детишки расшалились и начали бегать и кричать. Ох, уж если он хочет поститься, то постился бы лучше понемножку и регулярно! А так он сначала ничего не ест до тех пор, пока чуть ли не теряет сознание, а потом заглатывает непомерное количество чего попало. Неужели Марта не видит, как это вредно? Сегодня, когда я увела-таки детей, уложила их спать и вернулась в гостиную, он, изобразив крайние страдания на своём лице, скорбным голосом произнёс:
— Дочь моя, я надеюсь, ты наставляешь своего сына, как должно. Ведь ему уже четыре года, и он удивительно умный ребёнок. Я надеюсь, ты воспитываешь его в истине о том, что он грешник и находится под Божьим проклятием.
— Не надо так, папа, — сказала я. — Вы просто устали и сами не понимаете, что говорите. Да чтобы Эрнест-младший выслушивал такие речи — нет, нет и нет!
Бедный папочка! Он почти что застонал!
— Но ты же несёшь ответственность за его душу! — воскликнул он. — Никто и ничто на свете не влияет на ребёнка так, как мать!
— Я знаю, — ответила я, — и иногда у меня просто коленки подгибаются от страха и слабости, когда я думаю, какое великое и важное дело поручил мне Бог. Эрнест и так скоро поймёт, что он грешник, долго ждать не придётся. Но пока этот чёрный день ещё не настал, мне хочется укрепить его душу единственным противоядием, способным победить страх и жуть греха. Я хочу, чтобы он увидел своего Спасителя во всей Его любви и красоте, — и полюбил Его всем сердцем, всей душой, разумением и крепостью. Папа, милый, молитесь, пожалуйста, за него — и за меня тоже!
— Я и так молюсь. И буду молиться, — торжественно произнёс он. А потом, как всегда, погрузился в свои глубокие, молчаливые думы. Я часто спрашиваю себя, что происходит в это время в его бедной, страдающей душе. Потому что он действительно страдает. Ведь он видит великого, благого и ужасного Бога, Который не может взирать на бесчестие и грех, — но при этом не видит Его воскресшего Сына, уплатившего наш страшный долг и ходатайствующего за нас перед престолом Своего Отца.

1 января 1843 года

Вчера Джеймс принёс мне письмо, которое писал маме.
— Прочти, пока я его не отправил, — сказал он, — потому что я хочу, чтобы вы с мамой одновременно узнали, чем я собираюсь заниматься.

Только ближе к вечеру я смогла урвать свободную минутку. Я поднялась к себе и поскорее вытащила письмо, сгорая от нетерпения.
Ах, я-то думала, что и так люблю его всей любовью, на которую только способно человеческое сердце, — но теперь всё во мне так и хочет обнять его с новой силой, с неслыханной доселе нежностью. Когда я склонилась, чтобы поблагодарить своего Спасителя и обо всём ему рассказать, то сначала от счастья не могла вымолвить ни слова.
Он пишет, что последнее время чувствует сильное побуждение по-новому посвятить себя Христу и делу Христова Евангелия. До сих пор он думал стать городским врачом, обзавестись практикой и закрепиться на одном месте. Но теперь вместо этого он решил избрать для себя поприще миссионера. Мне ещё не приходилось читать ничего подобного! — как проникновенно он пишет о своей любви к Христу и о радости служить Ему! Какое удивительное чудо сотворил в нём Господь!
Мне жизнь вместе со Христом кажется совершенно естественной, потому что к Нему меня толкает не только скорбь, но и грех. После каждой новой вспышки своего строптивого нрава я с плачем раскаяния приползаю к подножию креста и люблю много, потому прощена много. Но насколько я знаю, Джеймс никогда не испытывал особых скорбей (пожалуй, кроме смерти отца), да и та не возымела заметного влияния на его веру. Потом, характер у него чудесный буквально с рождения. Он такой сердечный и любящий человек, простой и безыскусный, как ребёнок, и в нём нет ни капли моей нетерпеливости, поспешности или вспыльчивости. Как счастлива будет та женщина, которая сможет покорить и всю жизнь хранить такое сердце, как у него! Жизнь всегда улыбалась ему. Он красив, талантлив и обаятелен, все его любят и хвалят. От мира он не видел ничего, кроме радостей и удовольствия, — и всё равно отвернулся от него, чтобы «бесповоротно и целиком», как говорит Эдвардс, отдать себя Христу. Как же я благодарна за это Богу! Но ведь это значит, что он уедет от нас — мой единственный братик, а для мамы единственный сын! Но я знаю, что скажет мама. Благословит его в дорогу и пожелает счастливого пути.
Тут ко мне поднялся Эрнест, уставший и измотанный. Я прочитала ему письмо. Лицо его странно дрогнуло, но он сказал только:
— Что ж, этого вполне можно было ожидать. Всякий, кто знает нашего Джеймса, ничуточки не удивится.
Но когда мы встали на колени, чтобы помолиться, я видела, что Эрнест по-настоящему тронут, и чистая ревностность Джеймса задела в его душе родственные струны. Милый Джеймс! Не иначе, как по маминым молитвам, в нём так быстро и чудесно совершилось то, на что обычно уходят долгие годы. Кстати, та же самая мама молится и за тебя, Кэти, — так что не унывай!

2 января

По-видимому, теперь Джеймс собирается заниматься не только медициной, но и богословием. Тогда он пробудет с нами ещё несколько лет! Ой, наверное, нехорошо так думать. Это ведь чистой воды эгоизм, да? Увы, дух мой бодр и готов отпустить Джеймса на служение, но плоть немощна и возмущённо пищит, когда её ущемляют.

22 октября

Сегодня приходила Амелия. Она уезжала, чтобы поправить здоровье, и выглядит намного лучше.
— У нас с Чарли всё снова замечательно, — начала она. — Куда только мы с ним не ездили, и повсюду было так весело и интересно! Ах, какой у тебя уютный домик!
— Только слишком маленький и неудобный, — ответила я. — Семья у нас большая, а Эрнесту надо бы ещё одну комнату под смотровую.
— А что, он принимает своих пациентов прямо здесь? Какой ужас! Наверное, жутко неприятно всё время видеть у себя дома людей со всякими там болячками и простудами. Тебе, наверное, тяжело всё это видеть.
— Пожалуй, мне действительно было бы тяжело на всё это смотреть, но я никогда не захожу к Эрнесту, когда он работает.
— А где твои детишки? Твой муж говорит, что ты просто души в них не чаешь.
— Как и любая другая мать, — смеясь ответила я.
— Ну не знаю, — возразила она. — Матери тоже разные бывают.
Когда дети сбежали вниз, Амелия с восторгом ахала и охала, глядя на Эрнеста-младшего, но на малышку взглянула лишь мельком.
— Какая слабенькая у тебя девочка! — сказала она. — А вот мальчик просто загляденье. Ах, если бы мой сыночек не умер тогда, то был бы сейчас точно таким же! Но так уж, видно, повелось: кому-то на долю выпадают только радости, кому-то — одни горести. Не знаю, чем я заслужила такое несчастье — потерять единственного сына и остаться с одними девочками. Правда, у меня довольно денег, чтобы одевать их, как куколок, а когда они подрастут, мы наймём учителей, чтобы научить их всему, чему положено. Ты даже представить себе не можешь, как это чудесно быть богатой!
— Да, действительно, не могу, — ответила я. — Такие вещи выше моего понимания.
— Дядюшка — ты же помнишь дядюшку моего Чарли? — только что подарил мне коляску и лошадей, и теперь я могу ездить сколько угодно. Вообще, он меня так балует! Кстати, а вы в какую церковь ходите?
Я рассказала ей о своей церкви и напомнила, что пастором у нас служит доктор Кэбот.
— Ах да, я и забыла! Наш доктор Кэбот! Что, он всё такой же старомодный, как и раньше?
— Не понимаю, что ты имеешь виду, — воскликнула я. — Он совершенно такой же, как раньше, даже лучше. Правда, здоровье у него стало совсем слабое, но даже это для него настоящее благословение.
— Благословение? Вот это да, Кэти Мортимер! — ой, извини, ты же у нас Кэти Эллиот. Благословение! — нет уж, увольте меня от подобных благословений. Но ведь ты всегда была немного со странностями. Право, я очень люблю доктора Кэбота и всё такое, но у вас такая маленькая и захудалая церковь, и туда почти никто не ходит из светского общества. Мы с Чарли ходим к доктору Беллами. Ну, то есть, я-то хожу регулярно, а Чарли — когда вздумается. Ну ладно, душенька, мне пора. Ещё столько всего надо купить на зиму! Ты уже всё себе купила? А то, может, съездишь сейчас со мной? Коляска внизу. Ты не представляешь, как быстро летит время, когда за утро надо обойти столько магазинов и всё обстоятельно рассмотреть!
— Знаешь, оказывается, есть много всего такого, что я не в силах себе представить, — сухо ответила я. — Ты уж извини, но сегодня я не могу.
Она попрощалась и упорхнула. Я взглядом проследила, как она скользит по лестнице, изящно подбирая юбки своего роскошного платья, и с презрением вспомнила её пустую, легковесную болтовню.
Они с Ча... — то есть, со своим мужем — два сапога пара. Неудивительно, что они так цепляются за свои деньги, особняки, модные платья и элегантную меблировку. Ведь больше-то у них ничего нет! Как хорошо, что я не такая, как они, что...

30 октября

Уж не знаю, что я собиралась написать дальше, когда меня прервали и мне пришлось уйти. Наверняка, что-то напыщенное и самодовольное. Помню, с каким презрением я смотрела вслед уходящей Амелии и какой возвышенно-благородной чувствовала себя ещё несколько дней после её визита, сравнивая её жизнь со своей. Но восхищалась-то я лишь собой и своим представлением о жизни, в котором — увы! — почти не нашлось места для Божьей любви. Я уверена, когда Евангелие Христа полностью завладеет всем моим существом, в нём вообще не останется места высокомерию. Как стыдно и горько думать, что во мне ещё так мало духа милосердия.

Моей гордыне нанесён крепкий удар.
Я восседала на своём возвышенном пьедестале и свысока взирала на всех Амелий этого мира, от всей души жалея их за то, с какой жадною радостью они хватаются за пустячные побрякушки, как обожают мирскую лесть, тщеславятся и выставляют напоказ свои успехи и достоинства.
«Все они одинаковые! — говорила я себе. — Они неспособны оценить такой характер, как у меня, и неспособны понять благородные, возвышенные принципы, которыми я руководствуюсь в жизни. Они стремятся заслужить одобрение общества, довольствуются роскошными одеждами, модными домами и элегантной обстановкой. Они не говорят и не думают ни о чём другом. У меня с ними нет ничего общего. Я вижу, насколько пуста и выхолощена их жизнь. Во мне нет ничего мирского, и я всей душой стремлюсь достичь того, что они презирают, — но презирают только из-за собственной слепоты и глупости».
Разговаривая таким образом с самой собой, я с немалым удовольствием услышала, что приехали доктор Кэбот с женой. Я поспешила им навстречу, чтобы поскорее похвастаться всеми теми добродетелями, которые я так в себе воспевала. Они и рта не успели раскрыть. Я бойко начала рассуждать о том, как презираю мирское тщеславие и как страстно стремлюсь к более возвышенной жизни. Более того, я даже проехалась по недостаткам кое-каких своих знакомых. Правда, я всё время смутно чувствовала, что нехорошо так отзываться об отсутствующих, и поэтому наполовину раскаивалась в тех словах, что продолжали слетать с моих уст. Когда гости, наконец, ушли, я, как на крыльях, понеслась к себе с бешено колотящимся сердцем и раскрасневшимися от красноречия щеками, влетела к детям, подхватила их на руки и начала целовать и тискать их так, что они, казалось, остолбенели от изумления. Потом я вынула шитьё и села к окну. Тут-то до меня и дошёл смысл всего произошедшего. Как мне было плохо! Я увидела вдруг всю свою отвратительную, изощрённую, замаскированную гордыню, как, наверное, увидели её доктор Кэбот с женой. Я сидела в полном смятении, поражённая собственной слепотой, поражённая греховностью и слабостью человеческой природы. Ах, если бы можно было повернуть время вспять и вновь обрести уважение своих друзей! Если бы можно было вернуть хотя бы уважение к себе самой! Но было поздно. Я отшвырнула шитьё и в отчаянии стала ходить из угла в угол. В душе моей шла жестокая борьба. Я видела, что вместо того, чтобы расстраиваться из-за того, что подумает обо мне доктор Кэбот, мне следовало бы беспокоиться лишь о том, как я выгляжу в глазах Бога, Который лучше любого человека на земле видит мою жалкую гордыню и тщеславие. Но я не могла успокоиться и бродила по дому, заламывая руки, пока окончательно не вымоталась. Наконец, я отослала детей спать, встала на колени и рассказала обо всём произошедшем Тому, Кто с самого начала прекрасно знал, какая я на самом деле, — и всё равно сжалился надо мной, призвал меня к Себе и сделал меня Своей дочерью. Только тогда душа моя начала немного успокаиваться. По пути к Небесному граду Христианин тоже встречался с Апполионами и великанами, и ему приходилось яростно с ними сражаться, — но, в конце концов, он всё-таки добрался туда, куда шёл!

Глава XVIII

12 ноября

Сегодня утром Эрнеста срочно вызвали к Амелии. Я даже почти что рассердилась на него — так долго он умывался и жевал свой завтрак перед тем, как пойти. Любой другой, наверное, давно бы сошёл с ума, если бы его так теребили и тормошили.
— У неё же кровотечение! — воскликнула наконец я. — Эрнест, милый, ну пожалуйста, поторопись!
— А что в этом неожиданного? — ответил он. — Рано или поздно оно всё равно должно было начаться.
— То есть как? — встревожилась я, — Ты что, хочешь сказать, что всё это время её жизнь была в опасности?
— В общем, да.
— Так почему же ты мне сразу об этом не сказал?
— Я же с самого начала говорил тебе, что у неё поражены лёгкие.
— Нет, ничего подобного ты мне не говорил! Ах, Эрнест, она что, умрёт?
— Я же не знал, что ты её так любишь, — извиняющимся тоном проговорил он.
— Дело не в этом, — вскричала я. — Просто мне грустно видеть, какую рассеянную, мирскую жизнь она ведёт. А я даже ни разу не попробовала повлиять на неё ради её же собственного блага. Если жизнь её в опасности, обещай мне, что ты скажешь ей об этом. Ладно?
— Прежде чем давать такие обещания, мне надо её осмотреть, — ответил он и ушёл.
Я влетела к себе в комнату и бросилась на колени, вне себя от горя и стыда. Я упустила последнюю возможность сказать ей о Боге, пока ещё было время, — а ведь я прекрасно видела, как ей это необходимо! И вот теперь она умирает. Хоть бы Господь простил меня и услышал мои молитвы за её несчастную душу!

Вечером

Эрнест рассказал мне, как тяжко ему пришлось сегодня утром у Амелии. Она настояла на том, чтобы услышать всю правду о своём состоянии, а потом разразилась горькими рыданиями и жалобами. Она обвиняла во всём своего мужа, ведь это он довёл её до болезни, гневно кричала, что не хочет умирать и не умрёт, и умоляла Эрнеста сделать всё, чтобы вылечить её. Её дядя посоветовал собрать ещё один консилиум, на что Эрнест, конечно, согласился, хотя, по его словам, врачам её уже не спасти. Я спросила, как отреагировал на всё это её муж, на что Эрнест уклончиво ответил, что, в принципе, он вёл себя так, как можно было ожидать.

6 декабря

Амелия так настойчиво хотела со мной повидаться, что Эрнест, в конце концов, попросил меня к ней сходить. Когда я пришла, она выглядела совсем обессилевшей.
— Ах, Кэти, — тут же встрепенулась она, — пожалуйста, уговори своего доктора! Пусть он скажет, что я поправлюсь!
— Как бы я хотела, чтобы он мог сказать это, не кривя душой, — ответила я. — Амелия, милая, постарайся подумать о том, как счастливы Божьи дети, пребывая с Господом на Небесах.
— Не могу я думать, — отрешённо сказала она. — Не хочу. Хочу позабыть весь этот кошмар. Если бы не этот ужасный кашель, я, пожалуй, могла бы забыться. Ведь мне сейчас гораздо лучше, чем месяц назад.
Я не знала, что делать и что говорить.
— Можно, я прочитаю тебе какой-нибудь гимн или пару отрывков из Библии? — наконец отважилась я.
— Как хочешь, — безжизненно проговорила она.
Я прочитала сначала один отрывок, потом другой, но вид у неё был такой измученный, что я встала, собираясь уходить.
— Ой нет, — воскликнула она, — не уходи! Я боюсь оставаться одна. Как же это страшно, как жутко — умирать! Подумать только!
— скоро я никогда больше не увижу этого чудесного, дивного мира, и меня заколотят в гроб и опустят в холодную, тёмную могилу!
— Нет, — ответила я. — Ты оставишь это бедное, больное тело и полетишь туда, где в тысячу раз прекраснее и лучше.
— А ведь я почти уже выздоравливала! — продолжала она. — И у меня было всё, чего душа пожелает, и Чарли снова стал совсем хорошим, и девочки мои всегда были одеты, как маленькие принцессы из сказки. Все говорили, что лучше меня их никто не

одевает. И вот теперь мне придётся всё это оставить, и Чарли женится на ком-нибудь ещё и будет говорить ей те же ласковые слова, что говорил когда-то мне.
— Знаешь, я всё-таки лучше пойду, — сказала я. — Такими разговорами ты только ещё больше мучаешь себя.
— Да ты плачешь! — воскликнула она. — Значит, всё-таки жалеешь меня?
— Конечно, — сказала я и ушла домой с тяжёлым сердцем.
Эрнест говорит, что молитва — это единственное, чем ей можно сейчас помочь. Она не верит, что жизнь её в опасности. Ей всё кажется, что стоит лишь уговорить Эрнеста, убедить его, как страстно она хочет жить, и он тут же придумает какое-нибудь волшебное средство, чтобы вылечить её. Сегодня ночью с ней будет дежурить Марта. Мне Эрнест не разрешает.
18 января
На днях была годовщина нашей свадьбы, но никто этого не заметил. Мы все поглощены состоянием Амелии. Марта проводит с ней практически всё время и почти всё для неё готовит.

20 января

Я ещё раз ходила к бедняжке Амелии и, наверное, в этом мире мы с ней больше не увидимся. За последнее время она быстро угасла. Эрнест говорит, что теперь она может уйти в любую минуту.
Когда я вошла, она взяла меня за руку и заговорила. Говорила она трудно, то и дело останавливаясь и переводя дыхание.
— Я вижу, что умираю. Я знаю, что это будет скоро. Мне хотелось бы повидаться с доктором Кэботом. Как ты думаешь, он придёт ко мне? Ведь я совсем его забыла.
— Конечно, придёт! — воскликнула я.
— Хочу спросить его, была ли я всё-таки христианкой тогда... ну, ты знаешь, когда. Если была, то мне можно не бояться смерти.
— Но Амелия, родная, какая разница, что думает доктор Кэбот? Весь вопрос в том, отдала ли ты себя Богу, принадлежишь ли ты Ему сейчас. Но зачем я говорю тебе всё это? Вот придёт доктор Кэбот — он-то знает, что сказать.
— Нет, мне хочется знать, что ты об этом думаешь.
Я горестно смотрела на её высохшее, умирающее тело. Как может посторонний человек судить о таком важном деле? Но я знала, что нужно сказать, и заговорила:
— Не надо, не оглядывайся на прошлое. Это бесполезно. Отдай себя Христу прямо сейчас.
Она покачала головой.
— Я не знаю, как это сделать. Кэти, Кэти, молись за меня! Попроси, чтобы Бог позволил мне пожить ещё чуть-чуть, чтобы подготовиться к смерти! Ведь я жила так бесцельно и глупо, и теперь мне так страшно умирать! Мне нужно хоть немного времени, чтобы исправиться!
— Не надо ждать никакого времени, — сказала я сквозь слёзы. — Приди к Богу сейчас, вот в эту минуту. Даже если у тебя будет ещё тысяча лет, это не поможет.
Потом я ушла, измученная и обременённая, а по пути домой зашла к доктору Кэботу и обо всём ему рассказала. Наверное, сейчас он уже там, у Амелии.

1 марта

Краткое земное поприще Амелии окончено. Перед смертью к ней постоянно заходил доктор Кэбот, и, по его словам, он надеется, что она умерла в христианской вере, хотя и без христианской радости. С прошлого нашего разговора я её так и не видела. Я пришла домой такая потрясённая и расстроенная, что Эрнест больше не разрешил мне туда ходить.
Последние три-четыре недели Марта практически переселилась к Амелии, и, по-моему, это пошло ей (то есть, Марте) на пользу. Теперь она гораздо меньше занята чисто внешней стороной дел и намного снисходительнее относится к моим недостаткам.
Не знаю, что теперь будет с бедными девочками, оставшимися без матери. Как было бы чудесно, взять их всех к нам, но сейчас это, конечно же, невозможно. Эрнест рассказывал, что, когда Амелия умерла, отец девочек чуть не сошёл с ума от горя, и дядя собирается немедленно отправить его в Европу.
Мы с Эрнестом тоже пару раз разговаривали про Амелию.
— Что ты думаешь о её последних днях? — спросила я недавно. — Удалось ей хоть как-то подготовиться к смерти?
— Ах, милая, мне всегда больно видеть подобные сцены, — ответил он. — Конечно, единственная настоящая подготовка к смерти во Христе — это жизнь во Христе.
— Но разве болезнь или близкая смерть иногда не совершает в человеке то, что было невозможно совершить за все годы благополучия и здоровья?
— Если это и бывает, то редко. Больной человек обманывает себя — или обманывается, слушая друзей. Он не верит, что действительно скоро умрёт. Кроме того, болезнь забирает много сил и мешает думать, путает мысли. Голова больного занята бесчисленными симптомами, ожиданием врачей и прочими подобными делами. В своей практике я не помню ни одного случая, чтобы христианин, живший одной ногой в мире и предававшийся мирской суете, умер радостной, счастливой смертью.
— Но ведь, в каком-то смысле, разница небольшая — умер человек с радостью или без. Главное, умер ли он в Господе.
— Ну, для него-то, пожалуй, разница действительно небольшая. Но мы с тобой не должны забывать, что не только своей жизнью, но и смертью можем либо почтить Господа, либо принести поругание Его имени. Не зря же в Библии описано, какой смертью Петру предстояло «прославить Бога» *. По-моему, это означает одно: чтобы хорошо умереть, нужно хорошо жить.
— Но ведь тысячи людей умирают внезапно — а некоторых болезнь изматывает так, что они не могут воздать Богу честь ни единым, даже самым слабым словом!
— Я и не имею в виду такие случаи. Я хочу сказать одно: если умирающий христианин находится в сознании и может позаботиться о последних мелочах своей жизни, то своей смертью он непременно должен воздать Богу славу и показать, как удивительно могущество Евангелия Иисуса Христа и как оно помогает бедным грешникам бесстрашно принимать жизненные испытания. Признаюсь тебе, лапушка, эти мысли стали для меня неизмеримо важными, поскольку мне часто приходится ухаживать за теми, кто при смерти. И мне невыносимо больно и горько видеть, как наследники вечного Царства, ради которых Господь не устрашился постыдной смерти, с плачем и дрожью отправляются вступать в своё наследство.
Я не сомневаюсь, что Эрнест прав. Но как же, как же убедить мир или хотя бы живущих в нём христиан, что стоит нам только об этом попросить, — и мы сможем даже сейчас, на земле, вкушать благостные обещания будущего блаженства, а Господь непременно даст нам достаточно веры для того, чтобы радостно уйти к Нему домой?
Бедная Амелия! Теперь-то ей всё понятно. Как же хорошо иметь в себе эту великую веру и как чудесно иметь такого Спасителя, Который принимает её, будь она даже размером с крошечное горчичное зерно!

24 мая

На третий день рождения нашей Уны я подарила ей маленького братишку. Они с Эрнестом-младшим так обрадовались, что это с лихвой возместило мне все страдания и тяготы, которые пришлось преодолеть ради такого подарка. Марта отнеслась к происходящему с весьма прозаической точки зрения и, по-моему, тайно обвиняет меня в преднамеренных кознях против неё самой. Она говорит, что ещё один ребёнок — это лишний рот, который надо кормить, и лишняя пара ног, которую надо обувать. Снова придётся не спать по ночам, снова прибавится забот, а времени на чтение, прогулки, музыку и рисование не останется совсем. Что ж! Конечно, всё это так, но есть и другая сторона медали. Теперь у меня есть ещё один сладкий ротик, который можно целовать, и ещё одна пара ножек, которые будут радостно топотать по детской и веселить нас всех. Ещё одну душу можно будет научить любить Господа Христа, а то тельце, в котором она гнездится, стоит любых земных затрат, потому что служит обиталищем Самому Царю царей. Может быть, мне придётся реже видеться с друзьями и знакомыми, но теперь у меня появился ещё один друг, дороже их всех. И пока я служу ему во имя Христа, то охотно буду отдавать ему всё время, которое до сих пор оставляли мне двое других моих птенчиков. Да, радость моя, сладкий мой малыш, ты бесконечно дорог своей маме, и она не пожалеет для тебя ни времени, ни сил, ни здоровья, ни нежности и заботы и будет всю жизнь молиться за тебя. Какой же богатой и благословенной я чувствую себя сейчас!

5 июня

Места в этом доме нам положительно не хватает. Надо либо купить дом побольше, либо сделать так, чтобы семья была поменьше. Боюсь, что в глубине души я тайно желаю, чтобы Марта и отец потеснились и дали место детям. Боже, прости меня за эти мысли и желания! Сейчас не время для подобных чувств, ведь Господь только что даровал мне ещё одного малыша, и я так страстно и нежно люблю его, как будто любовь моя до сих пор оставалась неизрасходованной и не изливалась щедрым потоком на Эрнеста и Уну. Я стараюсь быть вдвойне приветливой и с отцом, и с Мартой, чтобы они ни в коем случае не почувствовали себя обузой и не стали бы от этого страдать. Я ни за что не хочу отнимать у них той, пусть даже весьма убогой радости, которую они получают, живя с нами. Но я такая неисправимая эгоистка, и мне ужасно трудно соблюдать тот самый закон любви, который я неустанно втолковываю детишкам. Но я решила, что только этот закон будет безраздельно царствовать в нашей семье, чтобы дом наш стал маленьким подобием Небес уже здесь, на земле, и я ни за что, никогда не перестану за это молиться, чего бы мне это ни стоило. Бедный отец! Бедный, милый папочка! Для Вас я постараюсь сделать наш дом таким приятным и уютным, что когда Вы пойдёте на Небеса, то всего лишь смените одно блаженство на другое, неизмеримо выше и чудеснее.

Вечером

Закончив писать, я пошла вниз немного посидеть с отцом. Последние несколько недель я совсем его забросила, потому что ребёнок отнимает почти всё время и силы. Я застала их с Мартой посреди жаркой перепалки — по крайней мере, так мне показалось, потому что у неё на щеках лихорадочно горели неровные красные пятна и она так яростно двигала спицами, как будто от этого зависела вся её жизнь. Я уже собиралась потихоньку улизнуть, но тут она с внезапным волнением поднялась с места и пошла к себе, сказав только:
— Сам скажи ей обо всём. Я не могу.
Я подошла к нему и ласково взяла за руку. Как легко быть нежной и приветливой сразу после разговора с Богом!
— Что случилось, отец, милый? — спросила я. — Вас что-нибудь беспокоит?
— Она выходит замуж, — ответил он.
— Не может быть! — воскликнула я. — Папа, так это же просто чу...
Я хотела сказать «чудесно», но вовремя остановилась. Весь эгоизм, который, как мне думалось, остался лежать у ног Господа, тут же с победным кличем вернулся обратно:
«Какое счастье! Она выйдет замуж, уедет и заберёт с собой отца! У нас будет и место для детей, и комната для мамы! Теперь-то некому будет всё время раздражать и упрекать меня, и Эрнест наконец-то увидит, какая я на самом деле!»
Всё это вихрем пронеслось у меня в голове, и щёки мои тут же запылали.
— А Эрнест знает? — спросила я.
— Да, уже несколько недель.
Я почувствовала себя страшно оскорблённой и про себя обругала Эрнеста злым и нехорошим за то, что он не посвятил меня в такую важную тайну. Но стоило мне вернуться к детям, всё раздражение и обиду как рукой сняло. С появлением каждого нового ребёнка во мне возникает ещё более страстное, глубокое желание стать такой, какими я хотела бы видеть своих детей; мои грехи начинают казаться ещё более отвратительными, а характер обтёсывается ещё сильнее. Вообще, семейная жизнь стала для меня удивительной школой радости и страдания — и как же я благодарна Богу за то, что уже пожинаю какие-то плоды, пусть даже шипы постоянно впиваются мне в руки.

21 июня

Оказывается, тем счастливцем, которому удалось покорить сердце нашей Марты и добиться её руки, является не кто иной, как сам мистер Андерхилл, пожилой дядюшка Амелии. По его мнению, идеальная женщина должна обладать стальными нервами и полным отсутствием сентиментальности. У неё не должно быть ни головной боли, ни ревматизма, и она обязана следить за тем, чтобы все колёсики и винтики отлаженного домашнего механизма были всегда отлично смазаны и крутились так, чтобы он сам ни разу не услышал ни скрипа, ни треска. Вдобавок ко всем этим совершенствам, она должна почитать своего мужа и всю свою жизнь трудиться ради его личного удобства и покоя. Свои убеждения на этот счёт он изложил громким, ясным, торжественным голосом, — и, кроме того, удостоил меня описанием своей первой жены, которая, увы, не обладала ни одной из этих добродетелей, а посему поступила весьма благоразумно, почивши с миром в самом начале их супружества и кротко уступив своё место более достойной преемнице. Надо сказать, что, несмотря на все свои пунктики, мистер Андерхилл всё же хороший человек. Он собирается взять к себе в дом маленьких девочек Амелии и удочерить их, так что наша Марта станет им матерью. Поэтому-то он так и торопится сыграть свадьбу, ведь потом они сразу же уедут жить в его деревенскую усадьбу, до которой легко добраться из города и которая, по его словам, должна весьма понравиться отцу. Бедный отец! Надеюсь, жизнь в деревне и правда придётся ему по душе. Пока он хранит зловещее молчание всякий раз, когда об этом заходит речь, и всё больше времени проводит в одиночестве, запершись у себя в комнате и угрюмо размышляя о своей несчастной доле. Как бы мне хотелось его утешить!

12 июля

Свадьбу назначили на первое число, потому что мистеру Андерхиллу хотелось уехать за город ещё до Четвёртого июля. Незадолго до переезда Марта начала упаковывать свои вещи, а вместе с ними — и сундук отца. Она деловито сновала туда-сюда, то и дело забегая к нему в комнату, так что у бедняги не было и минутки покоя, и вскоре вид у него стал совершенно потерянным и унылым,

— ни дать ни взять, пеликан в пустыне *. Какая всё-таки безысходная это картина — странная, одинокая птица, подавленно стоящая на одной ноге посреди унылого запустения. Вот уж воистину der Jammer und das Elend der Welt! *
Вечером накануне свадьбы мы все вместе сидели на крыльце, радуясь свежему ветерку, подувшему после долгого, душного дня. Отец больше молчал и безжизненно смотрел куда-то вдаль. Поскольку Марте оставалось быть с нами всего одну ночь, Эрнест тоже пришёл посидеть с нами. Он заметил, что отец не в духе, и весело сказал:
— Не расстраивайся, папа. Вот увидишь, стоит вам снова оказаться в деревне, и тебе сразу полегчает.
Какое-то время отец ничего не отвечал, а когда заговорил, то к нашему невероятному изумлению голос его дрожал от слёз, и было почти невозможно понять, что он хочет сказать. Я подошла к нему, обняла и положила его голову к себе на плечо, — мы с ним всегда так сидим, когда у него мигрень. Он взял мою руку и сжал в своих ладонях.
— Значит, любишь старика хоть немножко? — спросил он таким же дрожащим, прерывающимся голосом.
— Конечно, люблю! — воскликнула я, до слёз тронутая его беспомощной доверчивостью. — Я очень Вас люблю, милый, милый мой папа! И буду сильно без Вас скучать.
— Тогда можно я никуда не поеду? — прошептал он. — Можно, я останусь с вами, пока Господь не заберёт меня? Мне ведь совсем недолго осталось, девочка моя, совсем недолго.
С воплем раненого зверя Марта вскочила и пулей пролетела мимо нас в дом. Эрнест кинулся за ней, и было слышно, как они долго о чём-то спорят. Наконец Эрнест снова вышел на крыльцо.
— Папа, — сказал он, — Марта очень расстроена и обижена тем, что ты не хочешь жить в её семье. Она заявляет, что лучше вообще не выйдет замуж, чем расстанется с тобой. Но я и правда думаю, что с ней тебе будет лучше, чем с нами. Деревенская жизнь тебе намного привычнее. К тому же там можно часами бывать на свежем воздухе, и как раз сейчас тебе это совершенно необходимо.
Отец ничего не ответил. Он поднялся и поплёлся в дом, опершись на руку Эрнеста. Там разразился ужасный скандал. Со слезами обиды Марта напомнила отцу, что перед самой смертью матушка поручила его её заботам, и начала перечислять все преимущества своего нового дома по сравнению с нашим. Отец с бледным лицом неподвижно сидел в кресле, а по щекам его одна за другой катились слёзы. Эрнест выглядел совершенно расстроенным; казалось, он вот-вот упадёт от изнеможения. Я плакала по очереди то вместе с Мартой, то с отцом, а сама всё теснее прижималась к Эрнесту, и мне казалось, что основания земли рушатся у меня под ногами. Настало время вечерней молитвы, и Эрнест молился так, как не молится почти никогда, ведь он редко бывает так взволнован и потрясён. Он успокоил нас всех простыми словами, обращёнными к любящему Богу. В конце концов, отец согласился провести летние месяцы с Мартой, но с тем условием, что будет и дальше называть наш дом своим и на осень и зиму снова переедет к нам. Правда, он согласился на этот компромисс только после жаркого спора с Эрнестом, через несколько часов после того, как мы с Мартой пошли спать. Отец говорит, что Эрнест — его любимый сын, я — его любимая дочь, а наши дети невыразимо дороги ему, и он сильно их любит. Мне стыдно записывать всё, что он сказал Эрнесту обо мне. Кроме того, я всё-таки чувствую, что где-то в самой дальней глубине своего сердца злорадно упиваюсь своим превосходством над Мартой. Мысль о том, что отец хочет жить не с нею, а с нами (просто невероятно!) кружит мне голову, и во мне так мало сострадания к Марте, а ведь ей сейчас так горько и тяжело. Как будто кто-то нашёптывает мне на ухо, что она и не заслуживает сострадания, — разве она сама когда-нибудь мне сочувствовала? Терпеть не могу, когда во мне поднимается этот противный, злобный дух. Просто ненавижу его!
А потом была свадьба, и они все уехали, — бледное, неподвижное лицо отца, казалось, стало ещё бледнее и неподвижнее. Мы с детишками уезжаем к маме. У меня такое чувство, что с моего сердца скатился тяжеленный камень. Уехал единственный человек, от которого я не видела ни одной доброй улыбки и не слышала ни одного сочувственного слова! Она уехала навсегда! Пусть Господь сопровождает её на всех путях и даст ей счастливую семью, чтобы она стала настоящей любящей матерью несчастным девочкам-сироткам.

Глава XIX

1 октября

Лето вместе с мамой получилось просто замечательным, а сейчас наконец-то исполнилась моя давняя, так долго не сбывавшаяся мечта, и мама переехала жить к нам. Эрнест с радостью на это согласился, Джеймс устроил все её дела и привёл в порядок все бумаги, так что теперь ей ни о чём не надо беспокоиться, и она может любить нас без оглядки, а мы в ответ можем так же горячо любить её. Просто загляденье смотреть, как мама сидит в окружении моих милых птенчиков и рассказывает им ту же самую дивную древнюю историю, которую когда-то рассказывала мне, и с её словами и Бог, и Небеса, и Христос становятся для моих малышей удивительно реальными и близкими. Я тоже слушаю — и понимаю, что именно ей обязана тем, что с самого детства во мне живёт глубокое, неистребимое желание угождать Господу Иисусу. Я не помню, как оно ко мне пришло, и не помню, чтобы оно уходило, — хотя, конечно, у него были свои взлёты и падения. У меня просто сердце радуется, когда я вижу, что мама снова сидит в своём старом кресле (милый Эрнест позаботился и об этом и перевёз его из маминого дома), с задумчивой улыбкой читает Библию или перелистывает томик Фомы Кемпийского, — всё такая же, как и раньше, какой я помню её с самого раннего детства. Есть и ещё одна радостная картина, на этот раз неожиданная и совсем новая. За столом по правую руку от меня всегда сидит мама, живое олицетворение благословенного Евангелия и благой вести для грешников, — а напротив неё восседает отец, как увядающий образ ветхого Моисеева закона. Да, отец снова с нами, со всеми его болячками, пилюлями, приступами отчаяния и предсмертными речами. Но теперь он стал совсем мягким, кротким и даже любящим. Когда он усаживается с Библией к себе в уголок, я вижу, что сейчас он читает Новый Завет гораздо чаще, чем раньше, и стоит только взять в руки его Библию, она тут же сама открывается на четырнадцатой главе Евангелия от Иоанна.
Надо отдать Марте должное и сказать, что хотя в её отсутствие дом наш стал гораздо спокойнее и радостнее, забот у меня значительно прибавилось. Столько всего! И дети, и домашние хлопоты, и забота о том, чтобы маме с отцом было удобно и покойно. Я как будто соломинка, которую ветер носит туда-сюда, вечно куда-то спешу. Столько всего надо успеть сшить, о стольком надо успеть подумать! Мама говорит, что так загружать себя нельзя, но что делать? Пока Эрнест так много работает, изо всех сил стараясь поскорее расплатиться с долгами, мне придётся взять на себя всё шитьё. Да ещё надо уживаться с прислугой — ведь за такие деньги, которые мы можем им платить, нанимаются только самые неумелые. Маме я рассказывать об этом не могу, так что она наверняка думает, что я настоящая скряга и экономлю на чём только можно из чистой прижимистости и жадности.

30 декабря

Сегодня Эрнест пришёл ко мне с хозяйственными счетами за последние три месяца. Вид у него был довольно встревоженный, даже для него, а ведь он такой сдержанный. Он спросил, нельзя ли нам в чём-то ужаться, сократить расходы.
У меня панически заколотилось сердце, и я раздражённо заговорила:
— Я и так тружусь до полусмерти. И мама говорит, что так нельзя. Каждый вечер шью чуть ли не до двенадцати, так что сил больше нет.
— Но, лапушка, я вовсе не хотел сказать, что тебе надо больше работать, — мягко ответил Эрнест. — Я вижу, как ты устаёшь, и, честно говоря, мне совсем не нравится эта твоя бурная, горячечная деятельность. Неужели детям действительно нужно столько новой одежды?
— Вы мужчины всё равно ничего в этом не понимаете, — заявила я, принимаясь зашивать пятую складочку на платьице для Уны,

хотя внутри совесть уже начала колоть и упрекать меня. — Конечно же, мне хочется, чтобы наши дети выглядели прилично.
Эрнест вздохнул.
— Даже не знаю, что делать, — пожаловался он безнадёжным голосом. — Отец настаивает на том, чтобы жить с нами, и это лишнее бремя, да ещё со всеми остальными заботами, тебя совершенно выматывает. Я каждый день это вижу и чувствую. Как ты думаешь, может всё ему объяснить и попросить-таки переехать к Марте?
— Ни в коем случае! — гордо воскликнула я. — Да пусть лучше я умру, но он останется у нас!
Эрнест снова принялся просматривать счета.
— Не знаю, почему, — проговорил он, — но с тех пор, как Марта уехала, мы стали намного больше тратить.
А дело всё в том, что пока я учила ребятишек тётушки рисовать и играть на пианино, она довольно щедро мне за это платила. Я не решалась показывать Эрнесту свои заработки, потому что боялась, что он рассердится, — и поэтому тихонько пускала их на домашние расходы. Так у нас и получалось практически до того самого момента, когда Марта вышла замуж. И хотя Эрнест ничего об этом не знал, его несправедливость показалась мне такой же жестокой и такой же невыносимой, как если бы я всё это делала с его благословения. Мои бедные истрёпанные нервы не выдержали, и я разразилась безудержным потоком раздражённых обвинений и жалоб.
Эрнест был удивлён и, по-моему, слегка рассержен.
— А я-то думал, с этим у нас покончено, — сказал он, собрал бумаги со стола и вышел.
Я поднялась, заперла дверь и в отчаянии повалилась на пол, мучаясь попеременно то от стыда, то от гнева и чувствуя себя совершенно обессилевшей.
Тогда я ещё не понимала, что по большей части этот взрыв, со стороны казавшийся просто вспышкой чрезмерной ребяческой раздражительности, был просто воплем измученных нервов, которые уже долго выдерживали слишком большое напряжение и нигде не могли отыскать себе отдушину. Эрнест тоже этого не понимал. Да и как ему было понять? По роду своих занятий он по несколько часов в день проводит на свежем воздухе. Кроме того, у него всё-таки бывают такие минуты, когда дело сделано, работа закончена, и можно отдохнуть. Да и здоровье у него отличное.
Однако в тот момент я и не думала искать себе оправданий. Я была совершенно раздавлена чувством собственной ничтожности и жуткого осознания того, что я просто неспособна быть ни женой, ни матерью.
Тут я услышала, как Эрнест пытается открыть дверь. Он подёргал за ручку, увидел, что дверь заперта, легонько постучал и ласково позвал меня:
— Лапушка, это я. Открой, пожалуйста.
Я неохотно впустила его к себе.
— Пойдём, покатаемся, — сказал он. — Давай, оденься побыстрее, и поехали. Я сейчас поеду навещать больных, а ты поедешь со мной. Долго я нигде задерживаться не стану, а пока я буду с пациентами, ты посидишь на улице, в коляске. Тебе это полезно.
— Не хочу я никуда ехать! — буркнула я. — Мне и так плохо. И работы к тому же уйма.
— Да как ты будешь работать с такими красными, опухшими глазами? — улыбнулся Эрнест. — Поехали, поехали! Я твой врач и прописываю тебе прогулку на свежем воздухе.
И он протянул ко мне руки.
— Эрнест, милый, ну как ты можешь вот так прощать и любить меня? — воскликнула я, кидаясь к нему в объятия. — Если бы ты знал, как мне стыдно за своё поведение! Прости меня, пожалуйста!
— А если бы ты знала, как мне за себя стыдно! — горячо ответил он. — И ты прости меня, ладно? Я должен был видеть, что ты перенапрягаешься и трудишься из последних сил, делая и свою работу и то, что раньше делала Марта. Так дальше нельзя!
К этому времени я уже надела шляпку с вуалью, чтобы спрятать заплаканное лицо. Мы спустились вниз, вышли на улицу, и зимний ветер тут же обдал морозом мои пылающие щёки и охладил воспалённую голову. Мне сразу показалось, что я подняла скандал из-за сущего пустяка. Я подумала, что характер у меня до сих пор такой недисциплинированный и несдержанный, что я совсем недостойна быть женой и матерью. Однако когда, запинаясь и роняя слёзы, я попыталась сказать об этом Эрнесту, он утешил меня с такой нежностью и мягкостью, какие я раньше видела только у женщин.
— Ты просто наговариваешь на себя, солнышко, — сказал он. — Твой характер никак не назовёшь недисциплинированным. Вот нервная организация у тебя действительно необычная, это правда. К тому же тебе пришлось выдержать столько нелёгких забот и испытаний почти с самого начала нашей супружеской жизни. Не надо было мне обременять тебя ещё больше и рассказывать о долгах отца — да ещё в тот момент, когда ты вполне резонно надеялась, что скоро освободишься от мелочных денежных проблем и всего прочего.
— Не говори так! — перебила я его. — Если бы ты тогда не сказал мне о долгах, я всё время упрекала бы тебя в скаредности. Потому что, знаешь... на самом деле, тех денег, что ты мне даёшь... то есть... их ведь совсем мало. Я знаю, что ты здесь не виноват, милый, но, наверное, мужчине трудно понять, сколько у матери бывает самых разных расходов, и причём почти каждый день. Всё получалось вполне сносно, пока не родились дети, но с тех пор мне и правда трудно, очень и очень трудно.
— Да, — ответил он. — Я не сомневаюсь, что тебе тяжело. Но я вот что хотел сказать. Давай условимся, что в отношении самой себя ты попытаешься проводить различие между обыкновенной вспыльчивостью и той раздражительностью, которая начинается в результате нервного истощения и переутомления. Пока ты не научишься отличать первое от второго, ты так и будешь горевать и огорчаться по каждому поводу. Ну скажи мне — ведь наверняка всякий раз, когда ты заговариваешь со мной или с детьми раздражённым тоном, потом ты без конца коришь, ругаешь себя и полностью теряешь к себе уважение, хотя бы на день или два, — да ещё, наверное, чувствуешь, что и Бог тобою недоволен. Ведь так?
— Ах, Эрнест! — вскричала я. — Да на свете и слов-то таких нет, чтобы сказать, как мне больно и стыдно, когда я с ходу, не подумав, начинаю кричать на тебя — на тебя! на единственного в мире человека, которого люблю всем своим сердцем! — или на родных моих, любимых детишек, которых обожаю почти так же безумно, как тебя. Я днём и ночью горюю о своей вспыльчивости и постоянно молюсь об этом. Один Господь знает, как я себя ненавижу уже из-за одного этого ужасного греха!
— Это становится грехом только тогда, когда ты сознательно и упрямо держишься за то, что подталкивает тебя к раздражительности и усугубляет её. А что, если тебе смиренно, в страхе Божьем, раз и навсегда принять твёрдое решение никогда не взваливать на себя больше работы, чем ты способна выполнить тихо, спокойно, без спешки и суеты? А ещё раз и навсегда решить, что как только ты заметишь, что снова начинаешь нервничать и становишься похожа на загнанную лошадь, то сразу остановишься, чтобы перевести дыхание и подумать? Знаешь, я уверен, что в данном случае это простое правило обыкновенного здравомыслия поможет тебе лучше, чем все молитвы и слёзы, вместе взятые. Может, попробуешь, лапушка? Хоть один месяц?
— Но мы же не можем себе этого позволить! — почти что простонала я. — Ты же сам сегодня сказал, что расходы нужно сократить, но если я стану меньше работать, то их только прибавится. Кроме того, кто-то ведь должен всё это делать! Детей надо одевать, на них просто не напасёшься. Да и тебе надо бы носки подштопать — дырищи на пятках, просто страх. И потом, разве тебе понравится, если на манжете вдруг не будет пуговицы или окажется, что старые рубашки совсем износились?
— Всё это так, — возразил он, — но я не намерен больше позволять тебе доводить себя до такого нервного истощения, как в последнее время.
Тут мы подъехали к дому больного, Эрнест ушёл, а мне ничего не оставалось делать, кроме как откинуться на спинку сиденья и задуматься обо всём, что он сказал. Я снова и снова повторяла в голове его слова, всё больше убеждаясь в их разумности, но никак не могла понять, что же теперь делать. Да, уже и раньше в те минуты, когда я горько раскаивалась в резкости по отношению к детям, я частенько думала, что Бог, наверное, не столько обвиняет меня, сколько жалеет. И вот теперь мой муж поступает точно так же.
Когда Эрнест вышел от больного, мы тронулись дальше и какое-то время ехали молча. Наконец я спросила:
— Скажи-ка, Эрнест, неужели ты сам до всего этого додумался?
Он слегка улыбнулся.
— Ну нет. Последние два-три года у меня лечится одна пациентка — довольно интересный случай. Не так давно я прописал ей то

же самое, что прописал сегодня тебе. И представь себе, её болезнь как рукой сняло, и теперь она совершенно здорова и душевно, и физически.
— Наверное, у неё богатый муж, — сказала я.
— Ну, в любом случае, не такой бедный, как у тебя, — ответил Эрнест. — Но мне всё равно, богаты мы или бедны. Я больше не собираюсь спокойно смотреть на то, как ты взваливаешь на себя ношу, намного превосходящую твои силы. Вот представь себе, лапушка, что было бы, если бы за пятьдесят, сто или пускай даже двести долларов в год ты могла купить себе внутреннее спокойствие, радость и приветливую сдержанность. Да ты бы и минуты не сомневалась и тут же выложила бы за это все деньги, что у тебя есть. А ведь это возможно! Потому что ты совсем не злая, не сварливая, а просто нетерпеливая и вспыльчивая, и твоя раздражительность — это физический недуг, который немедленно уйдёт, если ты перестанешь быть такой требовательной госпожой самой себе и не станешь больше загонять себя до изнеможения.
На словах всё это было замечательно, но как только я вернулась домой, то тут же, по привычке, снова схватилась за шитьё.
— Раз уж начала, надо закончить, — сказала я себе, и из-под иглы один за одним полетели быстрые стежки, только успевай следить. Вскоре подбежал Эрнест-младший, чтобы я почитала ему сказку, но я отослала его прочь. Потом Уна попросилась на ручки, но я была слишком занята. Не прошло и часа, как всё отрезвляющее влияние свежего воздуха и уговоров Эрнеста почти что выветрилось у меня из головы. Нитка то и дело обрывалась, дети постоянно прибегали и висли на мне, так что у меня даже плечи заболели. В довершение всего маленький проснулся, заплакал, и терпение моё лопнуло окончательно.
— Эрнест, да уйдёшь ли ты наконец?! — закричала я. — Оставь маму в покое! Неужели ты не видишь, что я пока занята? Пойди-ка поиграй с Уной, как хороший мальчик.
Но Эрнест-младший не послушался и стал дразнить Уну, да так, что вскоре она тоже заплакала, и они с малышом устроили мне настоящий концерт.
— Кошмар какой-то! — вздохнула я. — Совершенно ничего не успеваю!
Я с досадой отшвырнула от себя шитьё, раздражённо прошагала к колыбельке, резко вынула оттуда малыша и сердито зашагала с ним по комнате. «Как некстати он проснулся! — думала я. — Мне ещё столько всего надо сделать!» Но одновременно внутри у меня зашевелилось настоящее отвращение к самой себе. Ведь я люблю своего мальчика! Почему же я так с ним обращаюсь и позволяю себе такие гадкие мысли? Я тут же бросилась его целовать, чтобы хоть как-то загладить свою резкость и нетерпение, которые напугали его — да и Эрнеста с Уной тоже.
Вечером Эрнест-старший принёс мне денег на хозяйство и на этот раз дал мне столько, сколько я от него ещё никогда не получала.
— Только вот что, милая, — предупредил он, — все эти деньги должны пойти на то, чтобы нанять работниц, которые помогли бы тебе справиться с домашними делами. Я знаю многих бедных женщин, которые будут благодарны за любой самый скромный заработок и с радостью станут тебе помогать.
Надо же! Ему легко говорить! Нет, конечно, я очень благодарна Эрнесту за доброту и заботу. Но мне ещё и самой надо хоть как-то приодеться, а то хожу в каких-то лохмотьях. Так что эти деньги нужны мне для того, чтобы сшить себе что-нибудь приличное, а то стыдно на людях показаться. И потом: допустим, я перестану заниматься шитьём и оставлю кое-какие другие дела. Но ведь мне всё равно надо кормить ребёнка, вставать к нему по ночам. Уна всё время болеет и бывает не в духе, да и Эрнест-младший тоже частенько капризничает. А тут ещё и отец с его мрачностью и болезнями... Да уж! Боюсь, у меня не получится с лёгкостью заполучить то самое «внутренне спокойствие, радость и приветливую сдержанность», которые обещал мне Эрнест!

1 января 1844 года

Мама говорит, что Эрнест совершенно справедливо запрещает мне столько работать. Надо признаться, что я уже чувствую себя гораздо лучше. Теперь у меня есть время, чтобы читать Библию и молиться, и дети уже не раздражают меня так, как раньше. Кто знает, может, я всё-таки когда-нибудь и стану приятным, спокойным человеком!
Сегодня Эрнест донельзя обрадовал отца, сообщив ему, что наконец-то выплатил последнюю долю этого противного долга, и теперь мы свободны. Неужели он не мог раньше мне сказать, что ждать осталось совсем немного? Я-то думала, что нам ещё платить и платить, что ещё долгие годы придётся как-то выкручиваться, бороться с нищетой. А теперь мы свободны, и отец страшно доволен, и мне гораздо лучше. Так что настроение у меня сегодня преотличное. Эрнест тоже весел, и мы оба чувствуем, что настало, наконец, время тихого домашнего счастья, которого мы до сих пор не знали. С таким чудесным мужем и такими великолепными детьми я должна быть самым что ни на есть благодарным существом на свете! А ведь ещё у меня есть мама и Джеймс. Кстати, до сих пор не могу понять, как Джеймс относится к Люси. Он так светится счастьем и так полон веселья, что его любовь и радость просто переливаются через край. Но, может быть, он просто любит её как двоюродную сестрёнку?

14 февраля

Последнее время отцу совсем плохо. Такое впечатление, что он держался до тех пор, пока не узнал, что с долгами покончено, — а потом сразу начал угасать. Мы с мамой часами читаем ему вслух, но просветления почему-то всё нет и нет, и он ожидает прихода смерти с мучительным, болезненным страхом. Он, как ребёнок, цепляется за меня, не желая отпускать и на минуту, и льнёт ко мне, как будто я его родная дочь. Марта тоже проводит с ним много времени и всё время носится и квохчет над ним, точно наседка. Неужели она не видит, как это утомляет и сердит его? Ему ведь совсем немного надо: чтобы кто-то почитал ему, или пропел гимн, или повторил стих из Библии, — а так он просто хочет, чтобы его оставили в тишине и покое. Но Марта непрестанно выдёргивает из-под него подушку, чтобы ещё раз хорошенько её взбить, постоянно прикладывает ему к голове горячие уксусные компрессы и парит ему ноги. Странно видеть, как она крутится по комнате в богатом шёлковом платье с засученными рукавами и в латаном переднике, аккуратно прикрывающем всю юбку, без конца растирает отца и тормошит его так, что мне иногда кажется, что утомлённая душа вот-вот покинет его старое тело.

20 февраля

Отец слабеет с каждым днём. Эрнест послал за остальными его детьми, Джоном и Хелен. Марта больше приходить не может, потому что у мистера Андерхилла сильная лихорадка, и его нельзя оставлять одного. Вот ему наверняка нравится её деловитая и суетливая опёка, когда каждые пять минут из-под него выдёргивают подушки и каждую секунду подтыкают одеяло. Боюсь, я даже рада, что Марта у нас не появляется и мы с отцом почти всегда вдвоём. Последнее время Эрнест стал со мной просто удивительно нежен, таким он ещё никогда не бывал. Не знаю, что и думать.

22 февраля

Приехали Джон с женой и с Хелен. Они живут у Марты, там больше места. Жена у Джона маленькая и кругленькая, как сдобная пышечка, и всё время смотрит на него снизу вверх, как мышка на колокольню. Он сам показался мне страшным эгоистом. Только войдёт в комнату, прямиком направляется к лучшему креслу, а ей иногда даже приходится стоять. Она прямо-таки по струнке ходит, вьётся вокруг него, как пчёлка, а он принимает все её смиренные ухаживания с таким видом, как будто деньги с должников собирает, — да ещё постоянно её поправляет и вечно чем-нибудь попрекает. При всём этом в чём-то он ужасно напоминает мне

Эрнеста. Кто знает, женись Эрнест на слабохарактерной девушке, которая не умеет за себя постоять, — он, может быть, тоже бы распустился! По-моему, отчасти его жена сама виновата в том, что Джон осмеливается так самодовольно себя вести.
Зато Хелен — это самое очаровательное и прелестное существо на свете. Ну почему, почему Джеймсу так нравится Люси? Я и не знала, что это так чудесно — иметь сестрёнку, которую можно любить и которой можно от всей души восхищаться. Со временем она меня тоже полюбит, я в этом даже не сомневаюсь.

1 марта

Силы совсем покинули отца, но его всё ещё мучают страх и неуверенность. Он как будто ощупью пробирается во тьме и содрогается при мысли о приближающейся смерти. Нам остаётся только молиться за него. Облако тьмы непременно рассеется, когда он покинет этот мир, — а может, и раньше. Ведь я знаю, что он хороший, благочестивый человек, любимый Богом и драгоценный в глазах Христа.

4 марта

Наш милый отец умер. Мы все стояли вокруг его постели на коленях, плакали, молились, как вдруг он позвал меня к себе поближе. Я подошла, склонилась к изголовью, и он благодарно положил голову ко мне на плечо, как любил делать и раньше. Иногда бывало, что я буквально часами простаивала так рядом с ним и думала, что вот-вот упаду от усталости. Меня удерживала только мысль о том, что если бы мне пришлось вот так поддерживать бедную разбитую голову моего родного, драгоценного папы, то я могла бы стоять и держать её вечно.
— Кэтрин, дочь моя, — произнёс отец дрожащим, гаснущим голосом, — ты подошла со мной к самому берегу великой реки. Я благодарю Бога за твою радость, за твои приветливые и ласковые слова. Я благодарю Бога за то, что Он дал моему сыну такую чудесную помощницу. А теперь прощай, — добавил он вдруг тихим, твёрдым голосом. — Я чувствую под ногами дно, и всё хорошо.
Он откинулся на подушку и устремил глаза вверх, на его измождённом морщинистом лице появилось выражение ангельского покоя и радости, и жизнь тихо и незаметно оставила него.
Как всё-таки щедро Господь награждает нас! Какую великую награду я получила за свою слабую и тщедушную любовь к отцу, за ту малую толику внимания и ласки, которая доставалась ему от меня! Как я раскаиваюсь сейчас за то, что иногда выходила из терпения, посмеивалась над его странностями, а подчас в глубине сердца даже не хотела, чтобы он жил у нас в доме! Я была настолько слепа в своём эгоизме, что ни разу не подумала, как тяжело ему, наверное, было ощущать свою неприкаянность, жить на чужом иждивении, не иметь своего дома и не быть главой семьи! Я прошу Господа навсегда запечатлеть эти уроки в моём сердце, чтобы это облако скорби, сожаления и стыда, которое я ощущаю сейчас вокруг себя, превратилось в источник любви и благодати для каждой человеческой души, которую я могу пригреть и благословить.

Глава XX

9 апреля

Я получила ещё один крепкий урок, который больно пронзил мне сердце. Просматривая отцовские бумаги, Эрнест обнаружил небольшой дневник. Записи в нём совсем краткие, но из них мы узнали, что в дни рождения и в дни годовщины нашей свадьбы, когда мне казалось, что отец не желает радоваться с нами из-за своей суровой религиозности, на самом деле он молился и постился за нас и наших детей! Неужели я так никогда и не обрету той великодушной милости, которая не мыслит зла, всему верит и всего надеется? Сколько щедрых благословений, должно быть, сошло на нас и наших ребятишек благодаря этим тайным молитвам! Сколько опасностей они от нас отвели! Милый, милый отец! Как бы мне хотелось ещё раз с любовью обнять его и сказать, как мы всегда ему рады! Как бы я хотела сейчас покаяться перед ним и попросить прощения за то, что так несправедливо о нём судила! Неужели так будет всегда? Неужели я всегда буду такой же слепой, невежественной и глупой? Как же я ненавижу в себе это высокомерное пренебрежение к другому человеку и полное невнимание к его тайной, внутренней жизни!
Теперь я вижу, как это хорошо, что мама не смогла переехать к нам в самом начале моей семейной жизни. Я просто не смогла бы приноровиться к её маленьким странностям и не смогла бы сделать её по-настоящему счастливой. Я благодарю Бога за то, что все эти разнообразные разочарования, неудобства, слабое здоровье, бедность, унижение и горькие уроки произвели во мне хоть какое-то доброе действие, заставляя меня тысячу раз прибегать к Нему, потому что без Его помощи я бы просто ни с чем не справилась. Но я далеко не удовлетворена своим нынешним состоянием в Его глазах. Уверена, что мне всё равно чего-то не хватает. Только вот чего?

2 мая

Хелен остаётся здесь и будет жить у Марты. Как я рада, как счастлива! Мистеру Андерхиллу уже намного лучше. Сегодня я его навещала. Он говорит исключительно о своей болезни и о том, какая Марта замечательная сиделка и он обязан ей своей жизнью. Меня немного задели эти громогласные похвалы в её адрес, потому что Эрнест тоже был к нему чрезвычайно внимателен и много сделал для его выздоровления. Отцовскую комнату мы переделали в детскую. До сих пор ребятишки спали вместе с нами, что было неудобно и для них, и для нас. Я всё время боялась, что они будут будить Эрнеста своим плачем, особенно когда им нездоровится или не спится. Кроме того, мы нашли отличную няньку. Зовут её Роза, и это имя ей очень подходит, она вся такая цветущая и свеженькая. Детишки к ней уже привязались, и я чувствую, что всё худшее в моей жизни уже позади.

3 июня

В тот самый день, когда я сделала последнюю запись в дневнике, заболел Эрнест-младший. Болезнь накинулась на него так страшно и так внезапно, что он до сих пор очень и очень слаб. Я не забыла, как когда-то обещала Богу, что без жалоб отдам Ему своих детей, когда Он об этом попросит. И я сдержу своё обещание. Но как мучительно это тоскливое ожидание! Оно вгрызается мне прямо в душу и изъедает её, как ржавчина. Мой бедный малыш, бедный Эрнест! Первенький мой сыночек! Гордость моя, радость, надежда моя! А я-то думала, всё худшее уже позади!

8 августа

Мы приехали в деревню с тем, что у нас осталось, с двумя младшими детьми. Да, мне пришлось испить горькую чашу утраты, испить её до последней капли. Я отдала своего сыночка Господу, я отдала, отдала его! Но как же тяжко, мучительно было видеть, как пухленькие ручки с ямочками на локотках исхудали и стали тонкими и неподвижными, а радостная улыбка навсегда покинула его милую мордашку. Как страшно быть матерью! Но я отдала своего малыша Богу и не стала бы забирать его обратно, даже если бы могла это сделать. Я благодарна, что Господь счёл меня достойной принести Ему этот дар, который так дорого мне обошёлся. Плакать не получается, и поэтому я пишу, пытаясь как-то облегчить себе душу, а иначе совсем сойду с ума. Мой благородный, славный мальчуган! Мой первенец! Подумать только, наша хрупкая, болезненная Уна жива, а смерть унесла самого жизнелюбивого и радостного ребёнка на свете, который солнечным лучиком освещал весь наш дом!
Но я не хочу забывать Божьих милостей. Не хочу забывать, что у меня остались замечательный муж, двое прелестных детей, да ещё и добрая, отзывчивая мама. Я не хочу забывать, сколько друзей окружало нас в скорбный час утраты. Но пуще всего я хочу напоминать себе о Божьей милости и доброте. Он не оставил нас и избавил от той горькой и упрямой скорби, которая презирает сострадание и отталкивает всякое утешение. Мы верим в Него, любим Его и поклоняемся Ему, как никогда раньше.
Горе ударило Эрнеста в самое сердце. Но он ни на одну минуту не усомнился в благости и любви Отца, забравшего у нас сына, хотя нам обоим казалось, что Эрнест-младший непременно станет для нас самой большой из земных радостей. Мы склонились перед Божьей волей и согласились с ней, и горе сблизило нас ещё больше. Мы вместе несём бремя своей юности, вместе молимся и сквозь слёзы поём хвалу Богу. «Я стал нем, не открываю уст моих; потому что Ты соделал это».

1 сентября

Первые прохладные вечера принесли мне прежнюю ломоту в боку и кашель. Может быть, мне суждено отправиться вслед за моим родным мальчиком? Не знаю. Я и правда очень слаба. Даже если ты покорно соглашаешься на страдания, сами страдания от этого легче не становятся. Конечно, как мог мой славный малыш уйти, не поранив и не разорвав на кусочки то сердце, которое так страстно его любило? Всё вокруг стало чужим. Я передвигаюсь, как во сне. Эрнест тоже переменился. Он почти ничего не говорит, со мной он сама доброта и мягкость, но я вижу, что в сердце у него зияющая рана, которая не затянется никогда.
Я лежу в постели у себя в комнате и ничего не делаю, а только всё думаю, думаю, думаю. Я не верю, что Господь забрал у нас ребёнка просто потому, что был нами недоволен и решил нас наказать. Но я всё равно чувствую, что этого горя могло бы и не быть, если бы я не стонала так, не жаловалась и втайне не сетовала на то, что в доме у нас так тесно и вечно нет денег. Бог заменил один урок другим, и эта новая чаша намного горше и тяжелее прежней.

4 октября

Сегодня моему дорогому ушедшему сыночку должно было исполниться шесть лет. Эрнест всё ещё не выпускает меня на улицу, но считает, что время от времени мне нужно видеться с друзьями и знакомыми. Право, какие странные вещи говорят люди, когда пытаются утешать друг друга в горе! Честно говоря, я уже начинаю думать, что скорбящему можно помочь, пожалуй, лишь тёплым пожатием руки. Кто-то говорит, что я не должна горевать, потому что мой малыш на Небесах и ему сейчас намного лучше, чем здесь. Конечно, ему лучше! Я это знаю и чувствую — но всё равно так по нему скучаю! Другие говорят, что так даже лучше, потому что — кто знает? — Эрнест мог бы вырасти плохим человеком и, в конце концов, разбить мне сердце. Может, оно, конечно, и так, но я никак не могу поверить, что такое могло случиться. Одна знакомая спросила меня, не вижу ли я в этом Божьего наказания за то, что сделала из своего сына идола, — или, может, я находилась в тепло-хладном, мирском состоянии, и только такой суровый удар мог снова привести меня к Богу.
Но подобные слова не приносят мне никакого утешения. Меня успокаивает лишь твёрдая вера в то, что Отец и Бог наш благ и любит нас, — а ещё непоколебимая уверенность в том, что знай я сейчас ту причину, по которой Господь допустил это страдание, то непременно склонилась бы перед Ним в восхищении и благодарности. И даже посреди этой страшной скорби мне довелось испытать неизвестный доселе восторг и утешение в Господе — да такие удивительные, что моя одинокая комната порой кажется мне самими вратами рая.

12 мая

Вот и прошла долгая зима заточения, насквозь пропахшая лекарствами, лишениями и всевозможными болезненными процедурами. Наконец-то я снова поправляюсь и уже начала ежедневно выезжать в коляске на свежий воздух. Коляску нам даёт Марта, и мама обычно катается со мной. Мамочка моя, мама! Она просто ангел какой-то! Я ещё не видала лица милее, чем у неё, и не слышала, чтобы кто-нибудь другой так же светло и просто говорил о своей вере в Бога и так же любил всех вокруг. Все эти долгие, трудные месяцы она была мне главной поддержкой и опорой. И она же разделила со мной горе, которое стало и её горем тоже.
Я вижу, что и тягостная скорбь по сыну, и постоянное беспокойство обо мне стали для Эрнеста настоящим благословением свыше. Я уверена, что теперь каждый раз, когда он приходит навещать заболевшего ребёнка, мать больного малыша может рассчитывать на такое сострадание, которого он никогда не смог бы ей дать, будь все наши ребятишки живы и здоровы. Я благодарю Бога за то, что теперь мой муж может ещё лучше и полнее служить людям Его любовью — да и я, по-моему, тоже. Я уже чувствую необыкновенную нежность и жалость ко всем страдающим детишкам, и теперь мне будет намного легче оставаться с ними терпеливой и спокойной.

12 июля, Рин, Нью-Хэмпшир

Сегодня ровно год, как из нашей жизни ушёл самый яркий её лучик, не стало нашего родного, славного сыночка. У меня было искушение провести сегодняшний день в горьких слезах и стенаниях. Потому что нет, эта скорбь не утихает со временем. Я ощущаю её всё острее и острее. Но проснувшись утром, я прежде всего попросила Господа не позволять мне так бесчестить и огорчать Его. Пусть я страдаю — но ведь я и должна страдать! Он намеренно, по Своей воле, назначает нам страдания. Но уж если страдать, то без жалоб, без упрёков, без угрюмого отчаяния. Мир полон скорби; не я одна припадаю к её горьким потокам, не одной мне выпало взирать на её печальное лицо. Ах, Господи, даруй мне только терпения, терпения идти дальше, чего бы мне это ни стоило!
«Радостно и благодарно я приношу себя самого и всё, что у меня есть, к ногам Того, Кто искупил меня Своей драгоценной кровью,

в решительном стремлении следовать за Ним и нести тот крест, который Он для меня избрал». Это всё, что я могу сделать, — и я действительно отдаю себя Ему, хотя сердце моё ещё лежит у Его ног, всё в крови и жгучей муке.
Здоровье Уны немного выровнялось, хотя я всё равно постоянно о ней тревожусь. Она всё такая же белоснежная голубка, такой же хрупкий, благоуханный цветочек. Только взглянешь на её чистое личико, и сразу чувствуешь покой и умиротворение. Как славный маленький страж, она добровольно охраняет двери моей комнаты, когда я молюсь. Она мой ласковый утешитель в грустные минуты, и изо дня в день она остаётся мне верным другом и собеседником. Я рассказывала и рассказываю ей о Христе, рассказываю о Нём таком, каким вижу Его, — как будто ожидая, что она будет любить Его вместе со мной, что её сердечко отзовётся той же нежностью и радостью, которую я чувствую, когда думаю о Господе. С Эрнестом-младшим всё было точно так же. Когда ребятишкам нужно было чем-то пожертвовать, я весело говорила: «Конечно, это трудно. Но вспомните: ведь мы делаем это для своего лучшего Друга, а это само по себе приятно». И после этого с какой милой горячностью они спешили порадовать Господа Христа! Эрнест бросался в любое дело всею душою, и поэтому иногда не сразу слушался, если в разгар игры я просила его сделать что-то другое — отнести тётушке записку или что-нибудь ещё. Но когда я говорила: «Сделай это охотно и с радостью, солнышко моё, и тогда ты сделаешь это для Иисуса, и Он тебе улыбнётся» — он тут же выполнял то, о чём его просили.
Мне кажется, что именно так, просто и естественно, мы должны соединять каждый поступок, каждую мелочь жизни ребёнка с Божьей Любовью, которая одна придаёт всему смысл.
Но что это за тщеславное бахвальство? Разве я всегда поступала с детьми именно так? Увы, нет, только иногда. В теории всё это выглядит замечательно, но на практике скверный характер часто брал верх над самыми разумными рассуждениями. Я слишком часто выходила из себя и даже кричала на своего милого мальчика, да ещё и таким голосом, в котором и намёка не было на небесную любовь. Я слишком много внимания уделяла ненужным и неважным мелочам, забывая, насколько быстротечна и непредсказуема наша жизнь.
Теперь, когда один из моих малышей поселился на Небесах, мне кажется, что я связана с незримым миром такими крепкими узами, что уже никогда не смогу полностью погрузиться в земные дела.
Я представляю себе, как мой азартный, жизнерадостный сыночек увлечённо и радостно бегает по своему новому дому, как носился и скакал здесь, на земле. Я вижу, как он с любовью, со всей своей пылкой нежностью прижимается к Тому, Кто брал малых детей на руки и благословлял их. А может быть, он и там бегает с поручениями, и Господь то и дело посылает его послужить кому-нибудь другому? Потому что я и представить себе не могу, чтобы его вечно занятые ручки и быстрые ножки вдруг остановились и затихли.
Ах, Эрнест, дорогой мой малыш! Если бы хоть ещё разок увидеть тебя, пусть только на крошечное мгновение, — увидеть и поймать твою сияющую улыбку, хоть одну-единственную!

4 августа

Просто удивительно, как много в псалмах Давида плача и воплей страдающего человека! Сколько мучений ему, бедному, пришлось пережить, — и телесных, и душевных! А какая яркая картина болезни, — изматывающей и иссушающей человека! Когда-то он был «белокурым мальчиком с красивыми глазами и приятным лицом» *, а потом писал о самом себе страшные вещи: «Можно было бы перечесть все кости мои; а они смотрят и делают из меня зрелище; дни мои — как уклоняющаяся тень, и я иссох, как трава. Утомлён я воздыханиями моими: каждую ночь омываю ложе моё, слезами моими омочаю постель мою. Душа моя насытилась бедствиями, и жизнь моя приблизилась к преисподней».
И снова кричит его израненная душа:
«Я несчастен и истаеваю с юности; несу ужасы Твои и изнемогаю. Отяготела на мне ярость Твоя, и всеми волнами Твоими Ты поразил меня. Все воды Твои и волны Твои прошли надо мною. Ты удалил от меня друга и искреннего; знакомых моих не видно».
И всё равно, сколько благодарной радости о Господе, сколько живой веры и преданности — причём, в тех же самых псалмах! Пока я болела и не выходила из своей комнаты, Библия вдруг стала для меня совсем новой, как будто доселе нечитанной книгой, и сейчас я вижу, что Бог всегда поступал со Своими детьми именно так, а не иначе, так что со мной не случилось ничего из ряда вон выходящего. Все утомительные, тоскливые дни болезни и слабости, все беспокойные ночи выполнили своё предназначение в моей душе. Кстати, может быть, ни один другой урок не был мне так полезен, как это вынужденное бездействие и осознание собственной бесполезности, да ещё и в такую пору жизни, когда молодость и естественное жизнелюбие так и просятся на волю, требуя какого-нибудь дела.

15 августа

Сегодня утром я безучастно вытащила краски, кисти и холст и вяло начала набрасывать прелестный пейзаж, открывающийся из окна. Сначала мне было скучно и тоскливо. Рука никак не хотела двигаться, как будто утратила всю свою былую ловкость в тот момент, когда разжала пальцы и навсегда выпустила ладошку Эрнеста-младшего. Но я продолжала работать и всё время молилась о том, чтобы не поддаться искушению и не начать презирать тот чудесный дар, что дал мне Господь, и не пренебрегать им. Мама была довольна. Позже она призналась, как радостно ей было видеть, что я немного оживилась и снова стала похожа сама на себя. Да, пожалуй, последнее время я действительно не думаю ни о ком, кроме себя, своего горя и собственных трудностей. Это нехорошо.

19 августа

Сегодня повстречала старую школьную подругу, Марию Келли. Она тоже замужем и живёт тут же в деревне, неподалёку. Она так упорно расспрашивала меня об Эрнесте-младшем, что я была просто вынуждена рассказать ей почти всё о его коротенькой жизни, болезни и смерти. Я изо всех сил старалась говорить тихо и спокойно, не вызывая к себе излишнего сострадания. И в награду за свою нечеловеческую выдержку получила неожиданный вопрос прямо в лоб:
— Ты что, в стоика превратилась?
Тут кровь так гневно закипела у меня в жилах, как не кипела уже давно. Я оскорбилась до глубины души, и эти жестокие, несправедливые слова до сих пор звенят у меня в ушах. Но ведь это плохо. Я постоянно молюсь о том, чтобы Господь усмирил мою гордыню, но когда это происходит, сама же пытаюсь уклониться от болезненного удара по самолюбию, да ещё и сержусь на ту руку, которая его наносит. Недавно я точно так же отреагировала на два-три немилосердных замечания от Марты. До сих пор вспоминаю её слова и злюсь на их несправедливость, хотя и отчаянно пытаюсь подняться выше глупых мелочей и вообще позабыть о произошедшем. Как хорошо, что Бог прощает и оправдывает наших ближних, если у нас самих это плохо получается! Я легко могу себе представить, что Мария Келли сейчас дороже Господу и ближе к Нему, чем я, вспыхнувшая такой яростью на нечаянно сказанное слово. Кстати, теперь я вижу Божью милость и мудрость в том, что в своё время Марта не замечала во мне ничего хорошего (наверное, хоть сколько-то хорошего во мне всё-таки есть, как и в любом другом человеке), а вместо этого её присутствие постоянно пробуждало во мне самые дурные качества. Тем самым Господь положил секиру у самых корней моего тщеславия и самолюбия. Теперь мне ясно, что без яростной и трудной схватки самолюбие просто не победишь.

26 мая 1846 года

Сколько же времени прошло с тех пор, как я в последний раз бралась за свой дневник! Зима была, как всегда, полна хлопот, болезней и трудностей. Началось всё с того, что мама слегла с сильным ревматическим воспалением, и, честно говоря, мы не думали, что ей удастся оправиться. На мучения её было страшно смотреть — но, по-моему, смотреть на её терпение было ещё страшнее. Я часто думала тогда, что мне было бы легче выдерживать вид её страданий, если бы она стонала и жаловалась. Но в ней не было ничего, кроме героической стойкости и радостного смирения под Божьей рукой.
Надеюсь, что никогда не забуду всего, чему научилась за эти месяцы у её постели. Эрнест говорит, что всегда будет радоваться тому, что мама живёт с нами и он сам может следить за её здоровьем. Он и правда стал ей как родной сын, и для неё это было великим утешением. Мама всё ещё была прикована к постели, как вдруг Уна свалилась в своей очередной горячке и до сих пор не может как следует поправиться. Единственный способ как-то её отвлечь — это почитать ей вслух, и последние два месяца я занимаюсь почти только тем, что качаю её у себя на коленях, напеваю ей песенки и церковные гимны, рассказываю сказки и библейские истории и читаю книжки попроще и поспокойнее, чтобы они не напрягали её бедные нервы, но занимали бы воображение. Славная моя девочка! Она переносит ярмо своей юности без стона и упрёка, но как же мне больно видеть её страдания. Ах, если бы я могла забрать всю её боль себе! Наверное, стороннему наблюдателю может показаться, что семье нашей выпала на редкость несчастная доля, — не успеем мы справиться с одним несчастьем, как на нас тут же сваливается новое. Но я всё больше убеждаюсь в том, что счастье не зависит от здоровья или внешнего благополучия. Мы живём дружно и покойно друг с другом и в мире с Господом. Нас не смущает и не удивляет то, что Он посылает нам, хотя мы не всегда понимаем, почему Бог выбирает для нас то или иное испытание. С другой стороны, возьмём Марту. Она сокрушительно здорова, муж её любит и уважает, у неё есть всё, чего душе угодно, — и всё равно она вечно недовольна и по уши погружена в заботы и беспокойства. Прислуга доставляет ей одни только неприятности, она сама скучает по простым домашним делам, к которым так привыкла, а совесть её то и дело спотыкается о самые незначительные мелочи, упуская из виду вещи поважнее. Как, оказывается, интересно наблюдать за разными семьями и за теми разнообразными характерами, которые эти семьи составляют.
Дочки Амелии — добрые и послушные девочки. Их отец присылает письма, в которых всё время называет себя «безутешным, но преданно любящим их папой», так что и Марта, и мистер Андерхилл в один голос объявляют его послания «очаровательными». Но, по-моему, «преданная любовь» предполагает самоотверженность, и я не понимаю, о какой преданности может говорить человек, живущий в своё удовольствие, когда его собственные дети живут в чужом доме. Вот так некоторые люди кидаются красивыми, пышными фразами, обманывая и себя, и своих друзей, а в результате все считают их чрезвычайно чувствительными и великодушными.
Поскольку всю зиму мне пришлось просидеть дома, духовную пищу я брала, главным образом, из книг, а когда мама понемногу начала выздоравливать, мы с ней принялись вместе читать Лейтона, и я нисколько не сомневалась, что ей это понравится. К нам частенько забегает доктор Кэбот, но сейчас я вижу, что больше не могу учиться у него духовной жизни так, как раньше. Я поняла, что христианская жизнь должна быть своей, особенной у каждого человека, такой же уникальной, как его характер, что я не могу быть точь-в-точь похожей на доктора Кэбота, или на миссис Кемпбелл, или даже на маму, хотя все трое безмерно помогают мне и постоянно вдохновляют меня идти вперёд. Однако одновременно я увидела, что все ученики Христа идут похожими путями, и главные вехи на этих путях всегда одинаковы. Все хорошие книги, проповеди, гимны и биографии святых, которые мне приходилось читать или слышать, — все они свидетельствуют об одном и том же: Божьи пути бесконечно совершенны, и мы должны любить Господа ради Него Самого, а значит, любить его одинаково во все времена, посылает Он нам горе или благополучие. И нет в мире подлинного счастья кроме счастья исполнять и принимать Его волю, а земное существование — это всего лишь время испытаний, после которых мы перейдём в настоящую, вечную жизнь на Небесах.

Глава XXI

30 мая

Пока дома стоит затишье после очередного несчастья, Эрнест попросил меня вместе с ним съездить к одной из своих пациенток. Денег у нас всегда мало, беднякам дать практически нечего, и поэтому мы оба стараемся навещать их и служить им как можем, — когда небольшой услугой, а когда просто добрым словом. Я нисколько не сомневалась, что на этот раз мы снова поедем к какой-нибудь несчастной старушке, и поэтому быстренько собрала в кулёчек несколько пачек чая и сахара, купленные специально для этого на деньги, оставшиеся после Сьюзан Грин, — а от себя добавила бутылочку малинового уксуса, который почему-то всегда так радует наших подопечных стариков и старушек. Однако Эрнест подкатил к внушительному особняку аристократического вида и, как обычно, не произнеся ни слова, помог мне спуститься с коляски.
«А-а, наверное, он лечит кого-нибудь из прислуги, — смекнула я про себя. — Только меня-то он зачем сюда привёз? Ещё хозяева рассердятся!»
Но внезапно мы с ним оказались в большой комнате, наполненной цветами, птичьими клетками и уставленной множеством изящных вещиц, и я увидела перед собой элегантную молодую красавицу, с королевским видом восседавшую в инвалидном кресле. Надо сказать, что я вскочила в коляску к Эрнесту прямо как была, не потрудившись переодеться, и теперь на мне было простое и поношенное полотняное платье в тусклую полоску, в котором я пять минут назад штопала детские носки. Наверное, какая-нибудь святая просто не обратила бы на это внимания, но мне стало досадно, и на минуту я совсем смешалась и стояла, не зная куда себя девать, с пылающим лицом и руками, полными неуклюжих пакетиков и свёртков.
— Итак, мисс Клиффорд, вот моя жена, — провозгласил Эрнест, и она на секунду вскинула на меня взгляд, полный любопытства и удивления, в котором без труда можно было прочесть: «Да-а... Интересно, что же она могла мне принести?»
— Прошу прощения, мисс Клиффорд, — отважилась я, решив, что лучше всего просто сказать правду. — Видите ли, я думала, что муж повезёт меня к какой-нибудь из своих пожилых больных, и поэтому захватила с собой немного чая, сахара и бутылочку малинового уксуса.
— Какая прелесть! — восхищённо воскликнула она. — Наконец-то я вижу перед собой обыкновенного, живого, бесхитростного человека! Надо же! Взяли да и сказали правду, а не завели какую-нибудь чопорную околесицу! Теперь я обязательно, хоть шутки ради, возьму всё, что вы мне принесли!
Тут мне сразу же стало легко и весело, и я напрочь позабыла о своём платье.
— Я вижу, что доктор ничуть не преувеличил, расписывая Вас, — продолжала она. — Но почему он раньше Вас не привозил, чтобы мы могли познакомиться? Наверное, он уже рассказал Вам, почему я не могла приехать сама.
— Честно говоря, он рассказывает мне только о тех пациентах, которым, по его мнению, я могла бы чем-то помочь.
— Наверное, я не слишком похожа на больную, — сказала она, — но на самом деле я прикована к этому креслу. Уже шесть месяцев не могу встать на ноги!
Тут я и вправду заметила, что хотя лицо её было свежим и юным, рука, лежавшая на коленях, выглядела худенькой и почти прозрачной. Но как удивительно живописно выглядела её поразительная красота на фоне пышного убранства, зелёной листвы, цветов и картин!
— На днях я пожаловалась доктору, что вся жизнь — это сплошное надувательство и бессмыслица, а он ответил, что в следующий раз привезёт мне лекарство против подобных мыслей, так что, наверное, Вы и есть это лекарство, — продолжала мисс Клиффорд.

— Ну что ж, давайте, начинайте! Я готова принять любую дозу, только бы помогло.
В ответ я только рассмеялась и попыталась с упрёком посмотреть на Эрнеста, но он сидел уткнувшись в какой-то журнал и, по-видимому, полностью погрузился в его содержание.
— А-а! Так я и знала! — проговорила она, лукаво покачивая головкой. — Так я и знала, что Вы со мной согласитесь!
— Соглашусь с Вами в том, что вся жизнь — это бессмысленное надувательство? — воскликнула я уже с жаром. — Вы ещё скажите, что смерть — это главная цель нашего существования!
— Ну, смерти я ещё не пробовала, — чуть более серьёзно произнесла она, — но жить пытаюсь вот уже двадцать пять лет, — и уж что-что, а жизнь я знаю вдоль и поперёк. Только и знаешь, что пить, есть, спать, зевать и с ума сходить от скуки. Что надеть, куда пойти и как убить это несносное, бесконечное время, — да, и ещё всякие там слова: «Здравствуйте, милочка! Как дела у Вашего супруга? А как Ваши милые детишки?» А на самом деле это значит: «Ну вот, я сказала всё, что от меня требовалось, и мне совершенно наплевать, что Вы на это ответите».
— Может, конечно, для некоторых людей это и составляет смысл всей жизни, — заметила я. — Особенно для тех, кто ищет от неё только удовольствия. Но можно истолковать всё совершенно по-иному. Например, для кого-то жизнь — это сплошная борьба с нищетой и тяготами, тоскливая и безнадёжная. А ведь его существование могло бы полностью перемениться, если бы те, другие, не знающие, куда девать лишнее время, уделили немного своего обременительного досуга ради того, чтобы хоть чуть-чуть облегчить мучение бедняка.
— Да, всё это я тоже уже слышала, а один раз даже сама пробовала заняться благотворительностью. Подобрала с десяток чумазых оборванцев с улицы, отмыла их, приодела и попыталась чему-то научить. Да уж, я вам скажу! Легче стулья в гостиной обучать! И потом, когда они ушли, пришлось проветривать весь дом, а мама не досчиталась двух чайных ложек и вилки и объявила, что всё это совершенно отвратительная, глупая затея. Тогда я принялась вязать носки для нищих, но ведь когда вяжешь, заняты только руки, а голова так и остаётся пустой. Мама взяла меня путешествовать по Европе. Она всегда меня куда-нибудь возит, когда я начинаю хандрить. Ну, на какое-то время мне и правда стало веселее, но потом всё снова пошло по-старому. Конечно, какую-то часть дня можно занять переодеваниями и причёской. Пока выберешь платье, пока оденешься, а потом ещё надо надеть подобающие украшения (вообще, в этом смысле носить украшения — полезная привычка). Ну, вечером всегда можно поехать в театр, в оперу, или на бал, а после этого проспать до полудня, — так, глядишь, и утро незаметно пролетит. Но я всю жизнь только так и живу, и всё это мне смертельно наскучило. Родиться бы мне чуть раньше, на столетие или два, я бы точно ушла в монастырь. А сейчас что? Сейчас так уже никто не делает.
— Для женщины самый лучший монастырь — это уединение её собственного дома, — сказала я. — Там лежит её призвание, там разыгрываются её великие битвы, и именно там она познаёт самую настоящую жизнь.
— Вот ещё! — фыркнула она. — Вы меня, конечно, извините, но я повидала это домашнее счастье! Знаете, некоторые из самых блестящих девочек у нас в пансионе вышли замуж, стали просто обыкновенными мамашами и теперь занимаются только тем, что квохчут над своими детишками! Представьте себе, какое ничтожное существование!
— Даже более ничтожное, чем просто наряжаться, выезжать и танцевать на балах?
— Конечно! У меня была подруга, которая блистала в обществе, как настоящая звезда! Потом она вышла замуж и тут же, одного за одним, родила четверых детей. И что же? У неё не осталось ни красоты, ни жизнерадостности, она потеряла разом и молодость, и здоровье. И ещё она совершенно разучилась говорить о чём-либо, кроме кори, молочных зубов и диеты для похудания.
Я рассмеялась на такое чудовищное преувеличение и обернулась, чтобы посмотреть, что обо всём этом думает Эрнест. Но он куда-то исчез.
— Ну вот, Вы честно рассказали мне, что думаете обо всём этом, даже зная, что я сама всего-навсего жена и мать. Можно теперь и мне честно сказать Вам, что я думаю? — начала я.
— Ой, да пожалуйста, чем честнее, тем лучше! Так надоело, что правду мне всегда подсовывают на розовеньком блюдечке под шёлковым платочком, да ещё духами сверху побрызгают!
— Тогда я скажу Вам вот что. Когда Вы так презрительно говорите о призвании материнства, то оскорбляете не только свою собственную мать, но и Самого Господа Христа, Который не погнушался родиться от женщины и воспитываться у её груди, будучи беспомощным младенцем.
Мисс Клиффорд слегка ошарашенно посмотрела на меня.
— Как серьёзно Вы об этом говорите! — сказала она. — Вам-то, наверное, жизнь совсем не кажется бессмысленным надувательством.
Я подумала обо всех своих домашних, об Эрнесте, о детях, о маме с Джеймсом, вспомнила, как они любят меня и как сильно люблю их я. А ещё я подумала о Том, Кто один способен придать подлинный смысл даже этим простым земным радостям. Должно быть, при этой мысли лицо у меня озарилось, потому что мисс Клиффорд тут же оставила свой добродушно-насмешливый тон, каким говорила до сих пор, и, подавшись вперёд, настойчиво и серьёзно проговорила:
— Вы знаете что-то такое, чего не знаю я. И это «что-то» даёт Вам ту радость и удовлетворение, которых мне не хватает. Что это?
Перед тем, как ответить, я чуть заколебалась, потому что остро-остро почувствовала себя недостойной, невежественной и совершенно неспособной вести за собой других. Потом я сказала:
— Наверное, вам нужно узнать Бога, узнать Христа.
На её лице отразилось усталое разочарование. Поэтому я решила, что пора идти домой, но она так настойчиво просила меня навестить её ещё раз, что я не могла уйти, не пообещав, что непременно приду. На ступеньках я увидела, что Эрнест как раз останавливается у подъезда. Пока мы ехали домой, я рассказала ему всё, что произошло. Он слушал, как обычно, не говоря ни слова, а мне так хотелось, чтобы он сказал, хорошо ли и мудро ли я вела себя с мисс Клиффорд.

1 июня

Я снова побывала в гостях у мисс Клиффорд, но на этот раз попросила маму поехать со мной. Мисс Клиффорд была совершенно очарована.
— А-а! — сказала она после первого же взгляда на милое, любящее мамино лицо. — Сразу видно, что Вы хорошая и добрая. Правда, я немного боюсь хороших людей. Мне кажется, что они только и делают, что критикуют всех остальных и требуют, чтобы я подражала их безукоризненному совершенству.
— Совершенство никогда не требует от других совершенства, — ответила мама. — Я бы лучше услышала, как судят обо мне ангелы, а не люди. Они, наверное, намного милосерднее.
И потом слово за слово, тихо и незаметно мама начала расспрашивать мисс Клиффорд о ней самой и её болезни. Оказывается, она сирота и живёт в этом огромном, статном особняке одна с прислугой. До сих пор она блистала в светском обществе, ни о чём не задумываясь. Но теперь болезнь заточила её в доме, а у заключённых есть одно преимущество — масса времени для размышлений.
— Вот так я и сижу, — заключила наконец мисс Клиффорд. — Целый день. Раньше я вообще не любила сидеть дома. Читаю я не очень охотно, а шить и вышивать так просто ненавижу. Хотя, честно говоря, шить-то я, наверное, просто не умею.
— А ведь такая приятная, женская работа может прекрасно помочь Вам скоротать несколько часов, — участливо сказала мама. — Нельзя же всё время читать.
— Да? А тут недавно ко мне приходила какая-то дама, некая миссис Гудинг, — вся такая добродетельная и религиозная, вроде вас. Так она мне целую проповедь прочитала о том, как благочестиво использовать время. Она сказала, что болезнь — это суровое предупреждение свыше и теперь я должна всю себя посвятить религии. Я только взялась было за одну миленькую вышивку на воротничке, но эта женщина так меня напугала, что я тут же её бросила. Нет, не нравятся мне такие ужасно хорошие люди с

постными физиономиями.
Мама попросила показать ей незаконченный воротничок, научила её, как правильно держать иглу и лучше разбираться в рисунке, и они вдвоём так углубились в работу, что я смогла, наконец, не торопясь пройти по комнате и получше рассмотреть все изящные вещицы и картины, которых здесь было так много.
Через какое-то время я услышала мамин голос:
— Сначала надо убедиться, что у Вашей жизни действительно верная и достойная цель. А потом и всё остальное встанет на свои места.
— Но у меня и вовсе нет никакой цели, — возразила мисс Клиффорд. — Сейчас я думаю только о том, чтобы поскорее закончился ещё один скучный день. До болезни я стремилась только к тому, чтобы все вокруг мною восхищались. А как это было сделать легче всего? Одеваться как можно красивее и выглядеть как можно привлекательнее.
— Наверное, большинство девушек именно так и рассуждают, — ответила мама. — Они инстинктивно желают нравиться и идут к своей цели тем путём, который кажется им самым лёгким и быстрым. Чтобы одеваться со вкусом, не нужно ни таланта, ни образования, ни умения размышлять. На это способен самый легкомысленный и пустой человек, особенно если у него есть на это деньги. А если денег нет, этот недостаток возмещается тем, что девочка посвящает нарядам всё своё драгоценное время. Она постоянно что-то откладывает, достаёт, выкраивает, примеряет, отделывает — до тех пор, пока не появится в обществе одетая точно так же, как и все остальные. Она не может ни думать, ни говорить ни о чём-либо другом — только о том, как скроить то или отделать это. Про причёску я уж и не говорю, — это настоящая дьявольская сеть, в которой бедняжка запутывается каждый день.
— Но я ведь никогда не кроила и не отделывала! — запротестовала мисс Клиффорд.
— Только потому, что Вы могли позволить себе нанять портниху. Но ведь Вы сами признались, что проводили большую часть своей жизни одеваясь и переодеваясь, потому что полагали, что так легче всего добиться восхищения. Но самый лёгкий путь совсем не обязательно самый лучший, а иногда кружная дорога вернее всего ведёт прямо к дому.
— Например?
— Ну, давайте представим себе девушку, которая живёт вот такой же бездумной, светской жизнью, какой раньше жили Вы. Она сроду ни над чем особо не задумывалась, просто плыла по течению, целиком предаваясь на волю случайных обстоятельств. Но однажды что-то заставило её остановиться, оглядеться вокруг и подумать. Она вдруг обнаружила, что в мире происходит множество невероятно важных и серьёзных событий. Она поняла, что не сможет, да и не должна оставаться в этом мире вечно, а её незримое и неизвестное пока будущее полностью зависит не от того, как она выглядит, а от того, что она за человек. Она пытается составить хоть какой-то план для своей жизни...
— План жизни? — перебила мисс Клиффорд. — Ни разу не слышала ничего подобного.
— Хорошо, тогда представьте себе архитектора, которому было поручено возвести благородный храм. Вы же первая посмеётесь, если он начнёт работу безо всяких чертежей, хватая и лепя в кучу всё, что попадётся под руку, — кирпич сюда, камень туда, тут доска, там немного извёстки. И когда его спросят, чем он занимается и что именно собирается построить, Вы же первая удивитесь, если он важно ответит, что плана у него, в общем, нет, но авось что-нибудь путное да получится.
Мисс Клиффорд ничего не ответила. Она оперлась щекой на руку и мечтательно смотрела куда-то вдаль, как прелестное олицетворение бессознательной наивности. Я тоже начала думать над мамиными словами. Конечно, я действительно стремлюсь прожить свою жизнь как можно полнее, но вряд ли можно сказать, что я методично прикладываю к этому сознательные усилия или действую по чёткому плану.
Этим летом мы, наверное, останемся в городе. Раньше Эрнест и слышать об этом не хотел и всё время говорил, что, в конце концов, получится вовсе не экономия, а как раз наоборот. Но грудных младенцев у нас сейчас нет, маленький Реймонд растёт крепким и здоровым, Уна совсем поправилась и чувствует себя преотлично, а деньги... Как много времени нужно, чтобы их заработать, и как же быстро они улетают! К тому же, в деревне столько неудобств, что целой книжки не хватит их перечислять, а здесь у нас свой дом, где всё привычно и уютно. И Эрнест будет рядом, и у меня будет свободное время, чтобы побольше бывать с двумя весьма интересными людьми, которые просто вынуждены постоянно оставаться в городе несмотря на то, что кто-то уезжает, а кто-то приезжает. Я имею в виду, конечно, миссис Кемпбелл и мисс Клиффорд. Они обе ужасно мне нравятся, хоть и по-разному.

Глава XXII

8 октября

Ну что ж, на этот раз я настояла на своём, но, пожалуй, всё-таки зря. Конечно, было хорошо, что все знакомые уехали за город и у меня стало гораздо больше свободного времени. Когда ещё я смогла бы вот так, полностью окунуться в самые что ни на есть блаженные заботы на свете и заниматься только моими сладкими малышами? Однако и они, и я сама всё лето мучительно страдали от жары и невыносимой духоты. В мае наша раскрасавица Роза вышла замуж и теперь цветёт в своём собственном доме. Я же решила, что не буду пока искать новую няню и займусь детьми сама. Наверное, человеку покрепче это было бы совсем не трудно, но ведь меня крепкой не назовёшь, и даже такая обыкновенная вещь, как прогулка, донельзя меня изматывала: пока всех оденешь, пока выведешь на улицу, пока приведёшь обратно... А дома, кроме всего прочего, целая куча шитья и штопки. От вечной занятости я быстро уставала и тут же снова замечала раздражённые нотки у себя в голосе, и не раз мне приходилось каяться в поспешных и резких словах. И всё равно, я наверняка была бы гораздо нетерпеливее, если бы не помнила про своего ушедшего мальчика. Ах, если бы он хоть ненадолго опять оказался с нами! Я бы и не вспомнила про усталость, а только радовалась бы, что снова могу что-то для него сделать!
Но скоро, совсем скоро у нас появится новый человечек, которому понадобится много заботы и любви, так что я уже начала искать новую няню, которой спокойно могла бы доверить ребятишек, пока не оправлюсь. Пока у нас в доме побывало три разных Искушения в человеческом обличье.
Искушение номер один явилось в виде нарядной и чистенько одетой женщины, уведомившей меня, что она вполне способна самостоятельно справиться с детьми и предпочла бы, чтобы я занималась своими делами и не вмешивалась в её заботы.
Я ответила, что мои дела как раз и состоят в том, чтобы заботиться о своих детишках и быть рядом с ними. Тогда она заявила, что я ей вряд ли подойду, потому что у неё имеются собственные воззрения на воспитание детей. Она снисходительно добавила, что в случае, если у нас возникнут разногласия (из-за детей), мне, конечно же, придётся беспрекословно ей уступать, поскольку она старше и опытнее. Помолчав, кандидатка в няни тут же начала излагать свою систему ухода за маленькими.
— Во-первых, — провозгласила она, — я никогда не глажу детей по голове и ни в коем случае их не целую. Они от этого только капризничают и болеют.
— Да, теперь я вижу, что Вы действительно нам не подходите! — воскликнула я. — Пожалуйста, не продолжайте. По-моему, маленького ребёнка можно воспитывать только любовью.
— А мне кажется, что я Вам подхожу как нельзя лучше, — невозмутимо возразила она. — Я занимаюсь детьми уже двадцать лет, и никто никогда ещё не жаловался. Вот увидите, как быстро и хорошо я умею шить, — и при этом детей будет не видно и не слышно.
— Да мне вовсе не надо, чтобы их не было видно и слышно! — настаивала я. — Наоборот, чем им веселее, тем лучше. И, честно говоря, мне гораздо важнее, чтобы они всегда были заняты чем-то полезным и интересным, а шитьё может подождать, — хотя, признаться, это тоже вещь немаловажная.
— Ладно, мэм, если хотите, я буду их качать хоть с утра до ночи.
— Да я вовсе этого не хочу! — вскричала я, ещё больше распаляясь из-за того олимпийского спокойствия, с которым она взирала на мою горячность. — Всё, разговор закончен! Вы нам не подходите, и чем скорее мы расстанемся, тем лучше. Я хотела бы

оставаться хозяйкой у себя в доме, и мне совершенно не нужны советы и рекомендации о том, как воспитывать детей.
— Как только я уйду, Вы тут же об этом пожалеете, — ответила она, подымаясь и меряя меня безмятежным, слегка соболезнующим взглядом.
Боюсь, у меня не получилось держаться с достоинством при разговоре с этой особой. Мне вообще не надо было пускаться с нею в объяснения. А когда она на прощание покровительственно пожала мне руку и выразила надежду, что я когда-нибудь стану «зелёным древом в райском саду», это только ещё больше вывело меня из себя. Как выяснилось позднее, перед уходом она сообщила нашей поварихе, что у меня не всё в порядке с головой, и это тоже не слишком меня обрадовало.
Искушение номер два сразу призналось, что совершенно ничего не понимает в воспитании детей, но с радостью готова научиться. Она и вправду была готова, но научить её было совершенно невозможно. Она никак не могла понять, почему Реймонду нельзя давать всё, чего он ни попросит. Она не понимала, почему детей лучше держать на свежем воздухе, а не водить по чужим кухням, где у неё столько подруг. Она никак не могла уяснить, что не надо каждые полчаса повторять Уне, что она хорошенькая, как картинка, и ангелы на Небесах плачут от зависти, когда смотрят на её локоны. И ей было совершенно невдомёк, почему подружкам нельзя навещать её прямо в детской, — ведь если они придут на кухню, объясняла она, то кухарка узнает все её тайны. Она непрестанно уверяла, что считает меня замечательной хозяйкой, а таких очаровательных детей нет больше на всём белом свете. Однако никакие уверения не смогли смягчить моего жестокого сердца, и я возблагодарила Бога, когда она, наконец, исчезла из нашего дома.
Искушение номер три какое-то время казалось нам идеальной няней. И детская, и ребятишки, и сама няня радовали глаз своей аккуратностью. Когда Уна снова прихворнула, она занимала её нескончаемым потоком чудесных сказок, и шитьё вылетало из-под её искусных пальцев с завидной скоростью. Я повсюду хвасталась своей невероятной удачей и так восхваляла новую няню перед Эрнестом, что он наконец-то поверил в неё всем своим сердцем.
Но однажды вечером мы с ним вернулись домой заполночь. Мы ужинали у тётушки, припозднились и поэтому, стараясь не шуметь, отперли дверь ключом Эрнеста, чтобы никого не разбудить. Я тихонько пробралась в детскую посмотреть, всё ли там в порядке. Оказалось, что, воспользовавшись нашим отсутствием, Бриджет выстирала своё бельё и развесила его по всей детской, а чтобы оно поскорее высохло, развела в камине жаркий огонь. Когда я вошла, Бриджет стояла на коленях перед стулом, опустив голову на лежавший на нём молитвенник, и крепко спала, причём рукав её был буквально в дюйме от горевшей тут же свечи. Когда я разбудила её, она начала уверять меня, что не спала, а лишь забылась в молитве, но это нисколько меня не тронуло, как не смягчили меня и речи о подлинности её благочестия, из-за которого она всегда носит только чёрное платье. Я быстренько отправила её прочь вместе со всеми вещами, и выражение лица при этом у меня было далеко не ангельское. После этого я почувствовала, что если у нас в доме появится Искушение номер четыре, те жалкие остатки милости, которые у меня ещё есть, моментально улетучатся. К тому же эти частые перемены в детской принесли много недовольства прислуге внизу. Кухарка злилась на меня за эти бесконечные приходы и уходы нянь и превратила нашу кухню в этакое чистилище, куда и войти-то было страшно. Однажды она окончательно вышла из себя и наговорила таких дерзостей, что терпеть подобное дальше было невозможно. В ответ я сдержанно сказала, что будь она благородной, воспитанной женщиной, то я не на шутку оскорбилась бы за такие речи. «Но благородная, воспитанная женщина не способна настолько потерять самообладание, — продолжала я, — и я прощаю Вашу грубость на том основании, что Вы просто не умеете вести себя по-другому и поэтому говорите такие слова».
Что тут началось! Она закричала, что до сих пор ещё никто не обвинял её в невоспитанности и не говорил, что она не умеет себя вести, — и тут же объявила, что и дня не останется больше в нашем доме.
Наверное, лучше бы мне не бегать к Эрнесту с жалобами обо всех этих неприятностях. Пользы от этого никакой, он только начинает понапрасну волноваться. Но какое всё-таки неимоверное количество всяких мелких хлопот и трудностей приходится на жизнь обыкновенной женщины! Гораздо легче реагировать на них благочестиво, когда стоишь на коленях в своей комнате. Но от благочестия часто остаются лишь жалкие ошмётки, когда угля уходит столько, что не напасёшься, а масло заканчивается как раз в тот момент, когда все садятся завтракать, когда картошка получилась водянистая, а хлеб принесли кислый и непропечённый! И когда женщине остаётся лишь схватиться за голову от отчаяния, её муж непременно открывает рот и успокаивающим тоном произносит:
— По-моему, лапушка, тебе надо просто поговорить с Бриджет, и всё будет в порядке.
Как будто разговоры действуют, как волшебная палочка! Если бы!
И как бы я ни старалась, денег, которые Эрнест выдаёт мне на неделю, всё равно не хватает. Он совершенно ничего не знает об этом многоголовом чудище под названием домашнее хозяйство. Пришлось снова взяться за шитьё, и последнее время я почти не выпускаю из рук иголку. А вместе с шитьём ко мне вернулась и прежняя боль в боку, и резкий, раздражённый тон, ненавистный и мне самой, и Эрнесту, и всем вокруг. Я изнемогаю от непосильной ноши, и сама жизнь становится мне почти что в тягость. В голове молитвы мешаются с домашними заботами и беспокойствами. Я с ужасом прикидываю, сколько всего ещё предстоит сделать до наступления зимы, и временами утром даже подумываю о том, чтобы сразу пойти вниз и заняться делом вместо того, чтобы читать Библию и молиться.
Как же так получилось, что я увязла в этой Топи Уныния?Когда я успела спуститься с той вершины, где видела Господа, и снова с головой броситься в эти несчастные, глупые хлопоты, как будто только они и составляют всю сущность моей жизни? Просто поразительно, как неспокойна моя духовная жизнь! Неужели меня так и будет постоянно кидать то вверх, то вниз? Я не сомневаюсь, что Бог спас и принял меня как Своё дитя, подобные сомнения обесчестили бы Его имя. Я знаю, что бывали дни и минуты, когда я общалась с Ним так же близко, так же по-настоящему, как с любым земным другом. И как же это было хорошо!

20 октября

Сегодня заходила попрощаться с миссис Кемпбелл (ведь после родов долго не смогу нигде появляться) и теперь чувствую себя гораздо лучше и веселее. Она, как всегда, сильно поддержала и ободрила меня, посоветовав мне принимать жизненные ноши спокойно и терпеливо, по мере того, как они приходят. Миссис Кемпбелл говорит, что колебания и крайности моей духовной жизни со временем уступят место более спокойным и устойчивым отношениям с Богом, особенно если я научусь сознательно избегать излишней спешки и чрезмерной занятости и перестану отвлекаться на пустяки. Её тихие, обнадёживающие слова придали мне смелости и силы и дальше стремиться к совершенству, какой бы несовершенной я себя ни чувствовала и сколько бы недостатков ни замечала у других. Так что теперь я ожидаю нового малыша в дар от Небесного Отца — а вместе с ним новые хлопоты и заботы. Я рада, что не сама определяю свою судьбу. Боюсь, что ни за что не смогла бы верно решить, когда лучше всего приглашать в наше гнёздышко ещё одного птенчика, как бы сильно я ни любила слышать шелест их молоденьких крылышек и звонкий писк их родных голосков, когда они у нас всё-таки появляются. Господь лучше знает, когда давать нам нового малыша, ведь Ему известны все наши тяготы, бедность, нездоровье и домашние сложности. Если бы я всегда могла это чувствовать, вот как сейчас, — Господи, как бы я была счастлива!

16 января 1847 года

Сегодня десять лет со дня нашей свадьбы — и какой замечательный получился день! Если бы меня спросили, что именно приносит мне больше всего счастья, я, наверное, ответила бы, что это даже не любовь Эрнеста ко мне или моя любовь к нему. Да, мы всё сильнее любим друг друга, и я снова стала матерью троих детей, и мама моя до сих пор жива, и я безмерно радуюсь всем этим

благословениям. Но в самой основе моего существа, глубже и сильнее всех земных радостей покоится мир с Богом, который не сравнить ни с чем, и я охраняю его так ревностно, как хранила бы скрытое сокровище, чтобы оно пребывало даже тогда, когда всё остальное уйдёт или переменится.
Малышке исполнилось уже два месяца, и мы назвали её Этель. Честное слово, я никогда не устану смотреть на своих милых котят, особенно когда они вместе! Правда, времени для записей в дневнике нет вообще. Эта крохотная девчушка забирает у меня все силы и каждую свободную минутку. Я с радостью слушаю рассказы про мисс Клиффорд, которая послушно следует мягким и кротким наставлениям мамы и постепенно превращается в настоящую христианку. Она уже радуется, что, по Своему провидению, Господь остановил её вынужденной болезнью и тем самым заставил задуматься о себе и своей жизни. Мама говорит, мы должны больше думать о Божьем провидении и пытаться его понять, потому что в каждом событии нашей жизни есть Его воля и предназначение. Иногда у меня это получается, и я не помню себя от счастья. Но потом земные хлопоты снова кажутся мне не более, чем земными, и я забываю, что к каждой из них прикоснулась Его мудрая и добрая рука.

5 февраля

Сегодня Хелен весь день провела у нас. Она нередко приходит, чтобы помочь с шитьём и посидеть с детьми, — и в том, и в другом она настоящая мастерица. Мне даже неловко писать о том, как сильно она меня любит и как ревностно слушает всё, что я говорю, пытаясь научиться у меня как раз в тот момент, когда я с белой завистью думаю о её мягком, спокойном нраве. Только одно мне странно в ней видеть. Ей трудно понять те же самые простые истины, которые её отец так долго искал и нашёл лишь перед самой смертью. Конечно, люди вроде меня, с бурными, пылкими характерами проводят долгие и горькие часы, мучаясь от стыда и раскаиваясь в поспешно совершённых глупостях. Но мне иногда кажется, что Господь с лихвой возмещает тяжесть этой чаши, с особой ясностью открывая таким людям Самого Себя. Я терзаюсь гораздо больше, чем Хелен, терзаюсь мучительно и горько, — но и радуюсь я в тысячу раз сильнее, потому что знаю, в Кого уверовала, и не могу усомниться в том, что воистину стала навеки принадлежать Ему. По натуре Хелен весьма сдержанна, но мало-помалу мы с ней стали разговаривать довольно откровенно. Когда мы вместе сидели в детской, Реймонд выхватил у Уны какую-то игрушку, а та, как всегда, без слова ему уступила. Я подозвала его к себе и, когда он неохотно подошёл, сказала:
— Реймонд, солнышко, разве ты когда-нибудь видел, чтобы папа что-то у меня отнимал?
Он улыбнулся и покачал головой.
— Если папа не поступает так с мамой, и ты не поступай так с сестрёнкой. Настоящие мужчины всегда обращаются с женщинами вежливо и бережно, так что и мальчики должны бережно и вежливо обращаться с девочками.
Дети убежали играть дальше, а Хелен сказала:
— Надо же, а нас мама совсем по-другому воспитывала! Она всегда заставляла нас, девочек, уступать мальчишкам. Мы даже в спальню должны были их провожать со свечкой.
— Так вот почему, когда мы поженились, Эрнест думал, что я должна во всём ему прислуживать! — рассмеялась я. — Не очень-то охотно я ему уступала! Во-первых, мама совсем не так нас воспитывала, да и папа вёл себя совершенно иначе. Он всегда обращался с ней так обходительно и бережно, как будто она королева, — но всё время любил её так пылко, как жених невесту. Естественно, я думала, что мой муж будет вести себя точно так же.
— Вот, наверное, было разочарование! — протянула Хелен.
— Сначала — да. Сначала я только и делала, что дулась и плакала, — вспомнить стыдно! Да теперь и Эрнест совсем другой. А раньше, стоило ему обойти меня вниманием в какой-нибудь мелочи, я тут же взвивалась до потолка.
— Мне иногда кажется, что таких «мелочей» вообще не существует, — задумчиво сказала Хелен. — Иногда нас даже и обижать не надо, мы и сами, когда хочешь, обидимся.
— А иногда хотят нас порадовать, буквально горы сворачивают, а нам всё мало! — воскликнула я. — Но знаешь, мы с Эрнестом всегда знали, что любим друг друга так незыблемо, что выдержим вместе самые тяжкие времена. И как бы он ни раздражал меня своим невниманием, я всегда прощала его, потому что бесконечно его любила. А он прощал меня по той же самой причине.
— А я не знала, что жёны с мужьями могут так сильно друг друга любить, — проговорила Хелен. — Я думала, как только начинаются заботы и трудности, всякая любовь сразу угасает, и муж с женой просто потихонечку вместе тянут свой семейный воз — уж как получится.
Мы обе рассмеялись, и она продолжала.
— Если бы я могла поверить, что буду так же счастлива в браке, как ты, то, может, и сама бы начала думать о замужестве.
— Ах, вот в чём дело! — торжествующе сказала я. — Так я и знала, что тебе не придётся долго ждать!
— Не спрашивай меня ни о чём, — умоляюще попросила она, и её хорошенькое личико ярко засветилось от смущения и радости. — Лучше дай совет. Если я кого-нибудь полюблю, как мне точно узнать, что я и дальше буду любить его, несмотря на все трудности и неурядицы? Как мне узнать, что и он тоже будет всю жизнь любить меня?
— Ну, во-первых, хотя бы потому, что вы оба — любящие люди, которых невозможно не любить. Но даже если не принимать этого в расчёт, я скажу тебе вот что: счастье, или, иными словами, любовь в семейной жизни — это не просто везение. Когда супружеский союз и впрямь заключается Самим Богом (как и происходит в большинстве христианских семей), можно не сомневаться, что Господня воля в том, чтобы семейная жизнь стала невыразимой радостью и для мужа, и для жены и с каждым годом становилась всё лучше и прекраснее. Но ведь мы люди грешные, упрямые и неразумные, как дети, ужасающе непоследовательные, эгоистичные и своенравные. Представляешь, как тяжело на каждом повороте, при каждом толчке ещё и ещё раз видеть, что ноги у твоего обожаемого идола всё-таки глиняные, что он то и дело сваливается с своего пьедестала в придорожную пыль и тебе снова и снова надо поднимать и водружать его на место? Когда сразу после свадьбы мы с Эрнестом остались одни и решили помолиться, меня до глубины души поразили его первые слова. Он просил, чтобы Господь помогал нам любить друг друга. Мне казалось, что любовь и есть то основание, на котором стоит всё моё существо. Я не могла даже представить себе, что окажусь неспособна в полной мере дать своему мужу всю любовь, которая ему нужна. Но он продолжал повторять эту молитву изо дня в день. Я, естественно, повторяла её вместе с ним и со временем поняла, что с самого начала и по сей день именно Бог дарует нам любовь, это драгоценнейшее из земных благословений. И если смотреть на супружескую любовь в таком свете и даже в этом отношении полагаться на Господа, то не нужно бояться никаких нападок со стороны мира, плоти и дьявола. Я думаю, что именно благодаря этой краткой, простой молитве мы всегда так сильно любили друг друга и сейчас находим друг в друге всё большее утешение и поддержку, так что мелкие неурядицы всегда приводят к новому согласию, и оба мы чувствуем, что наша любовь покоится на незыблемой скале — на Божьей воле.
— Тогда мне понятно, почему вы с Эрнестом так уверены хотя бы в одном источнике своей любви, — тихо произнесла Хелен. — Ведь этот источник останется с вами на всю жизнь, какие бы трудности не повстречались на вашем пути. Как я рада, что ты всё это мне сказала! Видишь, как тебя воспитали? Ты с детства привыкла, что Бог участвует во всей твоей жизни, в каждом событии. У нас дома всё было по-другому. Мама была красавица, очень милая и добрая, но, по-моему, для неё самой религия и Бог были вроде нарядного платья для воскресной школы. По воскресеньям его принято вынимать из сундука, торжественно надевать и носить — аккуратно, с должным почтением, но серьёзно, без тени улыбки и веселья. Она и нас так же воспитала. А у тебя Бог — во всём на свете, ты видишь Его везде, повсюду, и когда я с тобой, то никак не могу понять, как же всё должно быть — как у моей мамы, или как у тебя? Твоя мама, кстати, совсем такая же, как ты.
— Но ты забываешь, что это Эрнест научил меня всему, что я знаю про супружескую жизнь, — возразила я. — Я не помню, чтобы когда-нибудь разговаривала об этом с мамой или с кем другим. А что до того, чтобы видеть Бога во всех мелочах жизни, — я просто не знаю, как можно жить иначе, если вера становится частью самого твоего существа, а не просто воскресной одеждой, которую надеваешь перед тем, как пойти в церковь, а потом аккуратно вешаешь в шкаф до следующих выходных.

Хелен звонко рассмеялась. У неё самый весёлый и самый нежный смех, какой только можно себе представить. Как бы мне хотелось узнать, что за счастливчик успел завоевать её милое сердечко!

2 марта

Так вот кто это! Как же я счастлива! Как раз сейчас наша милая, лукавая кошечка мурлычет в объятиях Джеймса — ну, по крайней мере, я надеюсь, что это так, потому что я тихонечко прикрыла дверь и на цыпочках пробежала к себе в комнату, чтобы оставить их вдвоём. Все мои треволнения насчёт Люси были напрасными. Оказывается, она подружилась с Джеймсом потому, что один из его знакомых присмотрел её в качестве идеальной жены для себя и прекрасной матери для своих четырёх или пяти детишек, которым не хватает твёрдой и мудрой руки. Да, Люси выходит замуж за человека гораздо старше себя, который ей почти что в отцы годится. Она говорит, что поступает так из чувства долга. Может быть, для такой натуры, как она, этого и впрямь будет достаточно, и ей не придётся заглушать голос сердца, чтобы как следует исполнять свои обязанности.
Но все мы так счастливы за Джеймса и Хелен, что ни у кого нет никакой охоты осуждать Люси за её решение. Я почему-то испытываю самую что ни на есть глупую и безрассудную зависть, думая о том, как безоблачно воркуют сейчас наши влюблённые, пока я сижу в своей детской и бесплодно жалею, что Эрнест не может проводить со мной больше времени. Но ведь моё счастье гораздо прочнее и глубже, чем у них! Через сколько бурь и трудностей им ещё придётся пройти, пока из их любви не выгорят все примеси и она не превратится в чистое, огнём испытанное золото! Наверное, я могу сказать сейчас, что счастлива со своим мужем и детьми в полной мере, как только может быть счастлива здесь на земле жена и мать. Ведь грешный мир не должен становиться для нас Небесами, чтобы мы не возлюбили его без меры и не начали считать своим подлинным домом ту страну, через которую должны всего лишь пройти, — и чтобы мы не закладывали здесь вечные города и не забыли бы того места, куда идём и стремимся всю свою жизнь.
Наверное, они поженятся совсем скоро, потому что в начале апреля Джеймс уже должен отплыть в Сирию. Подумать только, как много миссионер с женой должны научиться давать друг другу! Ведь они отрезают себя от всех близких и от всего, что любили раньше, и рука об руку отправляются в неведомые им пока места. Причём с тех пор они становятся не только чужеземцами в незнакомой земле, но и чужими в своём родном краю, если им суждено будет когда-нибудь туда вернуться.
Хелен поддразнивает Джеймса и говорит, что у неё нет миссионерского дара, так что вряд ли она сможет отправиться с ним в Сирию. Но почему-то мне кажется, что он не слишком об этом беспокоится!

20 марта

Просто сердце поёт при виде того, как они счастливы! А ещё сильнее сердце поёт оттого, что мой милый муженёк твёрдо противостоит всем внешним влияниям и сам ведёт себя, как самый настоящий влюблённый!

Глава XXIII

1 января 1851 года

Со дня последней записи прошло почти четыре года. Прежде чем я напишу что-то ещё, я хочу написать, что Бог благ и милостив к нам точно так же, как и раньше, — так же, как и всегда. Но как же тяжко поразила нас Его десница!
Мы все несказанно радовались счастью Джеймса и Хелен и тому прекрасному будущему, которое перед ними открывалось, когда однажды Джеймс пришёл домой в страшной лихорадке. Эрнест оказался дома, тут же осмотрел его, дал лекарство и отправил в постель. Но с первой минуты болезнь накинулась на Джеймса с такой свирепостью и бушевала с такой неистовой силой, что ничто не помогало. Даже сейчас у меня в памяти те дни слились в сплошной болезненный туман. Буквально в один миг всё как будто перевернулось, и несокрушимое, радостное здоровье мгновенно сменилось краткой, но страшной борьбой за жизнь, за которой немедленно последовали жуткая тайна и стылое дыхание смерти. Как такое может быть, спрашиваю я себя, чтобы за четыре коротких дня произошло событие, до неузнаваемости изменившее все последующие годы? Бедная мама! Бедная Хелен! Когда всё кончилось... Не знаю, что можно сказать о маме, кроме того, что она смирила себя и успокоила свою душу, как дитя, отнятое от груди матери. Я с благоговейным ужасом взирала на это блаженное спокойствие и не осмеливалась дать волю собственному яростному и бурному горю, потому что в присутствии этого воистину ангельского, богоподобного терпения все шумные слёзы и причитания казались оскорбительными и нечестивыми. Я и так уже долгие годы думала, что не бывает любви бескорыстнее и самоотверженнее, чем у неё, — но теперь мне казалось, что в её сердце и жизнь вливается какой-то удивительный, совершено неземной дух, исходящий из самого Сердца любви, чьи глубины так и остаются для меня неизведанными, неизмеримыми. В её походке, в голосе, даже в улыбке появились совершенно небесные отблески. Выражение её лица можно было сравнить только с тем, как, наверное, выглядел Стефан, когда он, исполнившись Святым Духом, не отрываясь смотрел ввысь и видел там славу Божью и Иисуса, стоящего одесную Самого Бога *.
Когда Джеймса не стало, Хелен перебралась к нам. Мы даже не говорили об этом, она просто и естественно вошла в нашу семью как своя. Тогда мамино здоровье, и так-то слабое, начало потихоньку сдавать. Я, как всегда, погружённая в заботы о доме и детях, не могла быть с нею неотлучно, так что Хелен заняла место дочери у её постели, и мама приняла её с радостью, совершенно как родную. Невозможно описать тот дух, что царствовал среди нас в те дни. Любовь к своим близким и ко всему живому просто изливалась из маминого сердца, изливалась к нам в её словах, в самом голосе, превосходя человеческое разумение. Она радовалась и горевала вместе с детьми, как будто сама была ребёнком, они бежали к ней со всеми своими маленькими радостями и печалями. За те годы, пока она жила у нас, у неё появилось множество добрых друзей, особенно среди бедных и страждущих. Когда силы оставили её и она не могла больше навещать их, те из них, кто мог придти, начали навещать её. Я с изумлением обнаружила, что она совершенно перестала давать какие-либо советы и теперь дарила всем приходящим лишь самое нежное, самое кроткое сострадание и сочувствие. Я видела, что она угасает, но тешила себя надеждой, что при её спокойствии и нашей неусыпной заботе она проживёт ещё много лет. Мне так хотелось, чтобы дети выросли хотя бы настолько, чтобы по достоинству оценить её святой, воистину небесный характер, и я думала, что она будет уходить от нас медленно, постепенно, чтобы через много лет, наконец, освободиться.
Как лёгкий ветерок, бродящий среди вишен,
Роняет лепестки с заснеженных ветвей.
Но Божьи мысли — это не наши мысли, и Его пути — это не наши пути. Вскоре мама, совсем уже ослабевшая, начала страдать от ужасных приступов боли. Днём и ночью, ночью и днём она, как мученица, переносила свои страдания. Казалось, что за четыре месяца ей было отмерено столько боли, сколько достало бы на целую жизнь. Её муки пронзали меня до разделения суставов и костей, но лишь однажды — слава Богу, только однажды! — моя вера в Его благость покачнулась и зашаталась туда-сюда. «Как же Он может спокойно смотреть на эти мучения?! — вскричала я в тайне своего сердца. — Неужели же и это тоже дело Его рук, дело Бога любви, Бога милости?» Мама как будто угадала мои мысли. Она нежно взяла меня за руку и с трудом произнесла:
— Помнишь слова Иова? «Он убивает меня, но я буду надеяться». Бог всё так же благ.
И улыбнулась.

Я побежала к Эрнесту, обливаясь слезами и всхлипывая:
— Неужели ты вообще ничего не можешь для неё сделать?
— Что может сделать простой смертный человек там, где Христос совершил такие чудеса? — ответил Эрнест, крепко обнимая меня и прижимая к себе. — Только стоять рядом, сняв обувь с ног и преклонившись перед величием Божьей славы.
Но он всё-таки пошёл к маме и снова попытался хоть как-то облегчить её боль, но ничего не помогало.
Тут как раз зашла миссис Эмбери. Мама всегда её любила, и она не раз приходила нам на помощь в трудные времена. Она с минуту сквозь слёзы смотрела на маму, а потом обернулась ко мне и прошептала:
— Бог знает, кому можно доверять! Не каждого из Своих детей Он стал бы так поражать!
Странно, но именно эти слова усмирили и утешили меня. Да, Бог знает. Теперь всё позади. Моя милая мамочка уже больше двух лет пребывает с Господом на Небесах и в присутствии своего Искупителя наверняка позабыла земные сражения и скорби. Она знала, куда идёт, и её последние слова до сих пор звучат у меня в памяти. Она произнесла их своим чудным, ласковым, почти озорным тоном, каким говорила всю жизнь, а лицо её было озарено той же самой родной улыбкой, которую мы все так любили.
— Я была непослушным ребёнком, — проговорила она, — и Господу пришлось со мной повозиться. Но теперь Он ведёт меня на Свои пажити.
А потом мама заснула, подложив руку под голову, да так и спала до тех пор, пока не проснулась на зелёном лугу и не увидела, что её трудное путешествие закончилось и она, наконец, дома.
Кто способен постичь пути Господни? Мой дорогой папа взошёл на Небеса, прожив благополучную, безбедную жизнь, не встретив на пути никаких серьёзных страданий. А Джеймс? Весёлый и жизнерадостный, не зная горечи и скорби, он отправился прямо к столу Господня пиршества. А вот маме пришлось идти к славе долгим и скорбным путём утрат, страданий и горя. Наверное, её ожидает неизмеримо большая радость, а венец, приобретённый ценою таких борений и испытаний, должно быть, сияет ярче звёзд. И наверняка сейчас, пока я сижу тут, задыхаясь от слёз, она снимает этот венец и с радостью кладёт его у ног своего Спасителя.
Моя милая сестра, наша драгоценная ласточка Хелен так навсегда и свила себе гнездо у нас в доме и в сердцах. Марта ещё раз попыталась было настойчиво уговорить её перебраться к ней, но вмешался Эрнест.
— Позволь ей остаться с Кэти, — сказал он сестре. — Джеймс был бы рад, что рядом с Хелен будет хоть один человек, похожий на него.
Неужели он и вправду считает, что я со всеми своими недостатками, слабым здоровьем и ногами, негнущимися от непосильных жизненных забот, похожа на нашего яркого, смелого, пышущего весельем Джеймса и действительно смогу помочь Хелен и утешить её? Эта мысль придала мне отваги, и я решила, что буду изо всех сил стараться делать всё, что могу, преданно и терпеливо перенося всё, что посылает нам Бог. Теперь я хочу стать как можно больше похожей на маму, воплощать в себе её приветливость и милосердие, её жизнерадостность и стремление утешить и ободрить всех вокруг. Я не хочу успокаиваться до тех пор, пока не уйдёт весь мой эгоизм, уступив место такой же удивительной Христовой любви, какая жила в маме. Я рада, что теперь ей не приходится выслушивать мои жалобы на все наши трудности и заботы, хотя иногда мне так хочется броситься к ней, спрятать лицо у неё на коленях, вылить ей всё-всё, что накопилось, и ощутить её нежное, доброе сочувствие. Но даже если бы я могла сделать так, чтобы она вернулась, то ни за что не стала бы возвращать её к нам. Наконец-то она избавилась от скорбей и тягот земной жизни, — нет, пусть лучше она остаётся там, на Небесах!
Скорбь и горе в нашем доме сделали нас с Эрнестом ещё ближе, чем прежде, и я вижу, что благодаря этой школе страданий он стал мягче и ласковее. Потом, наверное, мы с ним сильно повлияли друг на друга. Сейчас он гораздо чаще проявляет свои чувства и гораздо внимательнее относится к мелочам, которые так радуют жён, — а я стала гораздо менее капризной и вспыльчивой. Ах, как бы мне хотелось сказать, что и эгоизма во мне стало меньше, но, по-моему, тут я как раз застопорилась и никак не могу продвинуться дальше. Правда, теперь я лучше понимаю, какая трудная у Эрнеста работа, и мне легче сочувствовать ему и помогать. Конечно, по самой сути своей профессии врач обязательно должен быть самоотверженным человеком. Большую часть своей жизни он проводит среди боли, увечий и страданий, которые он часто не в силах облегчить. Кроме того, ему нередко приходится годами бороться с бедностью. Его счета постоянно оспариваются, и иногда выздоровевшие больные просто забывают ему заплатить, и счета годами пылятся у них на полке. Бывает, что врача просто прогоняют, потому что он не может поставить себя на место Бога и спасти человеку жизнь, а воистину благодарные, щедрые пациенты встречаются исключительно редко. Нет, я не жалуюсь. Наверное, всё это — точно так же, как мои мелкие домашние неурядицы, — неотъемлемая часть Божьего замысла, Его школы, с помощью которой Он оттачивает, отделывает и закаляет наш характер. Если бы ничто меня не отвлекало и я могла бы безраздельно посвящать себя любви к мужу и детям, беспрепятственно и безоблачно исполняя всё, что требуется от идеальной жены и матери, я была бы совершенно довольна земной жизнью и даже не задумалась бы о том, чтобы стремиться куда-то ещё! И что бы со мною стало, не призови меня Господь исполнять все эти обязанности, живя в греховном мире, вынося «бессонные ночи, нездоровье, неприятные известия, упрямство прислуги, презрение и неблагодарность друзей, мои собственные недостатки, подавленность духа, жестокую борьбу со своими грехами и тысячи других подобных испытаний»?
Епископ Уилсон призывает нас переносить всё это «для Господа» и «в строжайшей тайне» *. А я? Ко всем своим домашним неприятностям я отношусь, как ко львам, повстречавшимся на пути, и стараюсь поскорее улизнуть от них в ближайшие кусты. О какой тайне, о какой радости переносить трудности «для Господа» может идти речь? Бедные мои друзья! Я совсем замучила их своими бесконечными жалобами! А ведь если сравнить эти мелкие испытания с теми великими утратами и скорбями, которые мне довелось видеть и пережить, — какими глупыми и незначительными они кажутся!
Мамы и Джеймса с нами больше нет, но нас ровно столько же, сколько и было, потому что в дом наш слетел ещё один ангелочек, пусть и не на крыльях, и теперь у меня четверо ребятишек вместе с маленькой Дейзи, которую и маленькой-то назвать трудно, потому что ей уже почти два года. Сердце и руки мои полны любви и хлопот, но двое старших ходят в школу, и мне стало гораздо легче.
Кстати, им обоим тоже сейчас гораздо легче и интереснее из-за того, что у них появились постоянные, регулярные занятия, и мы всегда так рады видеть друг друга после краткой полдневной разлуки. Я стараюсь всегда быть дома, когда они возвращаются из школы, потому что мне так нравится слышать их радостные, нетерпеливые голосочки, когда они хором спрашивают с порога: «А мама дома?» Хелен взяла Дейзи спать к себе в комнату, и для меня это огромное облегчение после долгих лет вставания по ночам то к плачущему ребёнку, то отвечая на внезапный звонок больного. Бедняжка Хелен... После смерти Джеймса к ней так и не вернулась жизнерадостность. Она как будто потеряла все свои силы и навеки стала печальной и молчаливой. По-моему, отчасти это потому, что по природе она весьма хрупкий и нежный человечек, из тех, кого ничего не стоит подавить или сокрушить. Отчасти это ещё и потому, что она никак, просто никак не может обрести покой в Божьей воле. Она кротко и покорно соглашается со всем, что мы ей говорим, но время от времени из её груди вырывается всё тот же скорбный, жалобный вопль: «Но это же было так неожиданно! Так внезапно!» Но как же я всё-таки люблю нашу маленькую красавицу! А её любовь к нам всегда так радует и утешает всех в доме.
Марта по уши занята своим собственным домашним хозяйством, его заботами и удовольствиями. Время от времени она приводит девочек к нам в гости, и те всегда донельзя смущают наших ребят своими обширными познаниями о светской жизни и покровительственным осознанием своего собственного великолепия. Даже я подчас чувствую себя уничижённой перед лицом такого количества мирской мудрости, которой мне самой явно не хватает.
А вот Люси оказалась как раз в своей стихии. Диву даёшься, глядя на то, с каким спокойным достоинством она царит в доме своего супруга и с какой умеренностью и сдержанностью управляется с детьми. У неё уже есть и собственный малыш, и, как все дети, он плачет, сучит ножками, царапается и дёргает её за волосы, когда она переодевает или купает его. Но Люси переносит всё это с методичной невозмутимостью, которой я завидую всем своим существом. Её предшественница в детской, по-видимому, состояла только из блестящих мозгов и комка раздражённых нервов и оставила после себя четверых карапузов, скроенных на тот же лад. Сегодня они скачут в диком восторге по всему дому, а завтра слоняются унылые и подавленные, но все их настроения не производят на Люси никакого видимого впечатления. Она всегда умеет их утихомирить и своим решительным спокойствием и неизменным здравым смыслом смягчает их бурные, необузданные чувства. Забавно смотреть на неё среди этих четырёх диких

жеребцов, которые любят друг друга так пылко и безрассудно, что среди них то и дело вспыхивают ссоры, кто-то всё время обижается, а кто-то плачет. Как по волшебству, она немедленно залечивает все обиды и быстренько подсовывает им какое-нибудь обыкновенное занятие в качестве успокоительного средства против этих поэтических настроений. Должна признаться, что приходя к ней в гости, я всегда многому учусь, остро осознаю свою несостоятельность и жалею, что я совсем не похожа на неё.
Но что толку пытаться привить себе черты совершенно противоположной по характеру натуры? Какая есть, такой мне и придётся остаться, — конечно, кроме тех недостатков, которые Господь уберёт, преображая меня в Свой образ и подобие. Всё, всё вокруг возвращает меня к этому главному своему желанию. Я всё больше понимаю, что сама должна быть такой, какими хочу вырастить своих детей, но самостоятельно изменить себя я не в силах, даже ради них. Это должен сделать Господь. Только почему же Он меняет меня так медленно? Почему даже после всех разочарований, печалей и болезней, которые мне пришлось пережить, я всё равно остаюсь такой упрямой эгоисткой с целой кучей всевозможных недостатков?

5 марта 1852 года

Сегодня пять лет с тех пор, как умер Джеймс. Вчера, укладываясь спать, я всё думала и думала, вспоминая его болезнь, смерть и те долгие трудные месяцы, которые сразу после этого пришлось пережить маме, и в результате смогла уснуть лишь далеко заполночь. Только я уснула, прибежала заплаканная Уна, потому что у неё болело ухо, и я провозилась с ней, бедненькой, почти до самого рассвета. Утром мне было ужасно тяжело и тошно вставать и казалось, что жизнь так крепко сдавила и потянула меня вниз, что я вот-вот упаду. Я одевалась, с тоскливым страхом думая, что сейчас придётся увидеть Хелен, которая в день годовщины смерти Джеймса становится вдвойне печальной. Она сошла к завтраку одетая, как всегда, в глубокий траур, и её подавленный, мрачный вид был под стать моему собственному настроению. Болтовня и возня детей немного оживляла всеобщее скорбное молчание, но каждый из нас своим унынием действовал на всех остальных. Удивительно, как вовремя память иногда воскрешает, казалось бы, забытые вещи. Пока мы угрюмо восседали за столом, который приготовил для нас Господь, украсив его к тому же четырьмя детскими мордашками, у меня в голове вдруг пронеслись вот такие строчки:
Зачем же сыновьям великого Царя
Влачить земные дни в тревоге и уныньи?
Действительно, зачем? Да ещё и детям великого Царя! Я ужасно огорчилась, что так погрузилась в свою скорбь, что совсем выпустила из виду мои с Ним отношения. Потом я начала раздумывать, нельзя ли как-нибудь облегчить сегодняшний день для Хелен. Через какое-то время она пришла ко мне в комнату со своей рабочей корзинкой. Я поцеловала детей на прощание, и они понеслись в школу. Эрнест тоже получил свой поцелуй и отправился к больным, а маленькая Дейзи топотала по комнате, таская туда-сюда свои игрушки.
— Знаешь что, Хелен, — наконец отважилась я, — не могла бы ты сегодня кое в чём мне помочь?
— В чём? — вяло отозвалась она.
— Сходи, пожалуйста, к миссис Кемпбелл. Сегодня наша очередь нести ей мясной бульон, она будет ждать.
— Может, сегодня ты не будешь меня об этом просить?
— По-моему, как раз сегодня я и должна тебя об этом попросить. Есть одно утешение, которое остаётся с нами даже тогда, когда все остальные потеряли свою силу. Это возможность помочь другим. Мама всегда так говорила.
— Я и так стараюсь тебе помогать.
— Конечно, ты большая умница, и мы с детьми очень тебе благодарны. Родная сестра, и та не могла бы делать для нас больше, чем ты. Но, видно, домашние дела не заглушают твоей боли, не заполняют пустоту внутри, а ведь ты, должно быть, так жаждешь облегчения.
— Нет, — быстро ответила она, — ничего я не жажду. Я просто хочу жить тихо и неслышно, чтобы всё оставалось, как есть.
— Да, пожалуй, это нормально для того, кто так горюет. И всё-таки, знаешь, наверное, стоит молиться о том, чтобы Господь дал нам сердце, свободное от самого себя, чтобы оно могло утешать других людей и сострадать им.
— Ах, Кэти, — с досадой промолвила Хелен, — ты просто не знаешь, не можешь знать, как мне тяжело! Пока Джеймс не полюбил меня, я и не думала, что на земле бывает такая любовь. Ты ведь знаешь, как наша семья непохожа на твою. Как же это замечательно, когда тебя любят! Вернее, это было замечательно.
— Не надо говорить «было»! — возразила я. — Мы все тебя очень, очень любим.
— Да, но не так, как Джеймс.
— Конечно нет. Извини, с моей стороны глупо успокаивать тебя такими речами. Но вот возьми миссис Кемпбелл. Она как раз лучше всех сможет тебя понять, если ты позволишь ей это сделать, ведь она потеряла и мужа, и детей.
— Да, но у неё, по крайней мере, был муж, хоть какое-то время! Она же не потеряла его перед самой свадьбой!
Если бы подобное сказал кто-то другой, я сочла бы это обыкновенным капризным упрямством. Но Хелен совсем не свойственно упрямство, просто горе чрезмерно давит на неё, и она никак не может выпрямиться.
— Я согласна, что твоё разочарование было сильнее, чем у неё, — продолжала я. — Но горе её неизмеримо больше. С каждым днём совместной жизни здесь, на земле, муж с женой всё крепче привязываются друг к другу, всё неразрывнее становясь одной плотью. Со временем из них обоих исчезает себялюбие, которое всегда примешано к влюблённости, и их союз становится таким чистым, таким прекрасным, что и правда начинает походить на союз Христа и Его Церкви. Это не сравнить ни с чем другим на свете.
Хелен вздохнула.
— Трудно поверить, — сказала она, — что на свете может быть что-то лучше, чем те чудесные месяцы, когда мы с Джеймсом были так счастливы.
— Приведись вам вместе пострадать, вы стали бы ещё ближе и дороже друг другу, — ответила я. — Хелен, ладушка моя, если бы ты знала, как мне тебя жалко! Надеюсь, ты чувствуешь это, хотя я по недомыслию всё ещё пытаюсь с тобой спорить, как будто уговорами можно прогнать горе и печаль.
— Ты такая счастливая! — снова вздохнула она. — Эрнест так любит тебя, так тобой гордится, и дети у вас просто чудо. Как я могу ожидать, что ты в полной мере почувствуешь и разделишь моё одиночество?
— Да, я действительно счастливая, — помолчав, ответила я. — Но не забывай, пожалуйста, что и мне пришлось пережить и утраты, и печали. Пока у тебя самой не будет детей, ты не поймёшь, как сильно страдает любая мать, — причём, страдает не только от своего горя, когда теряет любимого ребёнка, но и за детей, когда они мучаются и плачут. А насчёт своего счастья скажу только, что оно основано на чём-то более высоком и глубоком, чем даже сам Эрнест и наши дети.
— На чём это?
— На воле Божьей, на Его благословенной воле. Даже если Господь заберёт их всех, у меня всё равно останется покой, который не прейдёт вовек. Я знаю это отчасти и на собственном опыте, отчасти со слов других людей. Миссис Кемпбелл говорит, что самым счастливым временем в её жизни были три месяца сразу после смерти её первого ребёнка. Миссис Вентворт потеряла мужа буквально за несколько дней, и умирая, он говорил ей о своей любви, как жених говорит со своей возлюбленной. Когда она рассказывала мне об этом, слёзы залили её лицо, но она улыбнулась и проговорила: «Я благодарю Бога и Спасителя за то, что Он не пренебрёг мною, но посчитал меня достойной вынести эту скорбь ради Него». А вот ещё послушай, я прочитаю тебе немного из жизнеописания Уэсли, — только сегодня утром наткнулась на эти строчки:
«Он пришёл к одной из своих учениц, которая была больна и не вставала с постели. За последние полгода она похоронила семерых близких и только что узнала, что горячо любимый ею муж погиб в море. “Я спросил её, — вспоминает Уэсли, — не сердится ли она из-за всего, что с нею произошло”. С чудной, смущённой улыбкой она ответила: “Нет, конечно, нет! Как можно сердиться на Божью волю? Даже если Он заберёт у меня всё остальное, Он дал мне Себя. Я люблю Его и славлю каждую

минуту!”»
— Да, — не уступала Хелен, — я могу себе представить, как люди произносят такие вещи в порыве благочестия или в минуты восторга. Но ведь потом наступают часы горьких мучений?
— Конечно, от этого никуда не денешься. Божья благодать вовсе не делает человеческое сердце бесчувственным и не заключает его в непробиваемую броню, чтобы оно лучше выдерживало страдания. Такой человек может только вскричать вместе с псалмопевцем: «Из глубины взываю к Тебе, Господи!» И только те, кому привелось побывать в самых глубоких и мрачных безднах и кто узнал, что Бог может сделать для Своих детей даже там, могут так удивительно и радостно о Нём говорить.
— Скажи, Кэти, — вдруг спросила Хелен, — а ты сама всегда покоряешься Божьей воле?
— В самом главном, пожалуй, да, — ответила я. — Но знаешь, что меня всегда огорчает? Я постоянно забываю, что даже в самых мелких бытовых неурядицах кроется Божья воля, и вместо того, чтобы спокойно принять их из Его руки, я возмущаюсь и начинаю жаловаться на тех, с чьей помощью Он пытается меня научить. Я способна без единого слова упрёка отдать Ему ребёнка, брата, даже маму. Но чтобы развлекать каждого скучного гостя так, как будто сам Господь послал его ко мне в дом именно с той целью, чтобы он действовал мне на нервы? Или воспринимать каждый промах прислуги как лекарство, прописанное мне Богом именно сегодня, именно сейчас? Или оставаться спокойной и терпеливой в те дни, когда Эрнест совершенно погружён в свои книжки и совсем меня не замечает, и переносить всё это только потому, что мой Отец счёл необходимым послать мне сегодня именно этот урок? Ах, Хелен, вот этому мне ещё учиться и учиться!
— От твоих слов мне ещё хуже делается! — тоном совершенного отчаяния воскликнула Хелен. — На такое способны только самые-самые святые, а мне так и стараться не стоит, всё равно не получится. Что ж, придётся быть благочестивой и довольной той малой благодатью, какая у меня есть. Так уж, видно, суждено.
Она встала и собиралась было выйти, но я поймала её за руку и попыталась ещё раз достучаться до её бедной, измученной души.
— Но Хелен, милая, разве ты довольна? — спросила я так тихо и мягко, как будто обращалась к больному ребёнку. — Неужели тебе не хочется счастья, как и любому другому человеку?
— Конечно, хочется, — ответила она, — но Бог забрал его у меня.
— Я знаю, что Он забрал у тебя земное счастье. Но подумай, сколько всего иного и лучшего Он для тебя приготовил! Давай я прочитаю тебе письмо, которое много лет назад написал мне доктор Кэбот? Оно с тех пор всегда со мной, и я постоянно его перечитываю.
Она села и снова стала шить, молча слушая письмо. Не успела я прочесть последнее предложение, как в комнату влетели трое моих школьников, — ну, по крайней мере, мальчишки-то точно ворвались, словно буря, — и тут же кинулись на меня, как солдаты на осаждённую крепость. Я приучила себя к тому, чтобы в нужный момент полностью отдавать им всё своё внимание и сейчас начала резвиться с ними так, как будто в жизни не знала ни слёз, ни горестей, ни бессонных ночей. Наконец, ребята ускакали к себе в комнату, а Уна присела рядом с Дейзи, чтобы немного с ней повозиться.
— Можно, я возьму у тебя это письмо и прочитаю его сама? — вдруг сказала Хелен. — И можно, я ещё кое о чём спрошу? Как же это так ты устроена, что мгновенно переключаешься с одного на другое? Только что ты говорила так серьёзно, как будто от твоих слов зависит сама жизнь или смерть. И тут же, пожалуйста, — озорничаешь с мальчишками, как девчонка!
Я заметила, что Уна с любопытством вскинула глаза в ожидании ответа.
— Видишь ли, я всегда хотела стать как раз такой. По-моему, мать должна научиться с искренней радостью делить радости своих детей даже тогда, когда на сердце у неё тяжело. Я думаю, что в некоторые моменты благочестивее всего бывает носиться с детьми по гостиной, как в некоторые другие — сесть и помолиться вместе с ними.
После этого Хелен отправилась к себе с письмом доктора Кэбота, а я про себя попросила Бога, чтобы слова старого пастора благословили Хелен так же, как все эти годы благословляли меня. Но позднее на меня напало какое-то тоскливое, подавленное настроение, и мне начало казаться, что все мои речи были похожи на звенящую медь и звучащий кимвал; ведь любые слова значат очень мало, если живёшь совсем не так, как говоришь. А ведь до сегодняшнего дня я почти вообще ничего не говорила Хелен о Джеймсе, потому что меня сдерживало осознание моих собственных недостатков и слабостей. Интересно, почему мы так боимся тех, с кем живём под одной крышей? Наверное, нам кажется, что, поскольку они каждый день видят нашу мелочность, эгоизм и упрямство, им трудно будет поверить, что наши молитвы и желания и вправду устремлены гораздо выше и дальше. Бедная наша, славная Хелен! Сегодня лёд её уныния треснул — пусть же он поскорее растает насовсем!

Глава XXIV

20 марта

Сегодня утром Хелен молча вернула мне письмо доктора Кэбота, но сразу после завтрака отправилась навещать миссис Кемпбелл, захватив с собою вчерашнюю баночку бульона. Мне же предстоял хлопотливый день. Надо было, как обычно, проследить за субботней выпечкой хлеба и позаботиться о завтрашнем ужине, не забыть проверить у ребят урок к воскресной школе, выложить им чистую одежду и заштопать целую корзинку носков и чулок. Голова у меня была забита дневными заботами, и мне довольно трудно было сосредоточиться на молитве и Библии. Что ж, по крайней мере, я хоть сколько-то научилась справляться с подобными отвлечениями и больше не прячусь от них в отчаянии. Слава Богу, вера в молитву и твёрдое решение чуть что прибегать к ней всё больше и больше становятся основанием моей жизни, и я всё время повторяю про себя слова одного мудрого святого о том, что мою душу и лучшие Божьи дары разделяет одна лишь молитва, — иными словами, что я могу получить и непременно получу то, о чём прошу.
Я спустилась в кухню, надела свой огромный передник и замесила тесто. Тут, конечно же, зазвонил дверной колокольчик, и мне сказали, что пришла нищенка просить милостыню. В таких ситуациях, безусловно, замечательно было бы следовать совету Фенелона и предавать себя Христу, когда кто-то или что-то отрывает нас от дел, но на этот раз я недовольно пробормотала: «Да что же это такое! Когда же это кончится?» — и тут же об этом пожалела. Тем не менее, я поспешила как можно приветливее встретить незваную гостью, которая оказалась одной из самых невыносимых моих знакомых — этакая великанша, кровь с молоком и, между прочим, замужем, так что муж вполне был бы способен её прокормить, если бы захотел. Я сказала, что ничем не смогу сейчас ей помочь, и в ответ она разразилась грубыми требованиями, настаивая на своих правах. У меня начала закипать кровь. Почему, спрашивала я себя, почему я должна тратить своё время на подобные вещи? Наконец, она всё-таки ушла, проклиная меня на чём свет стоит, да так, что мне сделалось даже немножко жутко. Я мысленно попросила Бога простить её и вернулась на кухню. Только я снова принялась за дело, прибежала горничная от миссис Эмбери попросить у меня узор для вышивки, который я обещала ей на днях. Пришлось снова снимать фартук и бежать вверх по лестнице, но после долгих поисков узор появился-таки на свет. Так, снова за работу, — и снова звонок. Это тётушка приглашала наших ребятишек пойти к ней обедать. Они тут же заплясали от восторга. Ещё бы! Для них побывать у тётушки — настоящий праздник. Все поспешно начали собираться, и я старалась не выходить из себя и не раздражать ребят повышенным вниманием к нестриженым ногтям, немытым ушам и другим частям тела, которые особенно подвержены пагубным влияниям. Когда все были готовы, я расцеловала на прощание сияющие мордашки и вернулась на кухню с чувством, что мне опять не удалось вести себя так, как подобает идеальной матери в таких вот непредвиденных ситуациях. Нет, совсем не удалось. Тут оказалось, что у Бриджет убежало молоко, залило всю плиту и пригорело. Я рассердилась, расстроилась, почувствовала страшную усталость и начала раздумывать, как же достать ещё молока. Мэри я послать не могла, потому что она чистила серебро (правда, его у нас совсем немного), да у неё масса другой субботней работы. Я подумала, что Бриджет и сама могла бы предложить добежать до молочной лавки на углу, пусть даже обычно она и не ходит за продовольствием. Но Бриджет вообще особа неуступчивая, а сейчас она так недовольно хмурилась и ворчала, как будто это не она, а я не уследила за молоком. Тогда я сказала себе: «Ну и что же? В конце концов, не случится ничего страшного, если сегодня

Эрнест останется без сладкого. Сладкое вообще вредно, а времени на него уходит целая уйма». Правда, потом я ещё поразмыслила и подумала, что такое вот деспотичное решение отказать Эрнесту в маленьком удовольствии совсем не вписывается в портрет идеальной жены. В конце концов, он совершенно здоров и любит полакомиться, как любой нормальный человек. Тогда я наступила на горло своей гордыне и смиренно попросила Бриджет сбегать за молоком, и она с видом оскорблённого достоинства согласилась. Пока её не было, пришёл зеленщик, и мне пришлось отбирать всё, что нам было нужно. Потом опять позвонили — это Эрнест прислал корзинку яблок, что на его языке означает: «Кэти, милая, мне ужасно хочется яблочного пирога!» Я нервно посмотрела на часы и засучила рукава. Тут прибежала Мэри вся в слезах и сказала, что её матушка, которая живёт в Бруклине, сильно заболела, и нельзя ли ей поскорее съездить её навестить? Я ещё раз взглянула на часы и сказала, что можно, но только после обеда, — соображая при этом, что после её ухода мне придётся доделывать всё, что она не успеет закончить.
Наконец, с выпечкой я справилась, всё необходимое для воскресного ужина весело булькало в кастрюлях, и я побежала наверх, чтобы, во-первых, как следует сложить и убрать все детские вещи, которые ребята побросали кое-как, в спешке собираясь в гости, а во-вторых, хоть немного привести себя в порядок и переодеться к обеду. Тут я начала беспокоиться, что Эрнест непременно опоздает, и тогда Мэри придётся задержаться. Однако он появился ровно в час. Я радостно побежала ему навстречу, совершенно счастливая оттого, что всё готово и мне есть чем его побаловать. Мы быстренько пообедали, и я открыла было рот, чтобы отпустить Мэри к её маме, как вдруг снова зазвенел колокольчик, и нам доложили, что приехала миссис Фрай из Джерси. Я попросила Мэри подождать, пока я узнаю, обедала миссис Фрай или нет. Выяснилось, что нет, не обедала. Оказывается, она приехала в город, чтобы повидать друзей, целый день пробегала с визитами и теперь просто умирает от голода, и не сочту ли я за труд — и так далее, и тому подобное. С ней была элегантно одетая девушка, совершенно мне незнакомая, а кроме того, ещё какая-то мисс М. из Олбани, чьего имени я не разобрала. Я извинилась и сказала, что мы только что отобедали. Миссис Фрай уверила меня, что им всего-то и нужно, что чашечку чая и кусочек хлеба с маслом и больше ничего, так что не утруждайте себя, дорогая миссис Эллиот.
— Ну вот что, милая, я похвасталась этим двоим, что Вы самое жизнерадостное и занимательное существо на свете, и они готовы влюбиться в Вас с первого взгляда, — прошептала она мне, когда все уселись. — Я их специально привезла, чтобы они послушали, как Вы разговариваете. Так что, пожалуйста, будьте умницей и не подведите меня!
От таких слов я сразу поперхнулась и замолчала.
Мэри пришлось хлопотать ради нежданных гостий, у которых проявился отменный аппетит, так что они уничтожили не только хлеб с маслом, но и много всего другого. Проглотив почти половину пирога, миссис Фрай, отпыхиваясь, сказала, что попробует съесть ещё малюсенький кусочек, на что Эрнест сухо заметил, что это будет великая победа сознания над материей. Гостьи неспешно кушали, смеялись, болтали, а бедная Мэри стояла в сторонке, всем своим видом показывая крайнее отчаяние. Наконец я взглядом показала ей, что она может идти, но тут объявили, что пришла ещё одна дама — миссис Уинтроп из Бруклина. Она переехала туда всего несколько лет назад, а до этого жила неподалёку и лечилась у Эрнеста. Когда я к ней вышла, она с пафосом провозгласила, что обязана ему своей жизнью, и добавила, что специально решила заехать к нам именно в это время, чтобы непременно его повидать. Я попыталась было извиниться и сказать, что он вряд ли сможет сейчас её принять (потому что знала, что он будет мне за это только благодарен), но нет, она просто должна с ним увидеться, ведь он «просто душка», и у него такие милые, рыцарские манеры, и «Вы знаете, я ведь всегда была одной из самых любимых его пациенток!»
Эрнест принял «одну из своих любимых пациенток» без особого тепла, пригласил её отобедать и повел к столу, из-за которого мы все только что встали. Вот мужчины! Бедной Мэри снова пришлось носиться, как угорелой, чтобы хоть что-то поставить на стол. Миссис Уинтроп обрушилась на Эрнеста с разговорами и комплиментами, не обращая на меня абсолютно никакого внимания, что мне лично показалось грубым и неженственным. Она спросила, читал ли он такую-то книгу. Нет, не читал. Тогда она сказала:
— В таком случае, мне даже не стоит спрашивать, читала ли её миссис Эллиот. Она ведь так замечательно готовит и, наверное, всё своё время посвящает кухне и домашним делам.
— Вы правы, — ответил ей Эрнест. — Но Вы знаете, ей всё-таки удаётся прочитывать в газетах все отчёты о недавних убийствах и преступлениях в городе.
Миссис Уинтроп восприняла его слова совершенно буквально. Она отодвинулась от меня, подобрав юбку, посмотрела на меня в лорнет и сказала только: «Неужели?»
Вскоре она уехала. Тут вернулась домой Хелен, и Мэри смогла, наконец, уйти. Когда я рассказала Хелен, как прошло наше утро, она долго и от души смеялась, — а мне было так приятно снова услышать её звонкий серебристый смех!
— Ой, уже почти пять часов! — воскликнула я, когда мы с ней навели в доме порядок. — Подумать только, весь день прошёл в каких-то глупых, ненужных хлопотах. Разве это жизнь? Ну, кому стало лучше от того, что сегодня с шести часов утра я живу на белом свете?
— А хотя бы мне, — ответила Хелен, чмокая меня в разгорячённую щёку. — А ещё ты успела угодить целой куче других людей. Вы с Эрнестом всегда такие гостеприимные, смотреть приятно! Я вами обоими ужасно восхищаюсь. Вообще, мне кажется, что ни в коем случае нельзя пренебрегать этим умением незаметно делать людям приятное!
Я была очень благодарна ей за эти слова, так они меня подбодрили.
За ужином Эрнест тоже похвалил меня.
— Сегодня за обедом я страшно гордился своей женой, — сказал он.
— Тогда зачем ты сказал эту ужасную вещь, что я читаю только про убийства и преступления?
— Ты же меня поняла! — ответил он, смеясь.
— Но эта жуткая миссис Уинтроп подумала, что ты серьёзно!
— Да какая разница, что подумает какая-то там миссис Уинтроп? — возразил он. — Если бы ты только могла увидеть её и себя моими глазами! Просто небо и земля!
Ну что ж, наверное, надо принимать жизнь такой, какая она есть. Домашние дела так тесно переплетены с милосердием, маленькими проявлениями любви, дружбы и гостеприимства, что придётся окончательно поверить, что Бог именно так всё и задумал, что именно Он соединил их воедино и не желает, чтобы человек их разъединял. Как приятно думать, что сегодня мой муж был доволен своей женой и нашим домом. Как хорошо от этого на сердце!

30 марта

Сегодня на улице настоящий ураган, дети не пошли в школу и теперь по всем комнатам слышатся весёлые крики и смех. Как было бы замечательно чувствовать себя молодой, здоровой и сильной, пока дети ещё маленькие! Сколько всего можно было бы с ними делать! Конечно, я стараюсь и делаю всё, что могу, но никто не знает, чего мне это стоит. Какой усталой и безжизненной я кажусь себе по сравнению с неукротимой энергией детей. Когда их беготня начала действовать мне на нервы, я предложила почитать что-нибудь вместе, и, конечно же, от радости они подняли невообразимый гвалт и тут же повисли на мне со всех сторон, а когда мы начали читать, уткнулись локтями мне в колени, так что под конец я чувствовала себя совершенно обессилевшей. Я ещё сидела вот так, в окружении детей, когда Эрнест открыл дверь, увидел нас, постоял секунду, серьёзно глядя на нас, и не сказав ни слова, немедленно исчез. Мне стало не по себе, и вечером я спросила, почему он так странно себя вёл. Может, я слишком балую детей или что-то ещё делаю не так? Он привлёк меня к себе и сказал:
— Милое моё солнышко, ну зачем ты тревожишь себя такими глупыми фантазиями? Когда я заглянул к вам, у меня просто сердце готово было выпрыгнуть от любви и нежности к тебе, — прямо как в тот первый раз, в воскресной школе, помнишь? — и я мысленно спросил у Бога, чем я заслужил такое счастье — такую чудную жену и такую прекрасную мать для своих детей.

Как же я рада, что запомнила и записала его слова! Теперь всякий раз, когда мне снова станет плохо от собственной глупости или слабости, я обязательно буду их перечитывать и спрашивать Бога, чем я заслужила такого терпеливого и милосердного мужа.

1 апреля

Сегодня в нашей церкви грустный день. Наш любимый доктор Кэбот отправился в свой небесный дом и оставил своих овец без пастыря.
Его смерть была совершенно внезапной, и никто из нас не ожидал ничего подобного. Но даже утирая слёзы, я не могу не радоваться. Его сердце давно уже пребывало на Небесах, и он в любой момент был готов собраться в последний путь. Я не знаю ни одного человека, который ожидал бы смерти с такой радостью и готовностью. Только вот бедная миссис Кэбот осталась совсем одна, потому что дети у них уже взрослые, у каждого из них своя семья, и живут они довольно далеко. Но она переносит своё горе так, как будто всегда чувствовала себя странницей и пришелицей на этой земле. Странно, как часто мы забываем, что так оно и есть.

16 апреля

Её одинокий путь оказался совсем кратким. Сегодня мы положили миссис Кэбот рядышком с любимым мужем, и я с тихой радостью думаю, что даже смерть не только не разлучила их, но, наконец-то, полностью и нераздельно соединила вместе.
Они были так нежно и преданно привязаны друг к другу, что более прекрасного конца для долгой и счастливой супружеской жизни нечего и желать. Я тоже втайне надеюсь и молюсь, чтобы и мне так же скоро последовать за мужем, если Господь призовёт его первым. Но, конечно, не мне это решать.
Я буду скучать по ним. С самой ранней юности они оставались мне верными друзьями, были мне жезлом и посохом на земном пути. Что бы ни терзало меня, какие бы беды ни случались, они всегда были рядом и сочувственно поддерживали меня. Особенно я благодарна им за то, что вместе со мной они молились за нашу маленькую Уну, любили её и холили, как нежный и хрупкий цветочек, что они были рядом всякий раз, когда нам казалось, что она вот-вот уйдёт от нас. Только те матери, которые сами испили эту горькую чашу, могут понять, как заходится от страха и стонет моё сердце, которое никак не хочет успокоиться и всегда настороже, хотя внешне я спокойна и приветлива. Но что из того? Разве я сама не молилась тысячи и тысячи раз о том, чтобы, как писал Лейтон, «воля моя стала единой с Божьей волей?»
И разве Господь уже не ловил и ещё не поймает меня на слове? Вот, я пишу эти самые слова, а канарейка в клетке заливается такой солнечной и счастливой песней, что и у меня в груди рождается песня радости. Мне подумалось, что эта пленная птичка поёт даже в клетке, потому что никогда не знала сладостной свободы и не сожалеет о том, что потеряла её. Может быть, и душа моей девочки, всегда жившая в клетке слабенького, тщедушного тельца и никогда не знавшая безудержной радости здоровья и силы, когда-нибудь будет петь, петь вдохновенно и свободно? Да она и теперь поёт! Как же нам прожить без неё, нашей тихой и кроткой голубки, чья хрупкость пробуждает в каждом из нас самые нежные сердечные движения, чьё личико озаряет солнечным светом самые грустные и тяжкие дни? Я не сомневаюсь, что для мальчиков это удивительное благословение, что дома их всегда встречает такая сестра и сама её беспомощность взывает к их лучшим чувствам.
Не могу даже выразить, что для меня значит этот ребёнок! И всё равно, если наш добрый и благий Садовник решит, что пора пересадить этот нежный цветок к Себе домой, пока не пришли холода, — кто я такая, чтобы жаловаться?

Глава XXV

4 мая

В среду к нам на обед приходила мисс Клиффорд. Весть об её чудесном выздоровлении облетела весь город и заработала Эрнесту солидную репутацию, которая, кстати, совсем ему не помешает. Амбициозным его не назовёшь, — видит Бог, он самый бескорыстный в мире человек. Но его крайняя сдержанность и скромность до сих пор мешали людям видеть, какой он искусный и талантливый врач. Нам всем было очень приятно видеть у себя в гостях мисс Клиффорд. Она самое искреннее и оригинальное создание, какое только можно себе представить. Весь обед уже давно был съеден до последней крошечки, а мы всё никак не могли выйти из-за стола, дружно покатываясь со смеху над её забавными речами и словечками. Но её гибкая натура способна с удивительной быстротой переключаться на серьёзный лад, что, пожалуй, должно быть свойственно любому здоровому человеку.
После обеда я повела её к себе в комнату, где меня дожидалась рабочая корзинка. Туда же пришла и Хелен со своим шитьём.
— А я кое-что принесла, чтобы прочитать Вам вслух, дорогая моя миссис Эллиот, — торжественно произнесла мисс Клиффорд, как только мы все уселись. — Я сама совсем недавно это обнаружила и не сомневаюсь, что Вам понравится. Какой-то вельможа в письме задал Фенелону несколько вопросов. Вот я и хочу прочитать Вам кое-какие из этих вопросов вместе с ответами. Мы ведь об этом уже много разговаривали. Вот, слушайте:

I. — Как мне отдать Богу все свои мелкие, незначительные привычки и поступки? Например, прогулки, посещения друзей, приём гостей в нашем доме? Или ежедневное одевание, утренний туалет и ванну? Или чтение книг по истории, те дела, которые я выполняю по поручению друзей, и другие развлечения — как, например, покупка нового платья или мебели? Мне бы хотелось заручиться какой-нибудь молитвой или иным способом для того, чтобы посвящать всё это Богу.

Ответ: — Самые незначительные поступки перестают быть незначительными и становятся добрыми и благими, когда человек совершает их с намерением даже в них подчинить себя Божьей воле. Часто они оказываются даже более чистыми и благочестивыми, чем те дела, в которых, на первый взгляд, больше добродетели. Это происходит, во-первых, потому, что мы совершаем мелкие, привычные поступки не столько по собственной прихоти, сколько по воле Провидения, в тот момент, когда от нас это требуется. Во-вторых, сами по себе они проще и поэтому меньше склоняют нас к самодовольству и тщеславию. В-третьих, если человек относится к ним с умеренностью, то они помогут ему умертвить стремление потакать собственным прихотям даже скорее, чем деяния, совершённые в ревностном религиозном порыве, в которых явно присутствует большая доля себялюбия. И наконец, это так просто потому, что мелкие поступки и дела мы совершаем гораздо чаще и тем самым можем извлекать пользу из каждой минуты и каждого незначительного события.
Чтобы отдать эти так называемые «незначительные» поступки Богу, совсем не обязательно прикладывать какие-то особые усилия или посвящать себя долгому углублённому размышлению. Достаточно на мгновение вознести свою душу к Господу и просто посвятить Ему то, чем вы заняты. Всё, чего желает от нас Господь, все поступки и дела, связанные с нашим положением и работой среди людей, может и должно быть принесено к Его ногам. Нет ничего такого, что было бы недостойно Его, кроме греха. Если вы чувствуете, что не можете принести то или иное дело Богу, надо заключить, что христианину не следует им заниматься, и вам, по меньшей мере, нужно тщательно, с пристрастием рассмотреть свои устремления в свете Его истины. Я не стал бы предлагать

какую-то особенную молитву для того, чтобы посвящать Богу каждое из ежедневных занятий, мне кажется, достаточно просто на мгновение вознести своё сердце Господу.
Что же касается посещения друзей, выполнения их поручений и прочих занятий того же рода, здесь присутствует элемент опасности: в подобных делах человек бывает слишком склонен следовать исключительно собственному вкусу. В этих случаях я бы не только вознёс своё сердце Господу, но и помолился бы о том, чтобы Он даровал мне благодать быть умеренным и осторожным.

II. — В молитве мне трудно удерживать всё своё внимание на Боге. Часто бывает, что мысли мои разбегаются, я надолго отвлекаюсь и только потом спохватываюсь. Мне хотелось бы научиться управлять своими мыслями и вниманием, когда я молюсь.

Ответ: — Просто постарайтесь верно следовать наставлениям, которые получили насчёт молитвы, и всякий раз, когда замечаете, что отвлеклись, с терпеливым смирением возвращайте свои мысли назад, к Богу. Вряд ли в вашем случае можно придумать что-то ещё. Удивляться тут совершенно нечему. Конечно, человеку будет трудно сосредоточиться на Боге и молитве, если он так долго вёл жизнь вдали от Бога.

III. — Мне хотелось бы знать, стоит ли записывать в дневник все совершённые мною грехи и проступки, чтобы потом случайно не забыть в них покаяться. Я изо всех сил пытаюсь вызвать в себе ревностное покаяние, но ещё ни разу не чувствовал подлинного сожаления о содеянном. Вечерами я пытаюсь оценить свои поступки за день и вижу, что люди намного более святые и совершенные, чем я, постоянно находят в себе множество грехов. Я же, сколько ни смотрю, ничего дурного в себе не нахожу. Но ведь не может же такого быть, чтобы за целый день я не совершил ничего, за что должен просить у Бога прощения?

Ответ: — Вечерами вам действительно полезно оглянуться на прошедший день, но делать это нужно кратко и просто. В своём нынешнем состоянии, куда, по Своей милости, привёл вас Господь, вы вряд ли сможете совершить какой-либо значительный грех, не заметив его и не упрекнув себя в содеянном. Что же касается мелких, почти незаметных проступков, то даже если вы забудете покаяться в каком-то из них, не беспокойтесь и не расстраивайтесь.
Что же до пылкого чувства раскаяния, то оно совсем не обязательно. Господь даёт его по Своему усмотрению. Главная сущность истинного обращения сердца состоит в том, что человек полностью готов пожертвовать всем ради Бога. Говоря о «полной готовности», я имею в виду твёрдое, неколебимое решение воли человека не следовать более ни одной из своих привычных, естественных привязанностей, которые помешали бы ему в чистоте любить Бога, — а также безраздельно посвятить себя тому, чтобы нести любой крест ради исполнения Божьей воли везде и всегда. Что же касается сокрушения о совершённом грехе, — если человек его чувствует, ему следует благодарить за него Бога. Если этого чувства нет, надо смириться и успокоиться перед Богом и не пытаться тщетными усилиями вызвать в себе сожаление и скорбь.
Взирая на себя, вы видите меньше грехов и ошибок, чем способен увидеть более совершенный и святой человек. Это происходит потому, что ваш внутренний свет ещё очень слаб. Со временем он будет усиливаться, и вы начнёте чётче и ярче видеть свои проступки и недостатки. Однако не надо огорчаться. Довольно и того, что вы стараетесь поступать верно в соответствии с тем светом, который у вас всё же есть, а также продолжаете учиться и наставлять себя чтением и размышлениями. У вас всё равно не получится силою добиться благодати, принадлежащей тем, кто намного опережает вас на пути к Небесам. Это принесёт вам только тревоги и уныние, и вы просто измучитесь, живя в постоянном беспокойстве, а вместо того, чтобы спокойно любить Бога, вы будете тратить время на бесплодное, насильственное самосозерцание, которое, кстати, незаметно подпитывает человеческое себялюбие.

IV. — Когда я молюсь, то никогда не знаю, что сказать Богу. Либо сердце моё совершенно не настроено на молитву, либо его побуждения недоступны моим мыслям

Ответ: — Совершенно необязательно быть многословным в молитве. Порой мы почти ничего не говорим другу, которого рады видеть. Мы с нескрываемым удовольствием смотрим на него, перебрасываемся с ним незначительными словечками, которые выражают одни лишь чувства. Мысли здесь мало, её почти нет, мы просто повторяем одни и те же слова. В общении с другом человек ищет не столько разнообразия мысли, сколько покоя и единения духа и сердца. Точно так же и с Богом, Который не пренебрегает тем, чтобы стать для нас самым нежным, самым сердечным, самым знакомым и близким Другом. Ему достаточно одного слова, одного вздоха, одного движения души. Совсем необязательно всегда изливать на Него потоки осознанной любви. Голая воля, лишённая всякий радости и свежести чувств, в глазах Господа часто оказывается самым чистым и драгоценным приношением. Кроме того, надо и в этом быть благочестивыми и довольными и спокойно приносить Богу то, что Он Сам дал нам принести Себе, — будь то ревностное сердце, когда Господь даёт эту ревностность, или сердце, твёрдое и преданное даже посреди апатии и бесчувственности, когда никакой сознательной ревностности больше нет. Чувства человека не всегда зависят от него самого, но он должен желать чувствовать и просить об этом. Предоставьте это Богу. Пусть Он Сам даст вам необходимые подчас чувства, чтобы поддержать вас в такой ещё шаткой и детской христианской жизни. Однако порой Он будет отнимать у вас это блаженное утешение, которое младенцы во Христе любят, как сладкое материнское молоко. Да, порой Он будет отнимать его, чтобы смирить вас, побудить к росту, закалить и укрепить в вас мышцы пламенной веры, и для этого заставит вас в поте лица есть твёрдую пищу сильных. Неужели вы будете любить Бога только тогда, когда Он делает эту любовь приятной? В таком случае, вы начнёте любить свою собственную преданность, своё собственное чувство, полагая, что любите Самого Бога. Но даже сейчас, принимая в дар те чувства, которые Он вам даёт, начинайте чистой верою готовить себя к тому времени, когда чувства вдруг исчезнут, и не опирайтесь лишь на них, чтобы внезапно не упасть, когда их у вас отнимут.
Я забыл перечислить кое-какие упражнения, которые в начале христианской жизни напоминают человеку о необходимости посвящать Богу даже самые обыкновенные дела повседневной жизни.
1. Примите твёрдое решение каждое утро посвящать все ежедневные дела и заботы Господу, а вечером оглядывайтесь на прошедший день и проверяйте, насколько вам это удалось.
2. Не принимайте поспешных решений, обдумывайте свои действия, руководствуясь соображениями пристойности или, например, необходимости дать передышку своему разуму и т.п. Таким образом, постепенно приучая себя отказываться от бесполезного времяпровождения, человек приучает себя посвящать Богу то, от чего отказаться невозможно.
3. Всякий раз оставаясь в одиночестве, возгревайте в себе это решение, чтобы лучше помнить о нём, оказываясь в обществе других людей.
4. Всякий раз, когда вы внезапно ловите себя на чрезмерной расточительности или ненужной болтливости, особенно по отношению к ближнему, немедленно возьмите себя в руки и вознесите Богу остаток разговора.
5. Когда вы входите в общество других людей или занимаетесь каким-то делом, которое может заставить вас поддаться искушению, не забывайте с дерзновением и уверенностью приходить к Богу и старайтесь действовать по Его воле. Уже сама угроза опасности должна предупреждать нас о том, как жизненно необходимо человеку снова и снова возносить Ему своё сердце, чтобы Господь сохранил его от падения.

Когда мисс Клиффорд закончила читать, мы обе поблагодарили её, и я попросила одолжить мне книгу, чтобы списать отрывок к себе в дневник. Надеюсь, эти несколько страничек и вправду сослужат мне добрую службу и ещё раз как следует напомнят мне, что Бог хочет, чтобы вера наша стояла на твёрдых и верных убеждениях, а не просто на изменчивых чувствах.
Хелен больше всего поразила мысль о том, что человек не может усилием опередить процесс роста и обрести ту благодать,

которая предназначена для более зрелого времени. Она всегда считала, что в жизни каждого верующего должны присутствовать все переживания, все чувствования, о которых пишут самые опытные и зрелые христиане. Кроме того, её весьма утешило то, что именно Бог производит рост и перемены в каждом из нас, и покаяние, например, тоже даруется нам свыше, так что нам вовсе не надо добиваться его, как награды в упорной борьбе.
Мисс Клиффорд раньше никогда не слышала, что человек может предавать себя Богу даже в таких ежедневных мелочах, как, скажем, походы по магазинам и разговоры с друзьями
— Только представьте себе, — воскликнула она, и её очаровательное личико так и засветилось радостной горячностью, — какой благословенной может стать вся наша жизнь, если даже самые будничные, самые простые занятия будут связывать нас с незримым миром и с Божьей волей!
— Иными словами, — подхватила я, — верхушка лестницы, опирающейся на землю, достигает самих Небес, и мы можем подниматься по ней, совсем как ангелы из сна Иакова *.
— И опускаться тоже, — проговорила Хелен отрешённым голосом.
— Нет уж, я Вам просто не позволю говорить таким унылым тоном! — вскричала мисс Клиффорд. — Ну посмотрите же на жизнь хоть чуточку бодрее. Я не сомневаюсь, что Бог желает, чтобы мы всё время подымались всё выше и выше, ближе и ближе подходя к Нему, всегда узнавая о Нём что-то новое и любя Его крепче и крепче с каждым днём. Конечно, у нас больные души, сами удерживаться на плаву они просто не могут. Но знаете, последнее время я читаю одну книжечку под названием «Как Бог исцеляет недуги человеческих душ», и уже одно её название наводит меня на сотни радостных и благодарных мыслей. Она помогла мне совершенно по-новому увидеть то, что раньше казалось мне злом. Теперь я думаю о Боге как о Целителе, и все жизненные неприятности стали для меня Его лекарством, лишения — полезным курсом лечения, а утраты — новыми приобретениями. Да посмотрите хотя бы на меня! Теперь-то я вижу, что Бог терпеливо и настойчиво пробует то одно, то другое лекарство и однажды непременно исцелит те души, которые согласны лечиться. Как же я люблю Его! Как люблю! Как же после всего этого мы можем жаловаться и недовольно ёрзать, когда нас накрывает Его непогрешимая рука? Помните, как Он поступил со мной? Душа моя была больна, смертельно заражена всеми недугами суетности, тщеславия и глупости. Был только один способ заставить меня прислушаться к голосу разума, и Бог воспользовался именно им. Он выхватил меня из общества, запер меня в комнате, сделал меня беспомощной калекой, оставил меня в полном одиночестве и заставил думать, думать без конца до тех пор, пока я не поняла пустоту и тщетность всего, что составляло моё существование. А потом Он послал ко мне Вас и Вашу маму, чтобы вы показали мне подлинную реальность жизни и открыли мне доселе незримого, неведомого мне Врача. Ну могу ли я после этого любить Его с прохладцей? Могу ли спрашивать Его, сколько мне надо заплатить, чтобы сполна возместить всё, чем я Ему обязана?
Хелен уронила своё вышивание, и глаза её наполнились слезами.
— Спасибо Вам, — еле слышно прошептала она. — Вы открыли мне загадку жизни. Я никогда ещё не видела своего Бога и Спасителя таким.
Мисс Клиффорд тут же смутилась и замолчала, лицо её погасло, она с упрёком взглянула на Хелен и запротестовала:
— Зачем Вы такое говорите? Чему я могу вас научить? Я сама ещё только учусь у тех последователей Христа, кто постарше.
Но даже я, хоть и следую за Христом дольше, чем она, уже много лет слушаю её слова и учусь. А сегодня я впервые увидела, сколько всего надо ещё сделать в мире, и подумала, насколько силён и благ Тот, Кто взвалил на Себя эту трудную работу. Я была несказанно рада, когда смогла, наконец, остаться одна в своей комнате и расхаживать по ней вдоль и поперёк, распевая песни хвалы Богу и благодаря Его за все те случаи, когда Он «разрушал надежду мою, отнимал радость мою» и протягивал мне чашу скорби и утраты.

24 мая

Я прочитала Эрнесту тот отрывок из Фенелона, который недавно произвёл на меня такое впечатление.
— Эти слова надо бы прочесть каждому предпринимателю, каждому торговцу — да и вообще, всякому деятельному человеку, — сказал он. — Тогда вся наша жизнь стала бы совсем иной. Мы бы уже не думали, что работа — это одно, а вера — другое. Вместо этого любое повседневное занятие стало бы возможностью поклониться Богу. Мы уже не стали бы ходить на молитвенные собрания, чтобы «набраться сил и наполниться Духом». Мы просто жили бы в силе и в Духе каждый день, с утра до вечера и с вечера до утра, а хвала и молитва стали бы просто ещё одной формой выражения любви, веры и послушания, кроме тех, которые присутствуют в нашей жизни целый день, посреди забот и хлопот дома и на работе.
— Жаль, что я только сейчас всё это поняла, — вздохнула я. — Раньше мне казалось, что молитва — это почти что роскошь. Помнишь, как я раздражалась и расстраивалась, когда из-за детей иногда не могла уделять молитве особое время, не могла уединиться в своей комнате, — ну, например, когда они болели? Знаешь, что я себе говорила? «Дети болеют, значит мне нужно быть с ними особенно терпеливой, а поскольку я человек нетерпеливый, мне просто необходимо на какое-то время подняться к себе и как следует попросить Господа дать мне силы». Теперь я вижу, что мне надо было только с радостью принять тот долг, который накладывал на меня Господь, и тогда само это неутолённое желание получить от Него утешение и поддержку привязало бы меня ко Христу даже крепче, чем самый возвышенный молитвенный восторг.
— Да, каждый поступок, совершённый в послушании, — это и есть поклонение, — согласился Эрнест.
— Почему же мы так поздно начинаем это понимать? Почему мы так бездарно тратим свою жизнь, пока не научимся жить как следует?
— Знаешь, милая, — ответил Эрнест, — по-моему, каждый из нас сам выбирает, быстро или медленно он будет учиться. Бог не станет насильно пичкать нас новыми уроками. Но стоит нам, подобно Лютеру, воззвать и попросить: «Дай мне света, Господи, больше света!» — свет непременно придёт и озарит для нас новые истины.
Когда Эрнест ушёл, я ещё долго гадала, не потому ли я так медленно продвигаюсь вперёд, что в моём сердце есть тайное нежелание познать истину. Может, я просто боюсь, что с этим новым знанием мне придётся жить ещё самоотверженнее и благочестивее, чем до сих пор?

2 июня

Пару дней назад я навестила миссис Кемпбелл и, к своей великой радости, узнала, что к ней только что заходила Хелен и они долго и серьёзно разговаривали. Последнее время миссис Кемпбелл сильно сдала, и, наверное, ей осталось быть с нами совсем недолго. Когда я думаю о том, что скоро, совсем скоро ей предстоит войти в незримый мир, своими глазами увидеть Спасителя и войти в Его небесный дом, каждое её слово, каждый взгляд кажутся мне вдвойне драгоценными. Она стоит в преддверии Небес, и мне с нею так хорошо, что я невольно думаю, как было бы здорово, если бы кто-то мог спуститься к нам оттуда и рассказать, какая она, наша будущая страна.
Миссис Кемпбелл спокойно заговорила о своей смерти и сказала мне, что Эрнест обещал сам заняться её похоронами и положить её тело рядом с телом покойного мужа.
— Видите, дорогуша, — улыбаясь, проговорила она, — хоть я и собираюсь в скором времени перебраться на Небеса, сейчас я всё ещё земной человек, и слабости, увы, ничуть мне не чужды. Казалось бы, какая разница, куда положат это бренное тело, когда я покину его навсегда? А я всё беспокоюсь, оставляю всевозможные распоряжения!
Я ответила, что ужасно рада тому, что она пока ещё земной человек, и добавила, что мне не кажется, что это такая уж слабость —

напоследок позаботиться о теле, в котором прожила целую жизнь. Миссис Кемпбелл выглядела очень уставшей, и я почти сразу собралась было уходить, но она удержала меня за руку и не пустила к двери.
— Я и правда устала сегодня, — сказала она, — но какая разница? Ведь всего через несколько дней усталость покинет меня навсегда! Я снова стану молодой, сильной и смогу славить и хвалить Бога так, как не могла уже много лет. Но сейчас, пока я ещё жива, мне очень хочется ещё раз сказать Вам, как благ Господь, какое это благословение — страдать рядом с Ним и какое удивительное счастье Он даровал мне даже в самом страшном горниле раскалённой печи. Когда Вам снова будет трудно, вспомните мои предсмертные слова. Нет такой пустыни, которую Он не смог бы озарить Своей любовью. Нет такого одиночества, которого Он не умягчил бы Своим присутствием. Я знаю, что говорю. Это не обман и не фантазия. Я знаю, что самое чистое, самое высшее счастье известно лишь тем, кто познал Христа на одре болезни и страдания, в нищете, в отчаянном ожидании и тревоге, посреди испытаний и у края могилы.
Её милое лицо, исхудавшее от болезни и изрезанное морщинами страданий, озарилось ещё большим светом, и каждая черта, казалось, говорила: «Познать Христа — вот она, настоящая жизнь!», и это безмолвное сияние было сильнее всяких слов.
Я вышла на шумную, наводнённую народом улицу, как будто спустилась со священной горы, а когда пришла домой, Эрнест сидел в детской, а на руках его безжизненно лежала Уна. Она упала и разбила себе голову. Как же я молилась, чтобы Господь смягчил страдания для нашей несчастной девочки, и вот теперь она так сильно упала! Мы до полуночи просидели над её постелью, почти без единого слова, но уже по тому, как крепко Эрнест сжимал мою руку, я знала, что жизнь Уны в опасности. Наконец, он согласился пойти прилечь, и Хелен заняла его место рядом со мной. Я не могла сомкнуть глаз. Только Богу известно, сколько всего может пережить человеческое сердце за несколько часов. День за днём я перебирала в памяти жизнь моей дорогой доченьки, вспоминала её милые словечки и ласковые, застенчивые манеры, думала о том, как часто я сама втайне жаловалась на её горькую долю и на то, что нездоровье лишило её множества обычных детских забав. И чем больше я думала, тем сильнее сердце моё дрожало при мысли о том, что она может от нас уйти — всеобщая любимица, которая, при всей своей хрупкости, уже начала становиться мне настоящей опорой и одним своим присутствием озаряла весь наш дом. В какой-то жуткий момент улетучилась вся моя вера, и я увидела, как слаб и жалок человек, которому не на кого опереться. Но ещё до того, как в окошко вползли первые рассветные лучи солнца, в сердце моём заструился чистый небесный свет, и я всё-таки смогла препоручить Богу даже свою ненаглядную голубку, отдать её по доброй воле в приношение Господу. Да разве могла я отказать Ему в этом? Разве могла спорить с Ним и возражать, говоря, что дочь мне дороже зеницы ока? Нет, нет, неужели я стану отдавать Ему лишь то, без чего могу обойтись, удерживая самое драгоценное и любимое? Неужели уклонюсь от страданий ради Того, Кто не пожалел для меня Своего собственного, единственного Сына? И как только я почувствовала в себе это смирение, эту блаженную готовность страдать, Господь опустил Свой жезл, поднятый лишь для того, чтобы испытать мою веру. Моя девочка открыла глаза и ясно, со знакомой нам всем улыбкой посмотрела на меня. Мне так хотелось схватить и прижать её к себе крепко-крепко! Но я сдержалась, потому что знала, что хотя бы ради Уны мне нужно вести себя спокойно.

6 июня

Мы с Уной остались дома, а все остальные отправились в церковь. Уна мирно лежит в постели, голова у неё пока в бинтах, но, по словам Эрнеста, опасность миновала, так что нет семейства счастливее и благодарнее, чем мы. После недавних событий дети как-то сразу притихли и посерьёзнели, и теперь обращаются со своей старшей сестрёнкой особенно бережно и ласково. Как она упала и откуда, никто не знает. Сама Уна ничего не помнит, так что её падение, наверное, навсегда останется для нас загадкой.
Второй раз наша девочка возвращается к нам после того, как мы решаемся доверить её Божьему Провидению. И на этот раз сделать это было в десять раз труднее, чем тогда, когда она была тщедушным, бессмысленным младенцем, — так что мы заново приняли её в дар от Небесного Отца и радуемся теперь в десять раз больше. Почему мы до сих пор порой боимся полностью предать себя воле Господа? Честное слово, у нас нет никаких оправданий. Ведь Он открыл нам Себя в стольких радостях и в стольких скорбях — совсем не так, как миру!

Глава XXVI

13 мая

Сегодняшнее воскресенье запомнится нам надолго. Рано утром нас позвали к миссис Кемпбелл, и мы стояли у её постели, когда она высвободилась, наконец, из тех уз, которые связывали её столько лет. Какая невосполнимая утрата! Но я могу искренне благодарить Бога за то, что ещё один «усталый путник» добрался до своего вечного дома. Больше я ничем не могу ей послужить, не могу придти к ней за советом, но она навсегда стала мне настоящим вдохновением, и я вечно буду благодарить Бога за то, что Он даровал мне такого верного друга, преданного в молитве и любви. Наверное, страдающим и больным верующим часто кажется, что они бесполезно прозябают в своих постелях, потому что беспомощное тело не даёт им свободно жить и дышать. Если бы они знали, как много они делают ради Христа уже одним только смиренным благочестием и молитвами, пусть даже молиться им удаётся лишь урывками!
Перед самой её смертью мы с миссис Кемпбелл довольно много беседовали, и мне хочется записать кое-какие её слова, пока они не ускользнули из памяти и пока я не потеряла те бумажки, где кое-как поспешно нацарапала те мысли, которые особенно поразили меня тогда. Иногда болезнь давала ей небольшую передышку, и накануне смерти она чувствовала себя почти хорошо. В тот день я спросила её, что значит быть зрелым христианином.
— По-моему, — задумчиво произнесла тогда миссис Кемпбелл, — зрелый христианин навсегда и во всех обстоятельствах остаётся таким, каким раньше ему удавалось быть только в самые лучшие, самые просветлённые моменты жизни. Конечно, по мере роста у него бывали времена, когда он любил Бога больше всего на свете, испытывал удивительную близость с Христом, с радостью и смирением принимал назначенный ему крест и действительно любил своего ближнего, как самого себя. Но при всём этом он постоянно страшился, что перед лицом искушения все эти блаженства уйдут, останется лишь безжизненная апатия, и в час испытаний он непременно начнёт раздражаться и противиться Богу, станет жестоко и язвительно судить других людей, то и дело вспыхивая яростью и обидой. Однако проходит время, и эти всплески, эта шаткая неуверенность больше не нарушает его покой. Любовь к Христу прочно укореняется в его жизни. Этот человек начинает любить Бога уже не за то, чем Тот благословил и ещё благословит его лично, а просто за то, какой Он, и за то, что Он есть. Он начинает дорожить Господним именем и остро переживает всякий раз, когда кто-то Его бесчестит. Божья воля становится ему бесконечно дорога, и больше всего он любит её именно тогда, когда она торжествует и побеждает «за его счёт».
Когда-то наш христианин молился лишь в определённое время, в установленные часы и ему было чрезвычайно важно ощущать должное благоговение и пылкость и «посильнее наполняться духом» во время молитвы. Теперь молитва изливается из него непрестанно, и где бы он ни был — на вершине восторга или в глубине отчаяния, — он всегда полагается только на своего Спасителя.
Былая самоуверенность уступила место детскому смирению, которое не позволяет ему и шага сделать в одиночку. Он всегда пребывает в покое, но при этом острее прежнего ощущает свои собственные недостатки, — и всё это вместе наполняет его любовью к людям. Он всё видит, всему верит, всего надеется и всё переносит, не помышляя зла. Переменился сам тон его голоса, само выражение лица, и теперь любовь царит там, где раньше бушевали человеческие страсти. Иными словами, теперь он не только стал новой тварью во Христе Иисусе, но и понял, что это произошло, — и это блаженное осознание наполнило его

радостным смирением и благодарностью.
Всё это миссис Кемпбелл сказала медленно, как бы размышляя вслух, но со всё возрастающей уверенностью.
— Знаете, сейчас Вы как нельзя лучше описали мою маму, какой она была с того самого момента, когда потеряла Джеймса, последнего из шести сыновей, — сказала я, когда она замолчала. — Я только сейчас увидела, что эта последняя утрата как бы отлучила, отрезала её от самой себя, и вся её жизнь превратилась в чистую любовь к Богу и к людям. Теперь я понимаю, что с ней произошло. Милая миссис Кемпбелл, молитесь за меня, пожалуйста! Мне бы так хотелось когда-нибудь стать похожей на маму!
— Я и так об этом молюсь, — ответила она, улыбнулась мне лукаво и значительно, и мы расстались — расстались с тем, чтобы на следующий день она отправилась в своей последний путь и обрела долгожданный покой, а я продолжала брести своей дорогой. Не знаю, сколько мне предстоит идти, сколько забот и несчастий выпадет ещё на мою долю, какие болезни и страдания ждут меня впереди, — но однажды мы с ней снова встретимся в присутствии Того, Кого обе любим. А вокруг нас будет множество других, выстоявших в великих гонениях, — святых, чьи одежды убелены кровью Агнца. Они и сейчас стоят перед Божьим престолом, днём и ночью служат Господу в Его храме, не зная больше ни голода, ни жажды, потому что Агнец Божий, сидящий на престоле, пасёт их и водит к живым источникам вод, а Бог отирает всякую слезу с очей их.

25 мая

Сегодня мы с Хелен снова заговорили о миссис Кемпбелл, её благословенной жизни и благословенной смерти. Хелен сказала, что её такие беседы ещё больше расстраивают и тревожат.
— Последний раз, когда мы с ней виделись, — начала она, — я призналась ей, что сомневаюсь даже в том, что я христианка. Ведь если бы я по-настоящему была Его дочерью, то, наверное, не противилась бы так Его воле. Знаешь, что она мне ответила? Она спросила: «А что, если бы вы могли вернуть Джеймса даже вопреки Божьей воле?» Конечно, я ответила, что непременно вернула бы его себе. Она помолчала, а потом сказала: «Знаете, девочка моя, когда мне бывает тяжело и скучно молиться, я спрашиваю себя: “А что было бы, появись Христос прямо здесь, прямо сейчас? Появись Он таким, каким являлся Своим ученикам на земле, что бы я ему сказала?” И тогда Он как будто встаёт перед моим внутренним взором, и я говорю Ему всё так, как если бы Он Сам, в телесном обличии стоял передо мной. Я поступаю так всякий раз, когда меня внезапно настигает очередное горе. Я представляю, как Спаситель Сам подходит ко мне, наклоняется и говорит мне, только мне одной: “Ради тебя Я стал мужем скорбей и изведал болезни. Можешь ли ты ради Меня понести этот крест? Отдать этого ребёнка? Примириться с этой утратой?” Как я могу отказать Ему? Так вот, девочка моя, Он и к Вам пришёл точно с таким же вопросом и теперь просит Вас показать, что Вы любите Его и верите Ему, и готовы отдать Богу самое драгоценное, что у Вас есть. Если бы Он сейчас живым встал перед Вами и предложил вернуть Джеймса к жизни, неужели Вы осмелились бы сказать Ему: “Да, Господи, но ведь я лучше, чем Ты, знаю, что хорошо, а что плохо для меня и для моего жениха! Поэтому верни его мне, чего бы это ни стоило, потому что я уверена, что в этом изменчивом, непостоянном мире он всегда будет счастлив рядом со мной, и земная жизнь со мной принесёт ему больше радости, чем небесное общение святых, ангелов и Самого Господа”. Неужели Вы осмелитесь сказать Ему такое?» Кэти, ты не представляешь, как я мучилась, думая обо всём этом ещё и ещё раз! Конечно, такого я никогда не осмелилась бы Ему сказать!
— Так что же, милая моя сестрёнка, — воскликнула я, — значит, ты решилась, наконец, отдать Джеймса Богу? Ты решилась отпустить его от себя и позволить Богу поступать со Своими святыми так, как Ему угодно?
— Мне придётся это сделать, — ответила она. — Но я покоряюсь просто потому, что должна покориться.
Я взглянула на неё и только молча подивилась на ту твёрдую решимость, которая никак не сочеталась с этим нежным, чистым лицом.
— Скажи, — снова заговорила она, — как ты думаешь, может настоящий христианин чувствовать себя так, как я, или нет? Честно говоря, я сомневаюсь, что я христианка. Я теперь вообще во всём сомневаюсь.
— Да сомневайся в чём хочешь, только веруй во Христа! — сказала я. — Ну, давай на минуточку представим себе, что ты действительно не христианка. Ну и что? Ты же можешь стать христианкой — хоть прямо сейчас!
Её прелестное лицо вспыхнуло, она всплеснула руками и в каком-то непонятном восторге прижала их к груди.
— Да! — ответила она. — Могу!
Наконец-то Господь послал то слово, которого ей так не хватало!

28 мая

Сегодня Хелен спустилась к завтраку в простом белом платье. Я не успела предупредить детей, чтобы они ни о чём её не спрашивали, так что стоило ей войти, как они хором закричали:
— Ой, тётя Хелен! А почему ты в белом?
— Вот это да!
— Ура, тётя Хелен теперь будет, как все!
Хелен выслушала эти возгласы с обычной кротостью — но сегодня в её привычной мягкости впервые проскальзывала настоящая радость, и детям это явно нравилось гораздо больше, чем прежняя пассивная уступчивость. Я ничего ей не сказала. Она мне тоже. Она пришла ко мне в комнату только вечером.
— Кэти, родная! Должно быть, Сам Господь научил тебя, что сказать! Все эти годы я мучилась, снова и снова спрашивая себя, христианка я или нет, потому что никогда не могла по-настоящему сказать Ему: «Да будет воля Твоя». Скажи ты тогда: «Ну конечно, ты христианка, Хелен! Ты же произнесла молитву покаяния и после этого долгие годы жила, как живут верующие!», я бы до сих пор мучилась в неведении и отчаянии. А сейчас у меня просто как камень с души свалился! Ведь это правда — если вчера я не была Его дочерью, то могу стать Его дочерью сегодня! Если раньше я не любила Его, то могу начать любить его сейчас!
Я-то нисколько не сомневаюсь, что все эти годы она верила в Бога и любила Его — и вчера, и в прошлом году, и много лет назад. Но пусть она думает так, как ей хочется. Перед ней открывается новая жизнь. Я верю, что она непременно посвятит всю себя Господу, и скорбь её превратится в источник удивительной радости.

2 сентября, ферма «Душистый шиповник»

Эрнест провёл с нами всё воскресенье, и я только что отвезла его на станцию. Последние месяцы дела наши так быстро пошли в гору, что Эрнест даже проявил неслыханную экстравагантность — на всё лето отдал в моё распоряжение хорошенького крошечного пони и старомодную коляску, и я научилась вполне сносно с ними управляться. Конечно, стоило мне в первый раз выехать самостоятельно, я тут же сломала заднюю ось, а позавчера чуть не опрокинула коляску в пруд вместе со всеми ребятишками, потому что по глупости решила, что смогу сама напоить нашу бедную уставшую лошадку. Но Эрнест, как обычно, терпеливо меня учил и теперь велел мне как можно чаще выезжать на прогулки вместе с детьми. На этот раз Хелен с нами не поехала, она осталась в городе на всё лето, чтобы ухаживать за Мартой. Та, бедняжка, слегла от страшного приступа ревматизма и почти ничего не может делать сама. Мне очень её жаль — ведь она сроду ничем не болела, и ей, должно быть, ужасно тяжело и непривычно лежать в постели.
Но если не считать беспокойства за Марту, лето у нас получилось замечательное — ни одной болячки, ни одной бессонной ночи! Никто не плакал и не будил меня по ночам, так что я беспробудно спала с вечера до утра и просыпалась свежая и отдохнувшая. Скоро уже домой. Какая жалость, что приходится воспитывать ребятишек в огромном городе! Но ничего не поделаешь. Детишки

должны быть везде, где есть мужчины и женщины, — без них что город, что деревня — любое место покажется дикой, бесплодной пустыней.
Мою радость омрачает только отсутствие Эрнеста. С каждым годом нам всё труднее расставаться, даже ненадолго. Бог благословил нашу семью и наше супружество. Конечно, были у нас и штормы, и ураганы, но — благодарение Господу — мы выплыли, наконец, на тихие воды безмятежного покоя. Пока я втайне корила своего муженька за то, что он чересчур много работает и уделяет мне слишком мало внимания, он с каждым днём постепенно становился именно таким, каким и должен быть настоящий врач, — сдержанным, хладнокровным, трудолюбивым, готовым в любую минуту пожертвовать даже своей жизнью ради другого человека. Как часто я принимала его сосредоточенность за равнодушие, как часто про себя обвиняла его в холодности, не зная, что и сердце его, и душа полны безмерно важных и серьёзных вопросов, — в буквальном смысле, вопросов жизни и смерти. Теперь-то мы понимаем друг друга, и я вижу великую мудрость и доброту Бога, Который свёл нас вместе — два характера, полностью противоположных друг другу. Выйди я замуж за такого же страстного, пылкого человека, как я сама, он ни за что не смог бы так терпеливо сносить мои взлёты и падения, как Эрнест. А если бы он женился на такой же спокойной, сдержанной женщине, как он сам, каким странным и холодным получился бы их дом, — особенно для воспитания малышей. Но у Эрнеста всегда было горячее сердце, его только надо было разбудить, а моя жизнь, оказавшись рядом, тронула струны его души и вывела на свет прекрасную мелодию. Я больше не ношу внутри тайных обид, а Эрнест никогда не забывает ни праздников, ни дней рождения и ухаживает за мной бережно и ласково. Я так люблю смотреть, как его напряжённо-задумчивый лоб разглаживается в присутствии жены и детей. Как хорошо, что у меня, наконец, есть счастливая семья и счастливый дом, о котором я всегда потихоньку вздыхала. Но неужели всё дело только в том, что Эрнест так сильно переменился? Может быть, и я тоже стала немного рассудительнее, перестав быть такой капризной и упрямой?
Этим летом мы решили поехать на ферму. Живём мы здесь совсем просто, по-деревенски, но в доме всё устроено чистенько и аккуратно. Хозяйку зовут миссис Браун. Позавчера я спросила у неё, не хочет ли и она заиметь таких же чудесных малышей, как у меня. Она улыбнулась и ответила, что мои ребятишки и впрямь славные и хорошо, конечно, иметь детей, когда дом — полная чаша и есть чем их прокормить. Но они с мужем и так еле-еле сводят концы с концами, а если появится ещё и уйма ребятишек, ей точно с ними не совладать и не управиться — столько от них хлопот.
— Но ведь дети — это не только хлопоты, — возразила я. — Знаете, сколько с ними радости?
— Так-то оно так, если деньги есть, — ответила она, — но беднякам вроде нас, которые только и знают, что работать до полусмерти, об этом и думать нечего. Вчера вон мужу говорила: слава Богу хоть за то, что у меня под ногами никто не крутится, да комнаты на лето можно сдавать, чтобы за ферму поскорее расплатиться. Мы ведь её купили, деньги в долг взяли, — поди-ка теперь выплати!
— А муж что?
— Он-то говорит, что мы пока молодые, здоровые, и с выплатами нас никто не торопит, так, может, и родить бы пару мальчишек, вроде как у вас.
— А вы?
— А я ему на это сказала, что даже если мы их и родим, то они ведь не будут вроде ваших, в рубашечках да панталончиках, «спасибо» да «пожалуйста»! Наши только и будут знать, что по заборам лазить и штаны рвать. На них кормёжки-то не напасёшься, не то что панталончиков. А он говорит, что ему не панталончики нужны, а своя плоть и кровь, так что и спорить нечего — коли у мужика детей нет так он, вроде, вовсе и не мужик. А я ему: «Ну, народим мы с тобой полдюжины — да ведь у тебя и дать-то им нечего!» А он мне: «Как это нечего? А что мне отец с матерью дали? Вот тебе две руки, чтобы на хлеб зарабатывать, — и милости просим!»
— Какой молодец у Вас муж! — воскликнула я. — Что ж, надеюсь, у вас с ним и правда будет полдюжины ребятишек. Ну скопите вы денег, ну выкупите свою ферму — и дальше что? Не скучно вам будет тут вдвоём, а? И кому вы её потом оставите? А состаритесь — кто о вас позаботится?
— Надо же, как Вы серьёзно об этом говорите! — удивилась она.
— Да, я совершенно серьёзно! Просто я думаю, что дети должны украшать каждый дом, как цветы украшают каждое поле, каждый луг и даже обочины дорог. Мне так хочется, чтобы родители с радостью принимали малышей в дом и, благодаря детишкам, сами постепенно учились всё больше думать о других и всё меньше о себе. Мне так хочется, чтобы папы и мамы принимали Божьи дары с благодарностью, а не отворачивались бы от них с досадной гримасой.
Тут вошёл мистер Браун, и мне пришлось замолчать. Но сердце моё потеплело, когда я посмотрела на его открытое, добродушное лицо, и я была бы рада протянуть ему руку общения. Но пока я могла лишь сказать ему пару слов о том, какая замечательная у него ферма и как красиво смотрятся поля и лес вокруг.
— Это точно, — сказал он, благодарно посмотрев на меня, — места у нас вокруг и впрямь славные. Видите ли, мэм, одна половина раньше принадлежала моему отцу, а другая — её отцу, а другой такой земли и правда нигде не найдёшь. Насчёт красоты не знаю, я особо не присматривался, а горожане так все говорят, что хоть картину пиши, — но ведь им и делать-то больно нечего, только кругом глядеть.
Не успел он договорить, как в комнату притопал Уолтер. Он только что проснулся и прибежал прямо с постели, босиком, шлёпая своими пухленькими белыми пяточками по тёплым доскам и протягивая мне свои башмачки, чтобы поскорее пойти гулять. И весь он был такой свеженький, такой розовощёкий, такой ясноглазый, что мистер Браун не удержался, подхватил его, обнял своими загорелыми руками и прижал к самому сердцу, которое так жаждало своих собственных птенцов.

23 сентября

Мы снова дома и снова в вихре забот — ведь лето закончилось, и надо опять готовиться к зиме. Но как бы ни жаловались и ни стонали все мамы на свете, они всё равно втайне любят эти домашние заботы и, наверное, не будь их, просто потерялись бы и не знали, куда себя девать. Да разве бы я променяла своего мужа, ребятишек и наш славный, хлопотливый дом на любые удобства, любое богатство и даже на сотню лет свободного времени?
Марте намного лучше, и Хелен вернулась к нам. Ума не приложу, как мы обходились без неё всё это время! Своим присутствием она как будто дополняет всех и каждого из нас. Были тут, правда, некоторые молодые люди, которым казалось, что она прекрасно дополнит их жизнь, но Хелен с ними не согласилась. Мы бесконечно рады, что она осталась с нами, но я всё равно надеюсь, что настанет день и она всё же вкусит блаженную радость супружества и материнства.

1 января 1853 года

Да уж, разглагольствовать всегда легче, чем следовать собственным убеждениям! Я могла бы привести уйму всевозможных причин, чтобы иметь только четверых ребятишек и не больше. Как хорошо спокойно спать всю ночь и иметь хоть немного свободного времени для чтения! Как хорошо время от времени снова садиться за пианино, иметь возможность навещать наших неимущих подопечных, когда им нездоровится, и (если уж говорить совсем честно) просто снова быть здоровой, бодрой и весёлой, чтобы дома Эрнест отдыхал и телом, и душой, а я могла лучше за ним ухаживать. Чем дальше, тем больше я дорожила этими маленькими радостями, — а теперь мне снова придётся от них отказаться! Мне хотелось бы принять свою новую ношу без упрёка и жалоб. К сожалению, я до сих пор упряма и своенравна и люблю всё делать по-своему. В молитвах я прошу Бога указать мне Его волю, а в глубине сердца сама придумываю для себя свою жизнь. Грустно видеть, что моя воля находится совсем не в таком

согласии с Божьей волей, как мне казалось. Оказывается, я не прочь продиктовать Богу, как именно Ему следует распорядиться моим временем, силами и здоровьем, хотя всё это принадлежит Ему, а не мне! Всё равно, я не успокоюсь и буду сражаться с собой до тех пор, пока с улыбкой не скажу: «Не моя воля, Господи, не моя, но Твоя да будет!»
Последние месяцы я совершенно искренне думаю, что счастливее нас семейства просто не найти. Как обильно Господь благословил нас! Во-первых, мы с Эрнестом любим друг друга. Конечно, мы не ангелы, и наша любовь друг к другу несовершенна (да и разве можно искать совершенства по эту сторону Небес!). Но, по-моему, эгоизма в этой любви становится всё меньше, а бескорыстной самоотверженности — всё больше, а общие молитвы, как и общие печали, освятили нашу семью. Во-вторых, дети все здоровы и веселы, они — наша неизменная радость и утешение. В-третьих, я непрестанно благодарю Бога за Хелен, за её присутствие в нашем доме, за её сестринскую любовь, её терпение и заботу о детях и за то, как благодатно она на них влияет. Чудесно иметь такую сестру! Наверное, даже не все кровные сёстры всегда могут жить в таком душевном и духовном согласии, как мы с ней. С того самого дня, когда она сняла траурные одежды и перестала изводить себя сомнениями в том, христианка она или нет, её осеняет почти безоблачный покой и мир. Я до сих пор храню и перечитываю то письмецо, которое она написала мне почти сразу после того, как произошла эта счастливая перемена. Вот оно:

*«Милая моя сестрёнка, я очень хочу, чтобы ты знала, что то тупое отчаяние, которое так долго мучило меня, наконец отступило, растаяло от тех слов, что ты произнесла тогда. Я уже говорила, что, должно быть, Сам Бог научил тебя, что надо сказать. Не знаю, была я уже тогда Его дочерью или нет. У меня ведь всё было совсем не так, как у тебя. Молитва всегда была для меня всего лишь повседневной обязанностью, и я ни разу не испытывала той близости, того согласия между Богом и человеческой душой, благодаря которому даже чаша скорби и утраты перестаёт быть горькой. Я знала, конечно (как и любой другой человек, хоть раз читавший Божье Слово), что Бог всегда требовал от Своих детей послушания, и во все времена те, кто и в самом деле были Его детьми, повиновались Ему, чего бы им это ни стоило. В Библии есть множество прекрасных тому примеров. Кроме того, я постоянно встречаю подобные примеры и в гимнах, и в биографиях всех благочестивых людей. Я видела такое послушание и в твоей жизни, милая моя Кэти, — даже в те самые минуты, когда ты горько упрекала себя за непокорность. Мне кажется, что главной сущностью и стремлением христианской жизни является как раз это — полное единение воли человека с волей Бога, и именно этого признака обновлённой жизни я не находила у себя. Первые три года после смерти Джеймса я готова была в любую минуту выхватить его из Божьих рук и вернуть себе, если бы только могла. Без него мне было так горько и одиноко — и не просто потому, что я сильно его любила, но и потому, что, потеряв его, я впервые увидела, какая пропасть отделяет моё сердце от Христа. Тогда я могла только безучастно и безнадёжно молиться о том, чтобы однажды всё-таки сказать вместе с Давидом: «Я стал нем, не открываю уст моих; потому что Ты соделал это» *. И когда ты сказала, что мне не надо больше гадать, люблю я Бога или нет, а можно просто начать любить Его сегодня, сейчас, свет пролился, наконец, в мою душу, и я тут же отдала себя Господу, а очутившись позднее в своей комнате, тут же упала на колени и впервые в жизни ощутила Его безмерное, мудрое и доброе владычество надо всем в мире. Потом перед моим внутренним взором моё собственное «кратковременное, лёгкое страдание» встало рядом с «безмерным преизбытком вечной славы», и я поблагодарила Бога за то, что Он посредством первого отрыл мне второе. Кэти, я знаю, что сердце человеческое лукаво и крайне испорчено, но, наверное, я погрешила бы против Его имени, если бы и дальше сомневалась в том, что Он открыл мне Себя, открыл не так, как миру; и если бы сердце моё не успокоилось в уверенности, что этот блаженный мир, который я обрела, покорившись Богу, пребудет со мной всегда, до конца жизни. Ах, если бы все страждущие могли познать то, что познала я! Если бы каждое сокрушённое сердце могло изведать то исцеление, которое даровал мне Бог! Милая моя сестрёнка, может быть, мы с тобой могли бы теперь вместе молиться за каждую скорбящую душу, чья жизнь пересекается с нашей, и по мере возможности помогать ей воздавать Богу славу немедленным послушанием Его воле, какой бы она ни была? Долгие годы я огорчала Господа своей упрямой, тщательно выпестованной печалью. Теперь мне хочется почтить Его долгими годами смирения и благодарной радости».*

Теперь, когда мне самой нелегко смириться под Божьей рукой, я снова с благодарностью перечитываю эти строки. Как прекрасно, как трогательно видеть в Хелен такую веру! — пусть же Господь и мне дарует послушание и смирение. Пусть эта молитва, которую сейчас, в момент вдохновения и просветления я без колебаний возношу перед Богом, станет привычным, глубоко укоренённым желанием моей души во все дни моей жизни.
Господи, плени каждое моё помышление в послушание Христу. Возьми всё, что я не могу Тебе отдать — моё сердце, тело, мысли, время, способности, деньги, здоровье, силы, ночи, дни, молодость, зрелость — и употреби всё это на служение Твоему Царству. Ты — мой распятый Господь, Спаситель, Бог! Господи, пусть эта молитва не будет просто пустыми словами! Кто мне на небе? И с Тобою ничего не хочу на земле. Изнемогает сердце моё по Богу, по Богу живому. Когда же, наконец, приду и явлюсь пред светлое лицо Его?

Глава XXVII

1 августа

Только что написала на ферму миссис Браун, не пустит ли она нас пожить к себе, пока не кончилось лето. До сих пор нас удерживал в городе один маленький человечек, совсем юный и крошечный. Мы все сердечно ему рады, хотя явился он без приглашения, не принёс с собой никакой одежды, отказывается платить за постой, не говорит ни слова, совершенно нас не замечает и требует к себе больше внимания, чем всё остальное семейство вместе взятое. Детишки относятся к нему с очаровательным любопытством и постоянно забрасывают его самыми разнообразными подарками.

9 августа, ферма «Душистый шиповник»

Итак, мы прибыли на ферму со всем своим скарбом. Я ни слова не написала миссис Браун о прибавлении к нашему семейству, потому что знала, что места у них достаточно. Выпрыгнув из коляски, я выхватила маленького у няньки и весело побежала по дорожке прямо к дому, думая про себя: «Если этот чудесный карапуз её не обратит, тогда уже ничто не поможет». И в тот же самый миг я увидела, как навстречу мне радостно бежит миссис Браун, а на руках у неё — крошечный мальчуган, как две капли воды похожий на мистера Брауна, — разве что пока не такой высокий и загорелый.
— А у нас вот кто есть! — воскликнула я, торжествующе подымая вверх своего маленького сынулю.
— А у нас тоже! — воскликнула она, так же подымая своего.
Мы и смеялись, и плакали от радости. Она взяла моего малыша, а я её. Я посмотрела на её малютку, и мой собственный сыночек стал мне ещё милее, а когда она посмотрела на моего, то её собственный малыш показался ей просто верхом совершенства. Наконец, мы вошли в дом, — то есть, мы, мамы. Дети в мгновение ока прошмыгнули в заднюю дверь и понеслись здороваться с полями и рощами.
Миссис Браун и раньше была приятной женщиной, с яркими глазами, сияющими, гладкими волосами и румяными щёчками, и впрямь напоминавшими дикий шиповник. Но теперь её лицо расцвело новой прелестью, а радости и страдания материнства придали ему особую задумчивую выразительность.

— Я и не думала, что так полюблю своего ребёночка! — говорила она, расцеловывая своего кроху всякий раз, когда останавливалась перевести дух между словами. — И как я жила без этакой-то прелести? Папа-то у нас весь день в поле. А я по хозяйству управлюсь, в доме приберу, принаряжусь получше, да и сажусь его дожидаться. Такая, бывало, тоска заест! А сейчас, не успею одеться, малышу гулять пора. Только я его чепчик выну, он уж знает, что сейчас к папе пойдём, — а уж как папку своего любит, так и не передать! Конечно, чего ему отца не любить, тот ведь тоже в нём души не чает. И такой он весь хорошенький, и не плачет никогда, разве только когда голодный или мокренький. Ах ты, солнышко моё ненаглядное, скажи-ка маме «Агу!» Ах, ты мой сладкий!
А когда с поля вернулся мистер Браун, его лицо просто засветилось от радости, когда он заметил меня в открытом окошке. Он широкими шагами подошёл прямо к окну, прижимая к себе сынишку, чьи беленькие ручки цеплялись за его загорелую шею, и вид у него был счастливый и смущённый, как у девушки.
— Видите, какого попрыгунчика она мне уродила, — сказал он, широко улыбаясь. — Как будто у меня и без этого забот не было! Что ж, быть ему фермером, не иначе — мы уж постараемся!
— Мама, — прошептала Уна, когда мистер Браун исчез за поленницей, безудержно расцеловывая свою крошечную копию, — скажи, правда, малыш у миссис Браун очень хорошенький?
Это прозвучало настолько удивлённо и комично, что я рассмеялась и поцеловала свою дорогую девочку, даже не пытаясь скрыть, как она меня позабавила.

10 августа

Протомившись почти всё лето в городе, ребятишки совершенно счастливы, что снова оказались в деревне. Даже застенчивая Уна носится повсюду стремительно и оживлённо, как жеребёнок, — такой я ещё ни разу её не видела. С тех пор, как мы приехали на ферму, у неё не было ни одного приступа. Ах, как бы мне хотелось всегда жить за городом, хотя бы ради неё! Реймонда с Уолтером я вообще не вижу — только за столом и вечером в постели. Они буквально живут на улице, постоянно бегают за мужчинами на работу, задают им уйму самых нелепых вопросов, о чём вечерами, добродушно посмеиваясь, мне докладывает мистер Браун. Они оба — радостные, счастливые мальчишки, хорошие и добрые, без всякого лицемерного самодовольства. Его бы я просто не вынесла. Меня часто спрашивают, как же получилось, что у нас такие хорошие, послушные и счастливые дети. Как будто это происходит само собой! Как будто одним родителям случайно достаются послушные дети, а другим — непослушные! Я уже слышала, как люди начинают поговаривать, что настал век «послушных родителей» и (согласно популярным воззрениям на воспитание) родители должны во всём подчиняться желаниям и прихотям своих детей, только бы их не расстроить. Боюсь, что если кто-то и правда воспитает так своих детей, этих детей ожидает довольно безрадостное будущее. Как им научиться слушаться Бога, если никто не учил их подчиняться человеческой, родительской власти? И как же они будут управлять своими собственными семьями, если так и не научатся управлять собой?

31 августа

Сегодня холодно, и с утра моросит противный, неуютный дождик, предвестник приближающейся осени. Поэтому детям пришлось отказаться от мысли о гулянии, которое они так обожают, и поискать каких-нибудь развлечений дома. Я достала и прочла им маленький дневничок, который начала, когда родился Эрнест-младший, потому что не хочу, чтобы ребята забыли умершего брата. Они с весёлым любопытством слушали, как я читала его смешные и забавные выражения, а рассказ о его первых словах и первых шагах выслушали, как удивительную сказку. Потом я прочитала о его последних шагах и последних словах здесь, на земле, и воспоминание о брате стало для них таким удивительно живым, что все они разочарованно вздохнули, когда я захлопнула тетрадь и сказала, что если они хотят услышать продолжение, придётся подождать, пока мы все не окажемся на Небесах, потому что тогда Эрнест-младший сам расскажет нам обо всём, что было с ним дальше.
Как я рада сейчас, что начала тогда эту маленькую тетрадочку и что такая же тетрадочка хранится у меня для каждого из моих малышей! Посреди такого множества хлопот и новых событий я быстро забываю то, что было раньше, — но всё, что можно было записать, тщательно записано. Надеюсь, что эти маленькие дневнички принесут ребятам много радости даже тогда, когда писавшая их рука навеки замрёт и успокоится. Ах, как же это чудесно — быть матерью!

1 сентября

Честное слово, этот маленький — самый сладкий и самый лучший из всех, что у меня были! Сердце так и заходится от какой-то небывалой, нестерпимой нежности, которой я не знала до сих пор. Мне и самой непонятно, почему это так, — право, я сильно-сильно и нежно-нежно любила всех своих малышей. Может быть, так бывает со всеми матерями? Может, с годами их любовь становится ещё крепче, ещё сильнее, мудрее, терпеливее, и каждому новому малышу они радуются и умиляются ещё больше, нежнее и смиреннее? Так и хочется защитить их беспомощную детскую хрупкость — ведь, не успеешь оглянуться, как каждый из них вырастет и займёт своё место в сражении с невидимыми врагами невидимого мира. Если бы только было можно, с какой радостью мы сами заняли бы их место в этой борьбе и сражались вместо них, чтобы уберечь их от зла!

20 сентября

Воздух заметно холодает, особенно утром и вечером, хотя в полдень до сих пор бывает даже жарко. Эрнест частенько навещает нас под тем предлогом, что не может оставить меня одну с таким беспокойным малышом. Какой он милый, какой внимательный и как меня балует! Сейчас мир кажется мне таким прекрасным, что я даже немного пугаюсь. Я не хочу настолько погружаться в своё земное счастье с Эрнестом и ребятишками, чтобы позабыть, что я всего-навсего странница и пришелица в этом греховном мире.

Вечером того же дня

Даже если бы я и хотела об этом позабыть, у меня всё равно не получится! Сегодня, ближе к вечеру Эрнест неожиданно приехал из города, тут же поднялся ко мне и в одном бурном порыве горя и отчаяния, какого раньше я никогда от него не слышала, излил мне свои опасения насчёт моего здоровья. Он сказал, что после рождения ребёнка я выгляжу как-то не так, и он серьёзно забеспокоился. Да нет, всё это пустяки! Ну, есть, конечно, небольшой кашель — но ведь сейчас такая изменчивая погода. Стоит мне вернуться домой, я мигом поправлюсь.
А если нет? А если не поправлюсь, что тогда? Как я могу оставить своих малышей одних, без материнской заботы и любви? Достанет ли у меня веры на то, чтобы знать, что даже призывая меня к Себе, Господь делает это из любви к моим милым

птенчикам? Не знаю. Конечно, мне радостно думать о том, что смерть избавит меня от греха, который до сих пор сильно мне досаждает. Да и потом, Господь позволил мне пережить немало блаженных, почти небесных минут, и я не сомневаюсь, что там мне будет очень, очень хорошо. Но как же дети? Ведь даже старшей, Уне, нет ещё и двенадцати! Нет, я не хочу выбирать. Не смею.
Нет, правда, какой же замечательной получилась моя замужняя жизнь! Конечно, на нашу долю тоже порядком пришлось и греха, и глупости, и болезней, и печали, но посреди всего этого между нами всегда была непоколебимая любовь друг к другу. Эрнест не отдалялся от меня, несмотря на все мои изъяны, и моя любовь к нему тоже выдержала все его ошибки и промахи, — ведь он тоже человек, и недостатков у него хватает, как и у любого другого. Эта любовь всегда оставалась с нами, ведь мы с Эрнестом постоянно молились о том, чтобы Господь не забирал у нас этого благословения, какие бы напасти и несчастия не ждали нас на пути. По-моему, именно в этом заключается удивительная, согревающая сердце тайна счастливого супружества, и мне хотелось бы рассказать о ней каждому человеку, вступающему на это поприще, ведь рано или поздно оно либо повергнет его в пучину горя и отчаяния, либо принесёт ему самую священную и сокровенную радость на земле!

6 октября

Первый (а может, и последний) раз за всю жизнь Эрнест разрешил мне остаться в деревне, чтобы полюбоваться на осеннюю пышность увядающей природы. Леса, поля и рощи как будто охвачены золотым пламенем и зажигают мне душу своей трогательной прелестью. Мне всё время кажется, что осень подхватила вдохновенную красоту и лучезарность лета, спрятала в глубине своего сердца всё его душистое цветение, роскошные закаты и сотни радужных обетований, и теперь с ослепительной щедростью изливает все эти богатства на очарованный мир. Трудно будет оторваться от такой удивительной красоты и снова погрузиться в прозу городской жизни! Но Эрнест уже приехал и настаивает на том, чтобы мы поскорее перебирались домой, пока не наступили настоящие холода. Бедный, милый мой Эрнест! Мне до смешного умилительно смотреть на то, как он беспокоится о своей тщедушной жене! И с чего он взял, что этот кашель обязательно должен предвещать что-то дурное? Раньше ведь он всегда проходил! Нет, правда, я и не думала, что Эрнест так сильно меня любит!

31 октября

Честное слово, Эрнест совершенно напрасно корит себя за то, что разрешил мне так долго задержаться в деревне. Мы ведь поехали на ферму только в августе, и мне хотелось побаловать детей и подольше подержать их на свежем воздухе. Так что вернулись мы только сейчас. Я чувствую себя почти совсем здоровой. Правда, в груди всё-таки немного побаливает, и кашель никак не перестаёт, но это всё пустяки.
Я чувствую себя бесконечно счастливой — самой счастливой женой и самой счастливой матерью в самом счастливом доме на свете! Жизнь кажется мне прекрасной и сулит множество радостей. Как же я рада, что скоро поправлюсь окончательно!
Правда, Эрнест продолжает внимательно следить за моим здоровьем. Он хочет, чтобы я поберегла себя, и поэтому советует перестать заниматься музыкой и рисованием, отложить всякое шитьё и писание дневников — иными словами, оставить в стороне всё, что меня занимает! — и какое-то время пожить в полной лености и безделье. Я не могу ему отказать — так настойчиво и ласково он просит меня об этом, умоляя меня уступить ради его же собственного спокойствия. Вот только заполню последние пустые странички дневника — и всё. Терпеть не могу оставлять дело незавершённым.

1 июня 1858 года

Я написала последние строки семь лет назад, даже не предполагая, сколько времени пройдёт, пока я снова смогу взяться за перо! Наверное, стороннему наблюдателю покажется, что все эти годы меня можно было только жалеть. Нет, что правда, то правда, — страданий и утрат было довольно, но я неизменно чувствовала сострадание и поддержку мужа, детей и великого множества друзей, которые окружали нас всё это время. Я и не знала, что у нас их так много!
Господь обошёлся со мной очень бережно. Я не свалилась от внезапной болезни, и мне не пришлось разом отказываться от всего, что я любила. Силы покидали меня, а боль усиливалась, но медленно и постепенно, и хотя, в конце концов, мне пришлось полностью оставить привычные занятия, домашние дела, визиты к бедным и больным и общение с друзьями, всё это уходило от меня потихоньку, одно за другим. Эрнест, казалось, быстрее меня начинал ощущать горечь каждой из этих маленьких утрат, потому что его сострадание всегда как бы опережало мои разочарования. Я вспоминаю, каким впервые узнала его когда-то, и сердце моё благодарит Бога за всё то, чему Эрнест научился за время нашего супружества, пусть даже для этого понадобились болезни, скорби и мой строптивый характер. Он любит меня с такой преданностью и постоянством, что эти годы стали для него, пожалуй, такими же тягостными, как и для меня. И если бы кто-нибудь семь лет назад рассказал мне, чему Бог собирается научить меня с помощью этих нескончаемых страданий, то, боюсь, я в ужасе отшатнулась бы от такой перспективы и постаралась бы вывернуться из-под Божьей руки, — а значит, упустила бы те драгоценные уроки, которые приготовил мне Господь. Но сейчас я могу сказать, что Он бережно вёл меня вперёд, шаг за шагом, и отвечал на мои молитвы по-Своему и в Своё время. Пусть никто на свете не сомневается, что для меня это был самый что ни на есть лучший и совершенный путь. Всё должно было быть именно так, а не иначе, — и было всё просто замечательно!
Пожалуй, труднее всего было жить, не зная, что ожидает нас завтра. Помню, как однажды смерть подошла так близко, что я уже выпустила из своей руки руку Эрнеста и перестала судорожно цепляться за своих любимых ребятишек. Передо мной распахнулись Небеса, и я подумала, что, наконец-то, все мои страдания и метания завершились. Но в этот самый момент мне вдруг стало легче, все опасные симптомы разом исчезли и жизнь вновь призвала меня к себе от самого преддверия Небес. Позднее такое повторялось несколько раз — Господь как бы переливал меня из сосуда в сосуд до тех пор, пока я не поняла, что по-настоящему счастлив лишь тот человек, у которого не осталось своего выбора и который спокойно, недвижно покоится в Божьей руке.
Даже сейчас никто не может предсказать, как повернётся моя болезнь. Мы живём только сегодняшним днём, не загадывая на завтра. Но что бы ни случилось, буду я жить дальше или умру, ничто не может омрачить мою радость, моё счастье — и, как мне кажется, радость и счастье моих любимых.
Вот как выглядит сейчас наш дом:
У себя в комнате, практически не вставая с постели, лежит измученная, больная мать — но даже самые жестокие телесные страдания не могут повредить её душе. Рядом с ней — преданный, заботливый муж и добрые, послушные дети, любящие друг друга и Господа. Отблеск Божьего покоя светится в каждом лице, слышится в каждом слове. Вот оно, предвкушение совершенного и вечного небесного дома, который однажды примет нас всех.
Наверное, Господь позволил Хелен остаться с нами именно для того, чтобы она оказалась рядом в эти нелёгкие годы. Неудивительно, что наш домашний уют пробудил в ней желание иметь свою собственную семью и любить своих собственных малышей. Она рассказала мне, что в жизни её был один тяжкий момент, когда она решила навсегда отказаться от удовольствия быть женой и матерью. Но она приняла свою долю благодарно и послушно, со смиренным достоинством. Каким удивительным и прекрасным приношением стала вся её жизнь — приношением прежде всего Господу, а потом уже и нам. Бог принял её жертву и сполна наделил её всеми хлопотами и заботами семейной жизни, правда, без тех удивительных, всё превозмогающих радостей,

которые так поддерживают любую жену и мать. Хелен стала буквально всем для наших детей, а Бог стал буквально всем для неё самой, и теперь она счастлива служить Ему и купаться в нашей любви.

13 июня

Я писала предыдущую страничку почти что две недели, с перерывами и остановками, потому что бралась за перо лишь тогда, когда позволяли силы. Эрнест разрешил мне закончить свой дневник, ведь в тетради осталось всего несколько страниц. А ещё он пригласил к нам в гости старого, доброго друга моих родителей, — доктора Итона, который всю жизнь был нашим домашним доктором. Доктор Итон сильно постарел, но глядит всё так же бодро и ясно, и лицо его до сих пор покрыто здоровым румянцем. Он говорит, что ждёт не дождётся, когда Господь призовёт его домой. Мы с ним долго разговаривали об этом небесном доме, и сердцу моему стало покойно и радостно. Потом он в подробностях расспросил меня о болезни, о предыдущих годах нездоровья и обо всех скорбях и печалях, которые нам довелось пережить.
— А-а, теперь понятно, откуда взялись эти очаровательные дети! — под конец сказал он, смеясь.
— Вы хотите сказать, что детям было даже полезно иметь такую слабую, болезненную мать? — удивлённо спросила я.
— Именно это я и хочу сказать! Послушная мать — послушные дети.
Вот, ещё одна капля утешения в чаше удовлетворения и покоя. Но чаша моя и так уже полна до краёв!

20 июня

Сегодня воскресенье, так что все ушли в церковь, кроме Уны, оставшейся ухаживать за мамой. По воскресеньям дети по очереди остаются со мной, и эти тихие дни вдвоём с каждым из них стали удивительным благословением и для них, и для меня. Наверное, это хоть как-то возмещает им то, что они теряют из-за болезни своей мамы. Пожалуй, я знаю состояние их маленьких душ настолько, насколько один человек вообще способен познать душу другого, и у меня есть все основания верить, что все мои дети любят своего Господа и Спасителя и стараются жить ради Него. Наконец-то я научилась не пренебрегать даже самыми незначительными ростками веры, научилась с нежностью лелеять самые хрупкие её соцветия и знаю, что моим малышам ещё долго придётся бороться со своими недостатками и слабостями, пока они не придут к зрелой и совершенной вере во Христа.
Уна превратилась в скромную, сдержанную, приветливую девушку. Ей уже восемнадцать, и братья любят её так сильно и преданно, что никогда её не дразнят, — можно ли сказать что-то более удивительное о двух младших братьях-сорванцах? Уна давным-давно перестала спрашивать, почему она так часто болеет, хотя большинство её сверстников полны жизни и здоровья. Милая, славная моя девочка! Она просто приняла свою долю раз и навсегда и спокойно идёт по жизни, делая то, что может, перенося все выпавшие ей страдания с благодатной кротостью, которая ещё крепче привязывает её к Господу Христу.

27 июня

Сегодня со мной остался Реймонд и в разговоре открыл мне свою заветную мечту.
— Знаешь что, мам, — начал он, — я решил, что если папа меня отпустит, то я... То есть, конечно, если я когда-нибудь стану по-настоящему хорошим, и всё такое. Короче, я решил стать миссионером!
— А у мамы значит, не надо спрашивать разрешения! — лукаво заметила я.
— Нет, — ответил он, беря в свои ладони мою исхудавшую, полупрозрачную руку. — Я же знаю, что ты не будешь против. Разве ты не помнишь? Когда я ещё был совсем маленьким, ты сама сказала, что если мне так этого хочется, то я могу отправляться, и ты будешь только рада.
— А ты тогда так обрадовался, что аж закукарекал, а потом ещё от восторга встал на голову и задрыгал в воздухе ногами!
Мы оба весело рассмеялись, и я заговорила снова:
— Сыночек, а ты знаешь, чего хотел бы от тебя папа?
— Я знаю, что он хочет, чтобы я изучал медицину и потом занял его место.
— Это очень, очень важное и нужное место сынок!
Лицо Реймонда омрачилось, потому что ему показалось, что я не воспринимаю его желание всерьёз.
— Реймонд, милый, — продолжала я, — я предала тебя Богу задолго до того, как ты сам к Нему пришёл. И если Он твоими руками будет творить полезные дела — неважно, дома или в другой стране — я только ещё раз благословлю Его святое имя. Не знаю, доживу я до этого или нет, но надеюсь, что когда ты вырастешь, то всю жизнь будешь трудиться в Божьем винограднике, по первому Его зову. Молясь о тебе, я всегда просила только одного: чтобы ты стал служить Господу всем своим сердцем и крепостью, а Он сделал бы через тебя много доброго и нужного в Своём Царстве.
Глаза Реймонда наполнились слезами, он поцеловал меня и отошёл к окну, чтобы немного успокоиться. Милый мой, славный, добрый любящий сыночек! Сколько ему ещё сражаться со всеми недостатками, которые он унаследовал от своей матери, — и сколько трудностей и испытаний выпадет ему в жизни! Но все скорби и тяготы стоят того, если они принесут ему тот же покой, что принесли мне.

30 июня

Все вокруг с удивлением смотрят, как прилежно я пишу в своём старом дневнике, который так долго оставался закрытым, — и поражаются, что у меня вдруг появились новые силы и я могу снова видеться со старыми друзьями, от которых болезнь почти совсем отрезала меня. Лучше и не спрашивать, что означает этот внезапный прилив сил, — а просто радоваться ему и жить, пока живётся.
Я не хочу выбирать между жизнью и смертью. Но передо мной последняя незаполненная страничка, и посему, что бы ни случилось со мной дальше, дневник мой подходит к концу. Его страницы хранят записи о жизни, в которой было полно ребяческих глупостей и греха, и я краснею от стыда при воспоминании о многих из них. Однако больше мне не нужно искать облегчения и сострадания у бесчувственной бумаги, и я не хочу больше тщательно проверять свои чувства и мысли, как делала это раньше. За долгие годы мне выпало много сокрушительной радости и сокрушительной печали, мне довелось видеть, какой пустой и неприкрытой бывает иногда жизнь, а также какой прекрасной и сладостной она бывает в другие свои минуты. Что мне осталось ещё сказать, я буду говорить Иисусу. А вместо того, чтобы писать в дневнике, я лучше буду молиться за всех человеков, за всех страждущих и заблудших, за всех, кого люблю. А имя им легион, потому что я люблю всех, всех!
Правда, правда, я люблю всех, без исключения! Наконец-то жизнь мою увенчала эта ослепительная радость. Христос живёт в моей душе, Он — мой. Я знаю это так же ясно и незыблемо, как знаю, что у меня есть муж и дети и они тоже мои. Божий Дух изливается из моего духа с невыразимым покоем тихой, полноводной реки, чьи берега покрыты изумрудной травой и радостно смеются, подмигивая мне бесчисленными лепестками своих цветов. Если я умру, то всего лишь оставлю это измученное, больное тело и

грешную душу и с ликованием отправлюсь туда, где буду жить со Христом, не зная ни боли, ни усталости. Если мне суждено жить дальше, Он ещё приготовит мне удивительные дела, которые я могла бы совершить ради Него. Так что в жизни ли, в смерти ли, я принадлежу Господу.

Мне хочется, страшно хочется лишь одного: умру я или нет, мне хотелось бы передать и другим ту восхитительную радость, которая сейчас переполняет меня. Многие годы я неколебимо верила в Бога, была твёрдо уверена, что Бог мой и Спаситель в самом деле любит меня. Но чего-то мне всё же не хватало. Я всегда ощупью искала какую-то незримую, недоступную мне пока благодать. Я чувствовала, что мне её недостаёт, и это огорчало меня даже в минуты священной радости, которая всегда оставалась несовершенной, — а ведь я всей душой жаждала совершенства. Теперь я знаю, что это такое. Это та самая личная, сокровенная любовь к Христу, о которой так часто говорила мне мама, — именно её она побуждала меня искать, стоя на коленях перед Богом. Если бы тогда я знала, каким бесценным сокровищем эта любовь может быть для греховной человеческой души, я бы точно продала всё, что имею, и купила бы это поле с зарытой в нём драгоценной жемчужиной. Но лишь тогда, когда болезнь отбила у меня вкус ко всем земным радостям, когда Он запер меня в комнате и оставил мне только молитву и Библию, — лишь тогда я начала проникать в ту тайну, которую постигают только на кресте. И какой простой оказалась эта чудесная тайна! Любить Христа и знать, что любишь Его — вот и всё!

Если бы я знала эту любовь в то время, когда Бог возложил на меня священные, но подчас неприглядные обязанности супружества и семьи, — вся наша жизнь была бы совсем иной! Я не стала бы так возмущаться мелкими недостатками своего мужа, с радостью приняла бы в своём доме Марту и её отца и окружила бы их искренней заботой и любовью. Я не стала бы препираться с прислугой, не кричала бы на детей. Потому что тогда уже говорила бы и действовала не я сама, но живущий во мне Христос.

Увы! Пока у меня было всего семь лет, чтобы хоть как-то искупить греховное, зря упущенное прошлое и начать новую благочестивую жизнь, которая воистину являла бы Христово присутствие. Но если мне предстоит прожить ещё несколько лет, то благодаря Господу, даровавшему мне Свою победу, эти годы Жизни будут годами Любви. Не такой любви, которая всего лишь созерцает Возлюбленного и бесконечно восхищается им, но Любви, которая несёт радость, утешение и блаженство тем, кто рядом.

А посему я хочу закончить свой дневник вот такими словами:

О благодать, о дар неизъяснимый!
Мне Бог великий веру даровал
И по Своей любви непостижимой
Меня к престолу милости призвал.

А ведь на свете столько душ смиренных,
Сердец, достойных боле моего
Услышать глас Его проникновенный,
Принять блаженство из руки Его.

Но в том и есть вся похвала и слава,
Чтоб растопить холодные сердца
И пробудить любовь в душе упрямой,
В ней сотворив обитель для Отца.

И если эта вера осеняет
Юдоль земную облаком чудес,
Каким блаженством дивным воссияет
Она в преддверье смерти и Небес?